

Калеб КАРР

АЛИЕНИСТ

Ласло Крайцлер

Калев Карр

Алиенист

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Карр К.

Алиенист / К. Карр — «АСТ», 1994 — (Ласло Крайцлер)

ISBN 978-5-17-107377-0

1896 год. Улицы Нью-Йорка превратились в «охотничьи угодья» изощренного убийцы, избравшего своими жертвами несовершеннолетних мальчишек. Чтобы избежать открытого скандала, будущий президент США, а ныне комиссар полиции Нью-Йорка Теодор Рузвельт поручает неофициальное расследование Ласло Крайцлеру, алиенисту, человеку, занимающемуся изучением психических патологий. Вместе со своей командой Крайцлер выследит убийцу. Но пока тот на свободе, он будет убивать снова и снова...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107377-0

© Карр К., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Примечание автора	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	42
Глава 7	53
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Калеб Карр

Алиенист

*Эта книга посвящается
Эллен БЛЕЙН, Меганн ХАЛДЕМАН, Итану РЕНДЕЛЛУ, Джеку
ЭВАНСУ и Юджину БЁРДУ*

*Тем, кто желает оставаться молодыми в старости, уже в
молодости следует стать стариками.
Джон Рэй¹*

Caleb Carr
THE ALIENIST

Перевод с английского С. Натапова под редакцией М. Немцова

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

© Caleb Carr, 1994

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

¹ Джон Рэй (1627–1705) – английский натуралист, первым предложивший систематическую классификацию живых организмов. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Примечание автора

До начала двадцатого столетия люди, страдавшие психическими расстройствами, считались «отчужденными» не только от общества, но и от своей человеческой природы. В те времена специалисты, занимавшиеся изучением психических патологий, называли *алиенистами*.

Часть первая

Восприятие

...Пока часть того, что составляет наше восприятие, поступает к нам через органы чувств от объекта, находящегося перед нами, другая (и, быть может, значительно большая) часть всегда приходит из глубин нашего собственного разума.

Уильям Джеймс. Принципы психологии²

*Эти кровавые мечты —
Что порождает их?*

Франческо Пьяве. Из оперы Верди «Макбет»

Глава 1

8 января 1919 года

Теодора больше нет.

В словах, которые я только что написал, не больше смысла, чем в образе его гроба, погружающегося в клочок песчаной земли неподалеку от Сагамор-Хилл, — места, любимого им более всех прочих райских уголков. Еще когда я стоял там, продуваемый насквозь стылým январским ветром с пролива Лонг-Айленд, мне подумалось: «Конечно. Это шутка». Конечно, он сейчас сорвет крышку гроба, ослепит нас всех своей дурацкой усмешкой, скорее смахивающей на оскал, и зайдется в дребезжащем и режущем слух хохоте. Потом объявит, что, мол, есть срочное дело — «Есть работенка!» — и мы будем незамедлительно построены для выполнения ответственного задания: защите некоего маловразумительного вида тритонов от хищнического истребления индустриальным гигантом, кой преступным путем разместил свое злобное производство в местах любовных игрищ крошечных рептилий... И я был не одинок в этих фантазиях, все присутствовавшие на похоронах чувствовали нечто подобное — это было написано на их лицах. Представить, что Теодор Рузвельт действительно покинул нас... совершенно невыносимо.

Хотя в действительности никто не отдавал себе отчета, что он стал угасать уже давно, с тех пор как его сын Квентин пал жертвой Великой Бойни в ее последние дни. Сесил Спринг-Райс, явив однажды образец типично британского сплава искренней заботы и не менее искренней язвительности, пробубнил, что Рузвельт всю свою жизнь был «шестилетним ребенком». В свою очередь Герм Хагедорн заметил, что после того, как самолет Квентина летом 1918-го сбили, «ребенок в Теодоре умер». Сегодня вечером, ужиная с Ласло Крайцлером у Дельмонико, я напомнил ему об этих словах Хагедорна. На протяжении двух оставшихся перемен блюд я был нещадно подвергнут длительному и типично Крайцлеровому страстному объяснению истинных причин, согласно которым смерть Квентина стала для Теодора чем-то большим, нежели просто несчастьем: тот искренне винил себя в случившемся, к тому же вина эта усугублялась его собственной философией «усердной жизни», согласно которой дети, стараясь

² Уильям Джеймс (1842–1910) — американский психолог и философ, основоположник прагматизма. Его фундаментальный труд «Принципы психологии» опубликован в 1890 г.

порадовать родителей, зачастую сознательно подвергают себя опасностям. Для Теодора такие мысли были практически невыносимы, и я всегда знал это. Всякий раз, когда ему приходилось терять кого-то из близких, создавалось впечатление, что в борьбе с самим собой он может просто не выжить. Но все обходилось до сегодняшнего вечера, когда, внимая речам Крайцлера, я осознал всю степень недопустимости подобных моральных колебаний для двадцать шестого президента, который временами даже самому себе представлялся воплощением Правосудия.

Крайцлер... Сам он не хотел приезжать на похороны – на его присутствии настаивала Эдит Рузвельт. Она всегда была равнодушна к человеку, которого величала не иначе как «энигмой», великолепному доктору, чьи изыскания в области человеческой психики так основательно растревожили общество за последние сорок лет. Крайцлер написал Эдит записку, в которой объяснил, что ему не слишком нравится сама идея мира без Теодора, и посему, находясь, как и Рузвельт, в возрасте шестидесяти четырех лет, а также учитывая жизнь, проведенную в неустанном наблюдении безобразных реалий повседневности, теперь он полагает, что вправе позволить себе некоторую поблажку и просто пренебречь фактом ухода из жизни своего друга. Сегодня Эдит призналась мне, что послание Крайцлера довело ее до слез. Она вдруг поняла, насколько безграничен был неистовый энтузиазм Теодора (вызывавший приступы праведного гнева у столь многих циников, и – сообщая это исключительно в целях сохранения журналистской беспристрастности – временами тяжело переносимый даже друзьями), если сейчас ему удалось таким манером повлиять на человека, чье всеобъемлющее отчуждение от общества представлялось большинству почти непреодолимым.

Кое-кто из «Таймс» хотел, чтобы сегодня я присутствовал на поминальном ужине, но этот тихий вечер с Крайцлером показался мне куда более ценным времяпрепровождением. И тосты, возносимые нами, ни в коей мере не были данью ностальгии по совместному отрочеству в Нью-Йорке, ибо на самом деле Ласло и Теодор познакомились уже в Гарварде. Нет, просто на самом деле Крайцлера и меня очень тесно связала та весна 1896 года (почти четверть столетия назад!) и череда событий, которые до сих пор кажутся слишком фантастическими даже для этого города. Уже заканчивая с десертом и мадерой (и сколь мучительным было устраивать поминки у Дельмонико, у старого доброго Дэла, ныне постепенно превращающегося вместе с нами в один лишь пустой звук, а ведь в те дни ресторан его был воистину оживленным местом наших важных встреч), мы уже всю потешались, качая головами, над тем, как же это нам удалось пройти через столь суровое испытание и сохранить при этом собственные драгоценные шкуры. И в то же время, судя по тому, что я наблюдал в лице Крайцлера и чувствовал в собственной груди, мы продолжали помнить всех тех, чьим шкурам повезло куда меньше.

Да, пожалуй, простыми словами всего этого и не опишешь. Я мог бы сказать, что, с ретроспективной точки зрения, все наши жизни, равно как и жизни многих других людей, неизбежно должны были сойтись в том страшном и зловещем эпизоде, но здесь я неминуемо дал бы повод заговорить о психологическом детерминизме, вопросах свободы воли человека – иными словами, вернуться к обсуждению извечной философской загадки, неутомимо взывающей к нам из тех кошмарных событий, подобно единственной различимой мелодии в запутанной опере. Или я мог бы сказать, что в те дни Рузвельт, Крайцлер и я при помощи лучших представителей рода человеческого, когда-либо мне встречавшихся, отважно двинулись по следу кровожадного монстра и в результате оказались лицом к лицу с напуганным ребенком, но... это может быть воспринято как осознанная попытка все запутать и переполнить «двусмысленностями», которые вызывают такой восторг у многих современных писателей и в последнее время заставляют меня держаться как можно дальше от книжных лавок – в кинематографе. Нет, существует лишь один способ сделать это: целиком описать все как было, мысленно вернувшись назад в ту первую зловещую ночь, к первому выпотрошенному телу, и много дальше, к нашим дням в Гарварде, проведенным с профессором Джеймсом. Да, опять извлечь весь этот ужас на свет божий и выложить перед публикой – единственный выход.

Возможно, многим это не понравится – я имею в виду общественное мнение, заставляющее нас годами хранить в тайне секреты подобного рода, о чем, кстати, свидетельствует большинство некрологов, посвященных Теодору и не содержащих ни единого упоминания о тех днях. В списке достижений Рузвельта за время исполнения им обязанностей президента Совета уполномоченных Полицейского управления Нью-Йорка с 1895 по 1897 годы только «Геральд» – которая в наши дни, увы, все чаще остается не востребованной – неловко присовокупила: «...и, конечно, успешное расследование жутких убийств, которые так всполошили город в 1896 году». Впрочем, Теодор никогда и не брал на себя ответственность за «успешное расследование» того дела. Говоря по правде, несмотря на собственные тревоги, он был достаточно объективен, чтобы доверить следствие человеку, на самом деле способному решить эту головоломку. И, между нами, в частном порядке он всегда признавал, что этим человеком был Крайцлер.

Но едва ли он мог заявить это во всеуслышание. Теодор знал, что американцы еще не готовы поверить в это. Любопытно, готовы ли они сейчас? Крайцлер полагает, что вряд ли. Когда я сообщил ему, что намереваюсь опубликовать всю эту историю, он наградил меня одним из своих сардонических смешков и сказал, что у людей это не вызовет ничего, кроме страха и отвращения. Страна, заявил он сегодня вечером, не слишком-то поменялась с 1896 года, несмотря на все старания таких замечательных людей, как Теодор, Джейк Риис, Линкольн Стеффенс³ и многих других, тогда работавших вместе. Согласно Крайцлеру, мы все еще продолжаем бежать – мы, американцы, в душе своей все еще бежим без оглядки, с той же скоростью и страхом, подобно тому, как раньше бежали от тьмы, таившейся за дверями многих домов, на первый взгляд казавшихся безмятежными. Прочь от тех кошмаров, что по-прежнему запикиваются в головы нашим детям людьми, коих Природа наказала любить и коим верить. И нас теперь больше, и мы бежим все быстрее и быстрее, ища утешения во всех этих эликсирах, порошках, священниках и философии, уверяющих нас в гарантированном спасении от любых ужасов и страхов всего лишь в обмен на сущую безделицу – духовное рабство... Неужели он действительно может оказаться прав?..

Однако я, кажется, и впрямь становлюсь двусмысленным. Начнем же!

³ Якоб Август Риис (1894–1914) – американский журналист и общественный деятель, поддерживая Рузвельта, выступал за проведение реформ городского управления. Линкольн Стеффенс (1866–1936) – американский журналист, публицист, один из зачинателей движения «разгребателей грязи».

Глава 2

3 марта 1896 года в два часа ночи в доме № 19 по Норт-Вашингтон-сквер, принадлежавшем моей бабушке, раздался совершенно безбожный трезвон, сперва поднявший на ноги горничную, а позже и саму почтенную леди. Звонили в дверь. Я валялся в кровати, пребывая в том состоянии – уже-не-пьян-но-все-еще-не-трезв, – кое обычно облегчается здоровым сном. Кто бы там ни стоял перед дверью, навряд ли у него какие-то дела к моей бабушке – но, подумав так, я счел лучшим решением зарыться глубже в подушки, надеясь, что неведомому гостю все же надоест звонить и он уйдет по своим неведомым делам.

– Миссис Мур! – услышал я голос горничной. – Такой ужасный шум, миссис Мур, могу ли я открыть дверь?

– Не можешь, – безжалостно и четко ответила ей моя бабушка. – Буди моего внука, Гарриет. Наверняка он опять забыл про какой-нибудь карточный долг!

Тут я услышал шаги по направлению к моей комнате и понял, что побудки не избежать. После отмены моей помолвки с мисс Джулией Пратт из Вашингтона я – уже два года как – поселился у своей бабушки, которая за это время приобрела устойчиво-скептический взгляд на мою манеру проводить свободное время. Я неоднократно пытался ей объяснить, что уголовный репортер «Нью-Йорк Таймс», каковым я имею честь являться, вынужден, помимо всего прочего, посещать множество районов и домов, славящихся дурной репутацией; то же самое касается неизбежного и малоприятного общения с весьма сомнительными персонами. Но бабушка моя слишком хорошо помнила светлую пору моей юности, чтобы принять на веру эти наивные оправдания. То, как я себя вел каждый вечер по возвращении домой, способствовало росту подозрений, лишний раз убеждая ее, что дело тут вовсе не в профессиональных обязанностях, а в личных пристрастиях, каждую ночь тянувших меня к танцалам и карточным столам Филея⁴ и, насколько я понял по реплике, адресованной Гарриет, сейчас наступал тот самый критический момент, в коий должна последовать демонстрация всех преимуществ трезвого образа жизни, ведомого человеком серьезных намерений. Я нырнул в черный китайский халат, пригладил короткие темные волосы и надменно распахнул дверь прямо перед носом служанки.

– А, Гарриет, – приветливо сказал я, держа одну руку за отворотом халата. – Нет никаких причин для беспокойства. Я тут просматривал кое-какие записи для статьи и случайно обнаружил, что часть необходимых материалов осталась в редакции. Полагаю, это явился посыльный.

– Джон! – возопила бабушка, после того как Гарриет в замешательстве остановилась. – Это ты?

– Нет, бабушка, – ответил я, мелкой рысью сбегая по лестнице, застланной пышным персидским ковром. – Это доктор Холмс.

Доктор Г. Г. Холмс был невыразимым садистом, мошенником и убийцей и в настоящий момент ожидал в Филадельфии справедливой виселицы⁵. По причинам, честно говоря, для меня совершенно необъяснимым, самым страшным кошмаром моей бабушки было вероятие того, что доктор Холмс вдруг вздумает каким-то чудом избежать своего свидания с палачом и

⁴ Филей (Тендерлойн) – в начале XX века злачный квартал Нью-Йорка вокруг Западной 34-й улицы и Седьмой авеню.

⁵ «Доктор Г. Г. Холмс» (Герман Уэбстер Маджетт) начал свою карьеру с того, что выкрадывал трупы из Мичиганского университета и получал на них страховки под фиктивными именами. Переехав впоследствии в Чикаго, основал целую империю аптек, разбогател и выстроил себе 100-комнатный «замок пыток» с газовыми камерами, чанами с кислотой, известковыми ямами, потайными люками и фальшивыми стенами. На Всемирной ярмарке 1893 года начал сдавать комнаты в нем постояльцам, через некоторое время убивая их и продолжая мошенничества со страховками. Кроме того, завлекал в особняк женщин, обещая жениться на них, но сначала вынуждал отписывать в его пользу все их сбережения, после чего сбрасывал в лифтовый колодец и травил газом. В подвале замка он также расчленил и свеживал свои жертвы, а также экспериментировал на трупах. Когда полиция заинтересовалась им, он поджег замок и скрылся. В руинах обнаружены останки более 200 жертв. «Доктор Холмс» был повешен 7 мая 1896 г.

невзначай отправиться в Нью-Йорк, с тем чтобы непременно ее, бабушку, навестить. Я задержался у двери в ее комнату и чмокнул старушку в щеку – что было встречено без тени улыбки, однако с явной благосклонностью.

– Не дерзи мне, Джон. Это наименее привлекательная из твоих черт. И не думай, что твои обходительные манеры заставят меня смягчиться.

Тарарам у двери возобновился – теперь он сопровождался голосом мальчика, выкрикивающим мое имя. Бабушка угрожающе нахмурилась:

– Во имя всего святого, кто это, и чего он, во имя всего святого, хочет?

– Я полагаю, это мальчишка из редакции, – сказал я, развивая начатую ложь, однако сам уже теряясь в догадках относительно возможной личности молодого человека, продолжавшего столь решительным образом штурмовать нашу входную дверь.

– Из редакции? – переспросила бабушка, явно не веря ни единому моему слову. – Ну что ж, в таком случае ответь ему.

По возможности быстро и вместе с тем осторожно я спустился по лестнице и уже на последних ступеньках осознал, что голос, вызывавший ко мне, был явно знакомым, однако точно установить его владельца я так и не смог. Хотя при этом не вызывало сомнений, что он действительно принадлежал молодому человеку; последнее, впрочем, никак не могло развеять моих беспокойств – кое-кто из самых закоренелых воров и убийц, встречавшихся мне в 1896 году в Нью-Йорке, на первый взгляд казались сосунками.

– Мистер Мур! – взмолился заново молодой человек, подкрепляя возгласы парой мощных пинков в дверь. – Я должен поговорить с мистером Джоном Скайлером Муром!

Я застыл на черно-белых мраморных плитах вестибюля.

– Кто там? – спросил я, положив одну руку на дверной запор.

– Это я, сэр! Стиви, сэр!

Я облегченно вздохнул и распахнул тяжелые деревянные ворота. Снаружи в зыбком свете газовой лампы, единственной во всем доме, которую бабушка отказалась заменить на электрическую, стоял Стиви Таггерт, «Стиви-свисток», как его еще называли. Первые одиннадцать лет своей жизни он посвятил тому, чтобы стать подлинным бичом всех пятнадцати полицейских участков города, но позже был, что называется, «обращен» в личного извозчика и мальчика на побегушках выдающимся медиком и алиенистом, а по совместительству – моим добрым товарищем, доктором Ласло Крайцлером. Стиви стоял, прислонившись к одной из белых колонн, обрамлявших входную дверь, и пытался отдышаться. Он явно был чем-то напуган.

– Стиви! – сказал я, отметив, что обычно ниспадающие пряди его длинных каштановых волос сейчас спутались и лоснятся от пота. – Что стряслось?

За его спиной я увидел маленькую канадскую коляску Крайцлера. Ее черная крыша была поднята, а в экипаж запряжен подобранный по окрасу мерин по кличке Фредерик. Животное, как и Стиви, было все в мыле, и от обоих валил пар, медленно таявший в прохладном мартовском воздухе.

– Доктор Крайцлер тоже здесь?

– Доктор сказал, чтобы вы ехали со мной! – быстро проговорил Стиви, похоже, совладавший со сбившимся дыханием. – Немедленно!

– Но куда? Сейчас два часа ночи...

– Немедленно!

Решительно он пребывал в состоянии, не располагающем к каким-либо объяснениям, так что я лишь попросил его подождать – с тем, чтобы иметь возможность хотя бы переодеться. Пока я облачался, бабушка вещала из-за двери моей спальни о причинах, заставивших «этого подозрительного доктора Крайцлера» и меня подхватиться в два часа ночи, и ее неоспоримой уверенности в том, что причины эти наверняка не из разряда приличествующих джентльмену.

По мере сил стараясь не обращать на нее внимания, я вернулся на крыльцо и, забравшись в коляску, поплотнее укутался в твидовое пальто.

Не успел я усесться поудобнее, как Стиви немедленно огрел Фредерика длинным хлыстом. Падая на сиденье вишневой кожи, я было собрался пожурить мальчика, но меня вновь остановил явный ужас на его лице. Так что я счел за лучшее устроиться молча, в то время как наша коляска, угрожающе раскачиваясь, тревожной рысью понеслась по булыжнику Вашингтон-сквер. Тряска и толчки слегка поутихли, когда брусчатку за поворотом сменили широкие длинные плиты, покрывавшие мостовую Бродвея, однако не намного. Мы направлялись в центр города и еще дальше – на восток, в тот самый квартал Манхэттена, где Ласло Крайцлер предавался своим трудам, а жизнь, начиная с границ, становилась все дешевле и, как следствие, – отвратительнее. Мы ехали в Нижний Ист-Сайд.

Какое-то мгновение я думал, что, быть может, нечто стряслось с самим Крайцлером. Безусловно, отчасти это могло оправдать поспешность, с которой Стиви правил Фредериком, то и дело нахлестывая бедное животное, в то время как обычно – и я знал это – он с ним обходился с изрядной долей уважения, если не сказать с трепетом. А вот первым представителем людской породы, который смог добиться от подростка чего-то большего, нежели ругань и пинки, стал Крайцлер – и он же был единственной причиной, по которой юный повеса не томился до сих пор в стенах некоего учреждения, располагавшегося на острове Рэндаллс и уклончиво именуемого «Приютом для мальчиков». В бытность свою, согласно записям в полицейских протоколах, «вором, карманником, пьяницей, злостным курильщиком и шпионом» – последнее относилось к исполнению Стиви ряда обязанностей в шайке карточных мошенников (в частности, под этим подразумевалось вовлечение в игру простофиль), – «а также учитывая врожденную страсть к разрушениям и опасности», – и все это, заметьте, характеристика десятилетнего ребенка, – так вот примерно в эту пору Стиви сильно покалечил одного из надзирателей острова Рэндаллс, обвинявшегося в свою очередь в «попытке свершить насильственный акт» (что в газетах тех лет означало не что иное, как примитивное изнасилование). Поскольку у надзирателя имелись жена и дети, искренность мальчика, а впоследствии и его вменяемость были подвергнуты столь серьезным сомнениям, что на допрос решили пригласить одно из нынешних светил судебной психиатрии, а именно – Крайцлера. Выслушав рассказ Стиви, тот мастерски нарисовал перед судом душераздирающую картину прозябания ребенка на улицах, когда Стиви в возрасте трех лет был предательски брошен собственной матерью, которая предпочла опиум заботе о сыне и в результате оказалась в содержанках у торговца оным наркотиком, происхождением – китайца. Судья был весьма впечатлен речью Крайцлера, чего нельзя было сказать о его скептической реакции на показания пострадавшего надзирателя: тем не менее он согласился помиловать малолетнего преступника лишь после того, как Крайцлер лично поручился за будущее мальчика и взял на себя ответственность за его дальнейшее воспитание. Я было решил тогда, что Ласло слегка тронулся, но факт остался фактом – спустя какой-то год Стиви разительно переменился. Как и большинство тех, кто работал на Ласло, мальчик фактически боготворил своего покровителя, не обращая никакого внимания на, мягко говоря, неестественное чувство эмоционального отчуждения, неизбежно возникавшее при общении с Крайцлером у многих его друзей и знакомых.

– Стиви? – попытался перекрычать я грохот колес, немилосердно стучавших по изношенной гранитной мостовой. – Где *сейчас* доктор Крайцлер? С ним все в порядке?

– Он в Институте! – ответил Стиви.

Основная работа Ласло протекала в основанном им еще в восьмидесятых Крайцлеровском детском институте, который успешно сочетал в себе черты школы и своего рода исследовательского центра. Я уже было собрался спросить, что же он там делает в столь поздний час, но тут мы вылетели на перекресток Бродвея и Хьюстон-стрит, отличавшийся постоянной оживленностью в любое время дня и ночи, так что мне сразу стало не до вопросов. Некто глубоко-

мысленно подметил, что здесь можно было наугад разрядить дробовик без боязни зацепить при этом хотя бы одного добропорядочного человека. Стиви же удовольствовался тем, что направил коляску в самую гущу бесчисленных пьяниц, картежников, морфинистов, кокаинистов, проституток, а также их морской клиентуры и, наконец, обыкновенных бродяг, в результате чего всей этой пестрой публике пришлось спешно искать укрытия на обочине, откуда многие посылали нам вслед виртуозные проклятья.

– То есть мы тоже едем в Институт? – крикнул я. В ответ Стиви повернул коня влево на Спринг-стрит, где мы потревожили деятельность двух или трех концертных салонов – заведений, где проститутки, выдававшие себя за танцовщиц, готовили почву для последующих свиданий в дешевых отелях с несчастными дураками, среди которых практически не было местных. От Спринг Стиви устремился к Дилэнси-стрит, пребывавшую в хаосе неизбежных ремонтных работ по расширению проезжей части, что обуславливалось предполагаемым ростом потока движения от нового Вильямсбургского моста, чье строительство, в свою очередь, только-только начиналось; здесь мы проскочили мимо парочки неосвященных театров. Вместе с эхом, долетавшим до нас из проносившихся мимо закоулков, я слышал и другое эхо – наполненное безнадёжностью и безумием эхо дешевых притонов, в грязных подвалах коих приторговывали тошнотворным пойлом, чей состав мог похвастать наличием самых невообразимых компонентов, от бензина до камфары, – зато всего пять центов за стакан. Стиви по-прежнему не сбавлял скорость и это значило, что мы направлялись к дальнему краю острова.

– Мы не едем в Институт?! – сделал я последнюю попытку хоть как-то прояснить ситуацию.

Стиви в ответ только потряс головой и щелкнул кнутом. Я пожал плечами и крепче ухватился за борта коляски, гадая, что же могло так сильно напугать мальчика, который за свою короткую жизнь, казалось бы, успел пережить все ужасы уличного Нью-Йорка – с их неприглядной стороны.

Дилэнси-стрит промелькнула запертыми ставнями фруктовых и одежных лавок, обернувшись уродливыми коробками доходных домов и хижинами многочисленных трущоб, размещившихся по соседству с набережной, прямо над Корлирз-Хук. Безбрежное убогое море ветхих лачуг и дрянных многоквартирных коробок раскинулось по обе стороны нашего экипажа. Этот район был своеобразным котлом, где варились самые разные культуры и языки; из них больше всего выделялись ирландцы, доминировавшие на юге Дилэнси, и венгры, преобладавшие дальше на севере, у самой Хьюстон. Среди верениц унылых жилищ, уже украшенных, несмотря на сегодняшнее морозное утро, обязательными рядами свежевystиранного белья, маячила случайная церковь неопределенной конфессии. Отдельные предметы гардероба и постельных принадлежностей замерзли целиком, застыв в порывах ветра причудливыми фигурами, перекрученными, казалось, самым неестественным образом, но, сказать по правде, здесь, где темные личности, обернутые в лохмотья, немногим отличающиеся от помойных тряпок, сновали от неосвященных дверных проемов к невидимым во тьме проулкам, без смущения топта босыми ногами замерзший лошадиный навоз, мочу и сажу, густыми слоями покрывавшие улицы, – вряд ли что-то могло удостоиться эпитета «неестественный». Мы очутились в районе, который мало что знал о каких бы то ни было законах или, выражаясь иначе, в районе, обитатели которого были рады гостям и соседям лишь в тех случаях, когда удавалось обратить их в бегство, после чего самим раствориться во мраке.

Там, где заканчивалась Дилэнси-стрит, в воздухе стоял характерный запах моря и свежей воды, в равной части смешанный с вонью отбросов, принадлежавших местным обитателям, населявшим окрестности набережной: каждый день они просто сбрасывали мусор вниз, где он, перемешиваясь, и порождал тот неповторимый аромат выгребной ямы, которую мы называем Ист-Ривер. Вскоре над нами нависла гигантская конструкция – въезд на зарождающийся во тьме Вильямсбургский мост. К ужасу моему, Стиви даже не притормозил, влетая на дощатое

полотно. Стук лошадиных копыт и грохот колес разносились теперь намного дальше, чем когда мы ехали по каменной мостовой.

Изошренные хитросплетения стальных ферм под настилом вынесли нас на десятки футов вверх – казалось, теперь мы парили в ночном воздухе. Гадая, что может оказаться целью нашего путешествия – неужто мы несемся к башням моста, которые были все еще далеки от завершения и открытие движения отстояло на многие годы, – внезапно я начал понимать, чем в действительности является приближающаяся тень, издавала походившая на стены огромной китайской пагоды. Выложенное из гигантских каменных блоков, увенчанное двумя коренными смотровыми башенками – каждая окольцована изысканной стальной дорожкой, – это экзотическое сооружение служило основанием манхэттенской части моста, конструкцией, которая на этой стороне в итоге несла на себе переплетения чудовищных металлических тросов, поддерживающих центральный пролет. В известном смысле, образ храма был недалек от истины: так же, как и Бруклинский мост, чьи готические очертания вырисовывались в ночном небе, эта новая дорога над Ист-Ривер была сакральным местом, где в угоду Инженерии, заполонившей за последние пятьдесят лет весь Манхэттен своими многоэтажными чудесами, приносились в жертву бесчисленные души рабочих. Пока не догадывался я об одном: кровавый ритуал, свершенный этой ночью на вершине западной опоры Вильямсбургского моста, был совсем иного свойства.

Неподалеку от входа на лестницу к смотровым башенкам, на вершине опоры, в дрожащем свете редких электрических лампочек, с фонарями в руках стояли несколько патрульных, чьи сверкавшие латунью бляхи выдавали их принадлежность к Тринадцатому участку (мы как раз миновали здание полиции, расположенное аккуратно перед Дилэнси-стрит). Вместе с ними находился и сержант из Пятнадцатого, что само по себе немало поразило меня – за два года возни с криминальной хроникой для «Таймс», не говоря уже о беспечном детстве, прошедшем на улицах Нью-Йорка, я твердо выучил, что каждый из полицейских участков ревностно хранит собственную территорию от посягательств со стороны коллег. (Сие повелось еще с середины века, когда различные полицейские группировки открыто враждовали друг с другом.) Если Тринадцатый вынужден призвать человека из Пятнадцатого, это значило, что происходит нечто из ряда вон выходящее.

Стиви наконец остановил мерина около группы синих шинелей, спрыгнул с облучка, мимоходом потрепав по холке тяжело дышащее животное, и повел его на обочину, к гигантскому штабелю из инструментов и строительных материалов. При этом мальчик с заметным недоверием косился на полицейских. Сержант с Пятнадцатого участка, высокий ирландец, мясистая физиономия которого выделялась из прочих единственно отсутствием густых усов, служивших для полицейских своего рода профессиональным атрибутом, шагнул навстречу Стиви и, угрожающе посмотрев на него, ухмыльнулся.

– Да неужто это наш маленький Стиви Таггерт, надо же... – сказал он с сильным ирландским акцентом. – А тебе, видать, и невдомек, что комиссар наш, почитай, всю дорогу требовал, чтоб я надрал тебе уши, а, Стиви? А? Чуешь, дерьмо малолетнее?

Я вышел из коляски; Стиви уже успел окинуть сержанта быстрым взглядом, не сулившим тому ничего хорошего.

– Не обращай внимания, Стиви, – сказал я, вложив в эту фразу максимум благожелательности. – Кожаный шлем отупляет человека. – На этой фразе мальчик слегка ухмыльнулся. – Но я все же не прочь узнать, что я здесь делаю.

Стиви дернул головой в сторону северной башенки и, достав из кармана помятую сигарету, произнес:

– Наверху. Доктор сказал, чтоб вы поднимались наверх.

Я было направился к проему в гранитной стене, но заметил, что Стиви остался рядом с упряжкой.

– Ты не идешь?

Мальчик вздрогнул и отвернулся, вспыхнув сигаретой.

– Я это уже видел. И будет здорово, если больше не увижу никогда. Я подожду здесь, пока вы не соберетесь домой, мистер Мур. Это распоряжение доктора.

Меня охватили мрачные предчувствия, которые только усилились, когда я, повернувшись, направился к дверному проему, где мне преградила путь рука сержанта.

– А вы кем будете, уважаемый, и с какой это радости вас катает Стиви-свисток, да еще в такой час? Вы знаете, что находитесь на месте преступления?

Я сообщил ему свое имя и род занятий, после чего сержант осклабился, продемонстрировав мне впечатляющих размеров золотой зуб.

– А, джентльмен из прессы – и надо же, «Таймс», не меньше! Что ж, мистер Мур, я тоже здесь недавно. Срочный вызов, знаете ли, – надо полагать, у себя им было некому доверить. Зовите меня Эф-эл-и-эн-эн, если угодно, только не делайте потом из меня какого-то жалкого патрульного. Я действительный сержант, сэр. Идемте, поднимемся вместе. А ты, Стиви, веди себя прилично, или полетишь у меня в Рэндаллс что твой плевок, заруби себе на носу!

Стиви отвернулся к лошади.

– Снял бы лучше штаны да побегал, – пробормотал он себе под нос – впрочем, достаточно громко, чтобы сержант расслышал. Тот бросил на него взгляд, исполненный гнева, но, вспомнив о моем присутствии, нашел в себе силы сдержаться:

– Неисправим, мистер Мур. Не представляю, зачем такому человеку, как вы, понадобилось якшаться с этим хулиганьем. Разве что для «контактов с преступным миром», не иначе. Идемте наверх, и смотрите под ноги, там темно, как в чертовой преисподней.

Так оно и оказалось. Я запинался и спотыкался в протяжение всего лестничного пролета, пока не добрался до вершины, где из тьмы выплыли очертания другой «кожаной каски». Это был инспектор с Тринадцатого участка; заслышав нас, он обернулся и выкрикнул кому-то еще:

– Это Флинн, сэр. Он приехал.

Лестница привела нас в маленькую комнатку, заваленную козлами, деревянными планками, ведрами заклепок, железными заготовками и проволокой. Из широких окон открывался прекрасный вид на окрестности – за спиной лежал город, а перед нашими глазами простиралась река и высились недостроенные пилоны моста. Дверной проем вел на смотровую площадку, огибавшую башню. Рядом стоял узкоглазый бородатый детектив-сержант по имени Патрик Коннор, которого я помнил еще по предыдущим своим визитам в полицейское управление на Малберри-стрит. Подле него, любуясь видом на реку, сцепив руки за спиной и покачиваясь на носках, возвышалась еще более знакомая фигура – Теодор.

– Сержант Флинн, – сказал Рузвельт не оборачиваясь. – Жуткое дело нас вынудило обратиться за помощью. Боюсь, действительно жуткое.

Мое душевное расстройство только усилилось, когда Теодор обернулся. В его внешности не было ничего необычного: дорогой, с легкой претензией на модность, костюм – такие же он носил в обычные дни; пенсне, что, подобно глазам, скрывавшимся за ним, было, пожалуй, слишком маленьким для такой большой, чуть ли не квадратной головы; широкие усы, над которыми нависал не менее широкий нос. И, несмотря на это, что-то в его облике казалось слишком странным. И тут до меня дошло – рот. Зубы, всякий день щедро выставляемые напоказ, теперь прятались за плотно сжатыми губами, как будто что-то страшно рассердило его или, наоборот, повергло в смятение. Что-то сильно потрясло Рузвельта.

Смятение его возросло, когда он заметил меня:

– Какого... Мур? Разрази меня гром, что вы тут делаете?

– Я тоже рад вас видеть, Рузвельт, – вопреки собственной нервозности сказал я, протягивая руку.

– Нет, но какого... то есть, извините – конечно, мне очень приятно видеть вас, разумеется, приятно. Но кто вам сказал, что...

– Сказал что? Меня буквально силком привез сюда мальчишка Крайцлера. Согласно его приказам и без каких бы то ни было объяснений.

– Крайцлер... – пробормотал Теодор со столь несвойственным ему ошарашенным и даже отчасти напуганным видом. – Да, Крайцлер был здесь.

– Был? Вы имеете в виду, что он ушел?

– И еще до моего прибытия. Он оставил записку. И отчет. – Теодор показал мне листок бумаги, до сих пор прятанный в его левой руке. – По меньшей мере у нас есть предварительное заключение. Он оказался первым врачом, которого смогли найти. Хотя надежды все равно не было...

Я положил руку ему на плечо.

– Рузвельт. Что случилось?

– Осмелюсь заметить, комиссар, если по правде, я б тоже был не прочь это узнать, – с отталкивающим подбострастием добавил сержант Флинн. – Так уж выходит, что нам в Пятнадцатом редко удастся выпастся, и чем быстрее я...

– Очень хорошо, – сказал Теодор, беря себя в руки. – Как у вас с желудками, джентльмены?

Я ничего не ответил, Флинн отпустил какую-то нелепую шутку насчет разнообразия отталкивающих зрелищ, встречавшихся ему в жизни, но Теодор не был расположен к шуткам. Он показал на выход к смотровой площадке. Детектив Коннор уступил нам дорогу, и Флинн первым устремился наружу.

Первой у меня в голове пронеслась мысль, что, несмотря на мою взвинченность, вид с площадки открывается еще более необычный, чем из окон башни. На той стороне водной глади лежал Вильямсбург, некогда мирный поселок, теперь же быстро превращавшийся в суетную часть метрополиса, – ему буквально через несколько месяцев официально предстояло влиться в ряды районов Большого Нью-Йорка. На юге все так же маячил Бруклинский мост, а где-то далеко на юго-западе должны были стоять новые башни Принтинг-Хаус-сквер – под нами же бурлили черные воды реки...

И тут я узрел это.

Глава 3

Странно, сколь долго мое сознание пыталось извлечь какой-то смысл из увиденного. Хотя, возможно, это нормально – слишком много всего было неправильного, не вяжущегося с этим местом, такого... извращенного, что ли. Чего еще можно было ждать от нервной системы?

На площадке находилось тело молодой особы. Я говорю – «особы», поскольку, несмотря на явные физические признаки, указывающие на то, что это был юноша, одежда его (что-то вроде женской сорочки с оторванным рукавом) и косметика на лице утверждали обратное. Он больше походил на девушку, или даже скорее на женщину, причем на женщину так называемой «сомнительной репутации». Руки этого несчастного создания были скручены за спиной, ноги согнуты в коленях, так что лицо упиралось в стальной пол площадки. Больше на нем ничего не было – ни штанов, ни обуви, только одинокий носок, жалко свисавший с одной из ног. И то, что было сделано с телом...

Лицо осталось практически нетронутым – его по-прежнему покрывали косметика и пудра, но вот там, где раньше были глаза, зияли кровавые каверны. Из рта высывался загадочный кусок плоти. Горло охватывал глубокий разрез, хотя крови при этом было совсем немного. Длинные надрезы пересекали и живот, демонстрируя невнятную массу внутренних органов. Правая рука была практически полностью отделена от тела. На месте мошонки чернела еще одна дыра, объяснявшая то, что творилось у жертвы во рту: гениталии были отрублены и засунуты между челюстей. Ягодицы тоже отрезали так, словно бы... кто-то сделал это единым взмахом.

Через пару минут или около того, которые понадобились мне, чтобы разглядеть все детали, окружающий мир провалился в море зыбкой черноты, и то, что показалось мне шумом корабельных винтов, впоследствии оказалось гулом крови в моих собственных ушах. Внезапно я понял, что, наверное, меня тошнит, и, едва справляясь с головокружением, хватаясь за ограждение площадки, я свесил голову вниз.

– Комиссар! – крикнул Коннор, только появившись на пороге башенки. Но Теодор уже одним прыжком сомкнул расстояние между нами и подхватил меня под руки.

– Спокойно, Джон, – услышал я его голос и схватился за подставленное плечо. – Дышите глубже.

Незамедлительно последовав его инструкциям, я услышал протяжный свист – его издал Флинн, до сих пор глазевший на тело.

– Отлично, – сказал он, обращаясь вроде бы к жертве, хотя на самом деле обращаться ему было особо не к кому. – Кто-то все ж таки уделал тебя, а, Джорджи-Глория, как считаешь? И теперь ты чертовски плохо выглядишь.

– Надо полагать, вы знаете это дитя, Флинн? – спросил Теодор, бережно прислоняя меня к стене башенки. Между тем самообладание, похоже, понемногу ко мне возвращалось.

– Надо полагать, что так, комиссар. – Похоже, Флинн улыбался, хотя, возможно, это была всего лишь игра освещения. – Вот только если судить по образу жизни этого создания, его сложно назвать ребенком. Фамилия – Санторелли. Должно быть, этому... гм, было лет тринадцать или около того. Вообще его зовут... звали Джорджио, но когда оно устроилось подрабатывать у «Парез-Холла», то стало звать себя Глория.

– Оно? – переспросил я, чувствуя, как холодный пот стекает мне за воротник пальто. – Почему – оно?

– Действительно, а как бы вы сами назвали это, мистер Мур? – весело оскалился Флинн. – Одето не по-мужски, не говоря уже обо всем остальном – и между тем, господь, увы, не сотворил его женщиной. Все это племя для меня – оно.

При этих его словах пальцы Теодора как-то сами собой сжались в кулаки, а те уперлись в бока.

– Меня не интересует, – сказал он, – ваш философский анализ сложившейся ситуации, сержант. Как бы там ни было, этот мальчик был всего лишь ребенком, и этого ребенка убили.

– Несомненно убили, сэр, – хмыкнул Флинн, еще раз взглянув на тело.

– Сержант! – Голос Теодора, который даже в обычных обстоятельствах не очень подходил к его внушительной внешности и, стоит заметить, отличался некоторой неприятностью, теперь стал еще более резким и пронзительным, когда он рывкнул на Флинна, немедленно вытянувшегося по струнке. – Ни одного слова от вас, сэр, пока я не задам вам вопрос! Понятно?

Флинн кивнул, однако от Теодора вряд ли могло ускользнуть то характерное выражение цинично-веселой обиды, с которым старослужащие офицеры принимают наставления от особого уполномоченного, не проработавшего и года. Выглядело это так, будто вся цепочка получаемых Флинном команд мгновенно находила свое отражение в презрительно поджатой верхней губе.

– Теперь, – сказал Рузвельт, буквально выплюнув это слово изо рта, как только он умел это делать. – Вы сказали, что мальчика звали Джорджо Санторелли и он работал рядом с «Парез-Холлом» – насколько я помню, это заведение Вышибалы Эллисона на Купер-сквер, правильно?

– Это оно, комиссар.

– И где, по-вашему, может находиться сейчас мистер Эллисон?

– Сейчас? Должно быть, в «Холле», сэр.

– Ступайте туда. Скажите ему, что я хочу его видеть завтра утром на Малберри-стрит. На какое-то время Флинн будто задумался.

– Завтра?.. Прошу прощения, комиссар, но мистер Эллисон не из тех людей, которых можно вот так запросто попросить куда-либо заявиться.

– Так задержите его, – сказал Теодор и, демонстративно отвернувшись, стал изучать раскинувшийся перед ним Вильямсбург.

– Задержать? Чего там, комиссар, если уж мы собираемся арестовывать каждого владельца бара или другого какого беспокойного заведения с мальчиками-шлюхами из-за того, что одно... один из них получил по заслугам, да хотя бы и прибили его, то почему бы, сэр, нам уже тогда не...

– Может быть, вы потрудитесь сообщить мне действительную причину вашего упорства? – сказал Теодор, принявшись разминать за спиной кулаки. Он шагнул вперед, сверкая на Флинна стеклами пенсне. – Случайно мистер Эллисон не является основным источником вашего дохода?

Глаза Флинна на секунду распахнулись, но он совладал с собой и надменно, с видом человека, чьей репутации нанесено смертельное оскорбление, произнес:

– Мистер Рузвельт, я служу в полиции уже пятнадцать лет, сэр, и полагаю, что знаю, чем живет этот город. Вы не станете тревожить такого человека, как мистер Эллисон, просто потому, что какой-то кусок иммигрантского дерьма наконец получил то, что ему давно причиталось!

Это стало последней каплей – я знал, что это должно было стать последней каплей, – и, к счастью для Рузвельта, я успел подскочить к нему и схватить его за руки в тот момент, когда тот уже был готов превратить лицо Флинна в безликое кровавое месиво. Хотя мне стоило немалых усилий удержать его.

– Нет, Рузвельт, не стоит! – зашептал я ему в ухо. – Ему только этого и надо, все они хотят одного и того же! Нападите на человека в форме, и все – ваша голова, считайте, уже у них в кармане и даже мэр здесь ничего не сделает!

Рузвельт к тому времени тяжело дышал, Флинн снова ухмылялся, а детектив-сержант Коннор вместе с инспектором стояли поодаль, даже не делая попыток хоть как-то вмешаться в происходящее. Они прекрасно понимали, что сейчас в буквальном смысле находятся промеж двух огней: с одной стороны – мощная волна муниципальных реформ, накрывшая Нью-Йорк после того, как годом ранее комиссия Лексоу обнародовала свои сенсационные выводы касательно уровня полицейской коррупции, с другой – не менее, а возможно, и более могучая сила той самой коррупции, что существовала, пожалуй, все время, пока существовала полиция, и сейчас лишь переживала время, пока народ не забудет про эти новомодные реформы и не примется снова нарушать закон.

– Выбор, в сущности, прост, Флинн. – Рузвельт наконец справился с приступом – причем с таким достоинством, которого трудно было ждать после недавней вспышки ярости. – Эллисон в моем кабинете или ваша бляха на моем столе. Завтра утром.

– Конечно, комиссар, – угрюмо сдался Флинн. Он развернулся кругом и направился вниз по лестнице, бормоча себе под нос что-то вроде: «Черт бы побрал хлыщей, играющих в полисменов». Но тут появился один из патрульных снизу и сообщил, что прибыл фургон coronera и тот уже готов увезти тело.

Рузвельт попросил их минуту подождать, после чего отпустил Коннора вместе с инспектором. Мы остались на площадке одни, если не считать отвратительных останков того, что некогда, возможно, было одним из многих бесщастных молодых людей, чьи жизни каждый сезон разлетались вдребезги на дне темного океана убогих лачуг, простиравшихся от нас и до западных границ города. Вынужденных цепляться за что лишь можно – и Джорджио Санторелли был типичным тому примером, – и все ради того, чтобы просто выжить. Дети, предоставленные сами себе. Человеку, не знакомому с трущобами Нью-Йорка образца 1896 года, наверное, никогда бы и в голову не пришло, что такое возможно.

– Крайцлер установил, что мальчик был убит сегодня ночью и не так давно, – сказал Теодор, мельком взглянув на листок, который держал в руке. – Что-то там было про температуру тела. В общем, убийца может все еще скрываться неподалеку – мои люди сейчас прочесывают район. Здесь еще несколько сугубо медицинских подробностей, плюс вот это вот послание.

Он протянул мне бумагу, на которой я разглядел характерные Крайцлеровы каракули, набросанные второпях и печатными буквами: «РУЗВЕЛЬТ, СОВЕРШЕНЫ УЖАСНЫЕ ОШИБКИ. Я БУДУ К УТРУ ИЛИ К ЛАНЧУ. НАМ СЛЕДУЕТ ПРИСТУПАТЬ – ЕСТЬ ПЛАН». Какое-то время я пытался найти в этих строчках смысл.

– Очень мило с его стороны оставить нам еще одну загадку, – сделал я единственный возможный в такой ситуации вывод.

– Да, – усмехнулся Теодор. – Сперва я подумал то же самое. Но сейчас, мне кажется, я понимаю, что он имел в виду. Стало яснее после осмотра тела. Как по-вашему, Мур, сколько людей каждый год в Нью-Йорке находят убитыми?

– Сложно сказать. – Я машинально посмотрел на труп и тут же резко отвел взгляд при виде лица, буквально втоптанного в металлическую площадку, так что нижняя челюсть вывернулась под неестественным углом по отношению к верхней, и эти кроваво-черные провалы на месте глаз... – Предположительно сотни. Возможно, тысячу человек или две.

– Да, это возможно... – отозвался Рузвельт. – И, тем не менее, это всего лишь наши предположения. А сколько таких случаев остается незамеченными? Ну, разумеется, силы правопорядка из кожи вон лезут, если жертва респектабельна и пользуется уважением в обществе. Но для таких, как этот мальчишка, для иммигрантов, торгующих собственным телом... Мне стыдно признаться, но еще не случалось, чтобы кто-либо хоть раз всерьез решил заняться подобным делом – и это должно быть заметно хотя бы по реакции Флинна. – Здесь его руки снова сами собой уперлись в бока. – Но, видит бог, я уже устал от всего этого. В этом мерзком районе мужа и жены изводят друг друга, пьяницы и морфинисты убивают рабочих людей, про-

ституты режут без счета, если только они сами не кончают жизнь самоубийством, а окружающим это представляется не иначе как своего рода мрачным спектаклем, не лишенным занятости, не более. И это само по себе уже достаточно скверно. Но когда жертвами, как сейчас, становятся дети, а общество ничем не отличается от Флинна... клянусь громом, я готов объявить войну собственному народу! Какого черта, да за этот год у нас уже прошло три таких дела – и ничего, никакой реакции, только перешептывание по участкам да сплетни детективов!

– Три? – переспросил я. – Но я знаю только о девочке у Тряпичника.

Тряпичник Шань владел домом терпимости на перекрестке Шестой авеню и 24-й улицы и предлагал своим клиентам детей (большей частью девочек, хотя мальчиками тоже не брезговал) от девяти до четырнадцати лет. В январе одну из них, десяти лет от роду, нашли забитой насмерть в одном из номеров.

– Да, причем если бы Тряпичник не задержался с выплатой очередной взятки, мы бы и этого никогда не узнали, – сказал Рузвельт.

Нынешний мэр Нью-Йорка, полковник Уильям Л. Стронг, затеял жестокую битву с коррупцией, и его сподвижники, вроде Рузвельта, бесстрашно бились с ней днем и ночью, но до сих пор так и не преуспели в борьбе с самым древним и вместе с тем самым доходным предприятием полицейских: регулярными поборами с владельцев салунов, варьете, публичных домов, опиумных притонов и прочих мест подобного сорта.

– Кто-то с Шестнадцатого участка, и я пока еще не выяснил, кто именно, сплавил газетчикам значительную часть этой истории – с тем, чтобы закрутить потуже гайки своим подопечным. Но поскольку оставшиеся две жертвы были мальчиками, такими же, как этот, и находили их на улицах, давить на их хозяев было совершенно бесполезно. Так что их истории так и остались нерассказанными...

Его голос умолк, смешавшись с плеском воды под нами и шорохом неизменного бриза, веявшего над рекой.

– Их обоих – так же?... – спросил я, глядя на Теодора, рассматривающего тело.

– Фактически да. Горло перерезано. И обоим здорово досталось от крыс и птиц – так же, в общем, как и этому. Не самое приятное зрелище.

– Крысы и птицы?

– Глаза, – ответил Рузвельт. – Детектив-сержант Коннор списал все на крыс, на охотников за падалью. Но все остальное...

В газетах ничего не писали про этих детей, хотя здесь не было ничего удивительного. Рузвельт был прав: убийства, казавшиеся нераскрываемыми, имевшие место среди бедноты или изгоев, редко фиксировались, и еще реже дело доходило до полицейского расследования. А если жертвы относились к той части общества, чье существование до сих пор вообще официально отрицается, шансы на огласку дела стремительно съеживались до вовсе мизерных размеров. На секунду я представил, что сказал бы мой редактор в «Таймс», предложи я ему запустить историю про мальчика, который жил тем, что красился, как молодая шлюха, и продавал свое тело взрослым мужчинам (а ведь многие из них до сих пор считаются уважаемыми людьми), и его однажды безжалостно зарезали в одном из темных уголков нашего города. Думаю, мне бы сильно повезло, если бы после такого предложения меня просто уволили – принудительное заточение в Блумингдейловском приюте для умалишенных представлялось куда более реальным.

– Я много лет не виделся с Крайцлером, – задумчиво пробормотал Теодор, до сих пор пребывавший в некоторой отрешенности. – Хотя он прислал мне очень доброе письмо, когда... – На мгновение он запнулся. – Да, это было действительно трудное время.

Я сразу понял, что он имеет в виду. Теодор вспомнил о смерти своей первой жены Элис, которая в 1884 году отошла в мир иной, дав жизнь их дочери, носившей то же имя. Похоронив жену, Теодор поступил так, как он всегда поступал в подобных ситуациях, – вычеркнул из

памяти все, что так или иначе напоминало об этой трагедии, и больше ни единым словом к ней не возвращался.

– Однако, – обратился ко мне Теодор, пытаясь отогнать неприятные мысли, – наш милейший доктор вас, должно быть, вызывал не без причины.

– И будь я проклят, если знаю, в чем она заключается, – ответил я, пожимая плечами.

– О да, – произнес Теодор, сопроводив реплику добродушной ухмылкой. – Загадочен наш друг Крайцлер, загадочен, как китаец. Хотя и я тоже за последние месяцы навиделся всяких странностей и ужасов – и, пожалуй, слишком многого навиделся... Но, полагаю, способен угадать его замысел. Вы понимаете, Мур, я был вынужден закрыть глаза на все эти убийства, поскольку Управление отнюдь не горело желанием браться за расследование. А впрочем, даже если бы и взялось, ни одному из наших детективов не под силу увидеть смысл в подобной бойне. Но этот мальчик и это страшное кровавое месиво, в которое его превратили... Правосудие не может оставаться слепым бесконечно. У меня есть план, и, я полагаю, он есть и у Крайцлера, а вы, думаю, – тот самый, кому предназначено объединить наши усилия.

– Я?

– А почему бы и нет? Вспомните себя в Гарварде и нашу первую встречу.

– Но что я должен делать?

– Завтра вы приведете Крайцлера ко мне в кабинет. Поздним утром, как он и просил. Мы посоветуемся и выясним, что можно предпринять. Но помните, этому следует остаться между нами – для остальных наш совет должен выглядеть всего лишь долгожданной встречей старых друзей.

– Черт возьми, Рузвельт, что еще за долгожданная встреча, какие старые друзья?

Но он уже не слышал меня, погрузившись в мысли о предстоящем великолепии своего плана. Оставив мой унылый возглас без внимания, Теодор глубоко вздохнул, расправил грудь и как-то весь разом приободрился.

– Действие, Мур, – мы должны ответить действием!

После чего он сжал мои плечи в крепких объятиях – похоже, к нему в полной силе вернулись уверенность в себе и привычный энтузиазм. Что же до моей собственной уверенности в себе, да что там в себе – хоть в чем-нибудь, – напрасно я ждал ее появления. Я знал только, что вместе со мной во все это оказались втянуты два самых неистовых и решительных человека, когда-либо мне встречавшихся, – и, признаться честно, это чувство здорово тяготило меня, пока мы спускались к Крайцлеровой коляске, покинув башню и одинокое тело несчастного Санторелли, оставшееся наверху, в ледяном небе, так до сих пор и не тронутым утренней зарей.

Глава 4

Вместе с утром пришел холодный, секущий мартовский дождь. Я встал рано, но как раз вовремя, чтобы обнаружить завтрак, милосердно приготовленный мне Гарриет. Крепкий кофе, тосты и фрукты (последние она полагала важнейшим продуктом для всякого, кто часто выпивает; убеждения эти зиждились на опыте ее собственной семьи, обильной потомственными пропойцами). Со снedyю я удобно устроился в застекленном уголке моей бабушки и, наблюдая за все еще дремлющим розарием на заднем дворе, решил просмотреть утреннюю «Таймс» перед тем, как дозваниваться до Крайцлеровского института. С дождем, барабанившим по медной крыше и окружавшим меня стеклянными стенам, смешивалось благоухание пары кустов, которые моя бабушка круглый год поддерживала в цветущем состоянии. Так я просидел некоторое время, после чего заставил себя погрузиться в газету, с трудом восстанавливая контакт с окружающей действительностью, так неожиданно и бесцеремонно нарушенный событиями прошедшей ночи.

«ИСПАНИЯ В ЯРОСТИ», прочитал я. Вопрос американской поддержки националистских повстанцев на Кубе (Конгресс Соединенных Штатов уже успел подтвердить их права, признав регулярными войсками, что не оставляло сомнений относительно их намерений) продолжает серьезно беспокоить злосчастный рушащийся Мадридский режим. Босс Том Платт⁶, трупобразный лидер республиканцев, вновь подвергся критике со стороны «Таймс» за попытку извращения в собственных порочных интересах неотвратимого преобразования города в Большой Нью-Йорк, включающий в себя Бруклин и остров Стейтен наравне с Куинсом, Бронксом и Манхэттенем. Близящиеся республиканские и демократические съезды в один голос пообещали рассмотреть вопрос биметаллизма, или, иначе – будет ли прочный американский золотой стандарт осквернен примесями серебряной валюты. Триста двенадцать черных американцев отплыли морем в Либерию. Итальянцы бунтуют из-за того, что их войска начисто разгромлены дикими абиссинскими племенами на другой стороне Черного континента.

Несомненно, все это было ужасно важно, но совершенно неинтересно для человека в моем настроении. Хотелось все же чего-то полегче. Полегче оказались слоны на велосипедах в «Театре Проктора», труппа индийских факиров в «Музее Хьюберта» на 14-й улице, в «Академии Музыки» блистал Макс Альвари в роли Тристана, а в «Богине Правосудия» в «Аббатстве» – соответственно Лиллиан Расселл. Элеонора Дузе в «Камилле» была «не Бернар», а Отис Скиннер в «Гамлете», похоже, разделял ее страсть к завываниям и обильному слезоотделению на сцене. В «Лицее» четвертую неделю давали «Узника Зенды», я уже смотрел его дважды, но на мгновение подумал, не повторить ли поход и в третий раз, сегодня вечером? Ведь, в сущности, это идеальная возможность забыться, отложить в сторону чуть ли не все дневные проблемы (картины ужасной ночи не в счет): замки со рвами, наполненными водой, битвы на мечях, удивительная загадка и ослепительные, обворожительные, сногшибательные женщины...

Но даже размышляя таким приятным манером о постановке, я с прежней методичностью продолжал вполглаза просматривать газетные полосы. Вот, скажем, человек с 9-й улицы, уже прославившийся тем, что как-то, надравшись изрядно, перерезал глотку собственному брату, теперь опять напился пьян и на сей раз застрелил свою мать. Все еще не найдено ни одной улики по делу о хладнокровном и жестоком убийстве художника Макса Эглау в Институте углубленного обучения для глухонемых. Еще один человек по имени Джон Мэкин – убил жену

⁶ Томас Колльер Платт (1833–1910) – республиканский политический деятель, конгрессмен и сенатор, в 1898 г. способствовал выбору Теодора Рузвельта на пост губернатора штата Нью-Йорк.

и тещу, после чего неудачно пытался покончить с собой, полоснув себя ножом по горлу: сообщают, он уже оправился от страшной раны, но не оставил попыток свести счеты с жизнью, на сей раз вознамерившись заморить себя голодом. Впрочем, властям довольно быстро удалось убедить Мэкина возобновить прием пищи. Достаточно было продемонстрировать жутковатого вида аппарат, предназначенный для того, чтобы насильственно поддерживать в узнике жизнь до приведения окончательного приговора в исполнение...

Я наконец обрел силы решительно отложить газету и сосредоточиться на кофе. Последний глоток ароматного черного напитка вкупе с долькой персика «прямо из Джорджии» – и я еще раз утвердился в первоначальном намерении посетить сегодня билетную кассу «Лицея». Но стоило мне направить стопы к своей комнате, где я думал переодеться во что-нибудь подходящее к случаю, как впереди разразился пронзительным трезвоном телефон. Из покоев бабушки незамедлительно донеслось возмущенное и встревоженное «Господи ты боже мой!..» Признаться, я не понимал, как можно ненавидеть телефонный звонок и отчаянно сопротивляться любой попытке избавиться от аппарата или хотя бы его приглушить.

Из кухни выглянула Гарриет. Ее приятный во всех отношениях облик живописно дополняли гроздь мыльных пузырей.

– Это телефон, сэр, – глубокомысленно заметила она, вытирая руки передником. – Вызывает доктор Крайцлер.

Понадежнее запахнув на себе китайский халат, я направился к небольшой деревянной коробке у кухни, где, поднеся одной рукой к уху тяжелую черную слуховую трубку и положив другую на закрепленный раструб, солидно спросил:

– Да? Это вы, Ласло?

– О, я смотрю, вы изволили проснуться, Мур? Замечательно, – отчетливо услышал я голос Крайцлера. И даже учитывая то обстоятельство, что звук в трубке был достаточно скверным, энергичная манера речи моего собеседника с лихвой восполняла все недостатки техники. Крайцлер всегда говорил очень живо и непринужденно, с заметным европейским акцентом. Он эмигрировал в Соединенные Штаты еще в совсем нежном возрасте, ребенком его привезли родители – политические беженцы от имперской монархии: отец – богатый немецкий издатель и республиканец 1848 года, мать же была родом из Венгрии. В Нью-Йорке их ждала вполне пристойная светская роль политических изгнанников.

– И в котором часу мы нужны Рузвельту? – спросил Крайцлер без тени сомнения, что Теодор его примет.

– Перед ланчем! – едва не завопил в трубку я, пытаясь возобладать над тусклым царством шорохов, населявших телефонную линию.

– Какого черта вы там надрыгаетесь? – спросил Крайцлер. – Перед ланчем, верно? Ну и прекрасно. В таком случае у нас еще есть время. Газету сегодняшнюю листали? Видели заметку про человека по имени Вульф?

– Нет.

– Раз так – прочитайте, пока будете переодеваться.

Я уставился на собственный халат.

– Так, погодите, а с чего вы решили, будто я...

– Они поместили его в Беллвью. Предполагаю, освидетельствовать его придется именно мне. Так или иначе, у нас будет возможность задать ему несколько дополнительных вопросов, с тем чтобы выяснить его причастность к нашим делам. Оттуда – прямо на Малберри-стрит, потом ненадолго заглянем в Институт и как раз успеем к Дэлу на ланч – я бы даже сказал «на голубей», один знаменитый соус Ранхофера чего стоит, с трюфелями он превосходен.

– Но...

– Мы с Сайрусом поедem от меня. Вам придется взять экипаж. Встречаемся в 9.13, прошу без опозданий – вы ведь постараетесь быть вовремя, правда, Мур? С этим делом каждая минута на счету.

Договорив, Крайцлер положил трубку. Я не спеша вернулся в уголок, опять развернул «Таймс» и принялся внимательно ее просматривать. Искомая заметка нашлась на восьмой полосе.

Прошлой ночью Генри Вульфф пьянствовал в гостях у своего соседа Конрада Рудесхаймера, снимавшего комнату в доходном доме. В какой-то момент к ним зашла пятилетняя дочь хозяина; Вульфф как раз отпускал какие-то скабрзные замечания, показавшиеся Руденсхаймеру чересчур резкими для детских ушей. О чем он не преминул сообщить своему собутыльнику, потребовав его вести себя подобающе. В ответ Вульфф достал пистолет и выстрелил девочке в голову, что вызвало моментальную смерть последней. Сам убийца скрылся с места преступления, но спустя несколько часов был задержан бесцельно шатающимся у Ист-Ривер. В который раз за сегодня я отложил газету – меня вдруг поразило неприятное предчувствие. Как бы не вышло так, что случившееся прошлой ночью на вершине моста – всего лишь прелюдия к событиям куда более мрачным и ужасающим.

Назад по коридору я уже мчался так, что едва не сбил с ног любимую бабушку, поставив под угрозу не только здоровье почтенной леди, но и ее безукоризненную серебристую завивку и аккуратное платье в серых и черных тонах. Ее серые глаза (доставшиеся по наследству и мне) вспыхнули.

– Джон! – изумилась она с таким видом, будто в доме, помимо меня, проживает еще десяток мужчин. – Во имя всего святого, кто это звонил?

– Доктор Крайцлер, бабушка – ответил я, стремглав взлетая по лестнице.

– Доктор Крайцлер! – раздраженно вскричала она мне вслед. – Так, дорогой мой! Пожалуй, на сегодня мне уже хватило этого доктора Крайцлера. – И даже за дверью спальни, уже начав переодеваться, я все еще слышал ее громкие нравоучения: – Спроси меня, что я думаю по поводу этого субъекта, и я тебе отвечу, что он ужасный, невыносимый, ненормальный человек! И я более чем уверена, что этот твой Крайцлер такой же доктор, как это чудовище Холмс!

Так она выступала все то время, пока я умывался, брился и чистил зубы «Содозонтом». В этом была вся она, и, несмотря на источаемое ею раздражение, для человека, не способного следить за биением жизни, проморгавшего то, что казалось единственным шансом на обретение семейного счастья, такая судьба выходила все одно лучше, нежели прозябание в одинокой комнатенке многоквартирного дома, под завязку набитого такими же, как и он, бесприютными созданиями.

Разжившись по дороге к входной двери серым кепи и черным зонтиком, я вылетел на улицу и торопливой побегом устремился к Шестой авеню. Дождь, не унимавшийся с утра, как будто нарочно приударил, а следом к нему присоединился на редкость пронзительный ветер. Как только я достиг авеню, силы воздуха, как по команде, внезапно сменили направления и, победно взыв, нырнули прямо под пути Нью-Йоркской надземной дороги, нависавшие чуть ли не над самым тротуаром. Один порыв застал меня врасплох и стоил зонтика, вывернутого наизнанку, уподобив меня прочей публике, укывшейся среди пилонов. Все вместе – и дикий ветер, и дождь, и холод – вмиг превратили привычный час пик в подлинное преддверье ада. Погоня за кэбом ознаменовалась неравной борьбой с громоздким и теперь уже бесполезным зонтом, к тому же на пути к коляске меня подрезала веселая молодая парочка и, выказав чудеса акробатики, молниеносно завладела транспортным средством, которое я уже было счел своим. Я немедленно посулил страшнейшие кары их потомству и решительно атаковал наглецов, потрясая перед их носами изуродованным зонтом. Женщина испуганно взвизгнула, мужчина бросил на меня опасливый взгляд и обругал сумасшедшим. Последнее замечание, учитывая некоторые особенности точки назначения моего путешествия, подарило мне пару минут здорового смеха

и вообще изрядно скрасило промозглость ожидания кэба. Когда наконец один экипаж соизволил обогнуть угол Вашингтон-сквер, я даже не стал ждать, пока он остановится – вскочил на бегу, ногой захлопнул за собой дверцу и принялся орать извозчику, что мне срочно нужно попасть в Беллвью, в «Павильон Безумцев». Само собой, возница от такого заказа изрядно перетрусил, так что потом от всякого взгляда на его вытянутую физиономию меня разбирал неудержимый смех. Словом, к тому времени, когда мы выехали на 14-ю улицу, я почти не обращал внимания на мокрый твид, облепивший мне ноги.

С извращенным упрямством, свойственным лишь настоящим нью-йоркским кэбменам, мой извозчик, возвышавшийся над всем миром в своем дождевике с поднятым воротником, на голове – цилиндр, обтянутый тонким резиновым чехлом, – решил прорваться с боем через торговую зону вдоль Шестой авеню, что над 14-й улицей, до поворота на восток. Мимо нас неторопливо плыли большие универсальные магазины – «О’Нилл», «Адамс и Компания», «Симпсон-Кроуфорд», – когда я наконец возмущился и, стукнув кулаком по крыше кэба, напомнил вознице, что мне все-таки нужно попасть в Беллвью *сегодня* утром. Нас здорово потрянуло, когда мы резко свернули направо, на 23-ю, и с трудом начали продираться через абсолютно нерегулируемый перекресток этой улицы с Пятой авеню и Бродвеем. Миновав приземистую громадину отеля «Пятая Авеню», где обосновался со своей штаб-квартирой босс Платт и, возможно, в этот самый момент добавлял последние штрихи в своей картине Большого Нью-Йорка, мы повернули и двинулись вдоль восточной стороны парка Мэдисон-сквер к 26-й улице, а потом свернули на восток еще раз – прямо напротив фасада «Мэдисон-сквер-гарден» с его итальянскими аркадами и башенками. На горизонте показались строгие мрачные здания красного кирпича – это и был Беллвью. Буквально через пару минут мы уже пересекли Первую авеню и остановились у черной громадины госпиталя на 26-й улице, прямо у входа в «Павильон Безумцев». Я заплатил вознице и вышел.

«Павильон» был простым зданием, длинным и прямоугольным. Посетителей и пациентов встречал маленький неприветливый вестибюль, заканчивавшийся первой из множества железных дверей, за которой скрывался широкий коридор, уводивший к центру здания. В него открывались двери двадцати четырех «комнат» – или камер, если называть вещи своими именами. В центре находились еще две раздвижные двери, обитые железом: за одной лежала «мужская» половина камер, за другой – «женская». Павильон служил для наблюдения и оценки психического состояния людей, «свершивших акт насилия». Как только их вменяемость (или отсутствие таковой) получала официальное доказательство, задержанных немедленно препровождали в другие, порой еще менее приветливые учреждения.

В вестибюле мой слух немедленно был атакован привычными для этого места воплями и завываниями, доносившимися из камер, – от вполне связных протестов, до подлинных голосов безумия и отчаяния. В тот же миг я заметил Крайцлера. Удивительно, сколь прочно мое сознание связывало его облик с подобными звуками. Как обычно, на нем были черные костюм и пальто и, как обычно, он был погружен в чтение музыкального раздела «Таймс». Взгляд его черных глаз, больше напоминавших глаза некоей большой птицы, так же по-птичьи резко и быстро скользил по строчкам газеты; иллюзию еще больше дополняла его манера переминаясь с ноги на ногу теми же отрывистыми движениями. Он всегда держал «Таймс» правой рукой, левая же, недоразвитая после тяжелой травмы, перенесенной еще в детстве, была плотно прижата к телу. Впрочем, время от времени и она оживала, чтобы огладить великолепно подстриженные усы и небольшую бородку под нижней губой. Его темные волосы, пожалуй, длинноватые на модный вкус тех дней и зачесанные назад, влажно блестели, поскольку он никогда не носил шляпы, и все это, наряду с судорожной мимикой при чтении, еще больше делало его похожим на голодного беспокойного ястреба, решившего во что бы то ни стало вырвать сатисфакцию у надоедливого мира вокруг.

Напротив Крайцлера стоял чернокожий гигант по имени Сайрус Монтроуз – его камердинер, по временам – возничий, умелый телохранитель и *alter ego*⁷. Как и большинство слуг Ласло, Сайрус некогда был его пациентом и, признаться, этот человек до сих пор меня настораживал, несмотря на приличные манеры и цивилизованную внешность. Этим утром он нарядился в серые штаны и в туго застегнутый коричневый сюртук. На его широком темном лице, похоже, никак не отразилось мое появление, однако стоило мне приблизиться к Крайцлеру, Сайрус тронул его за плечо и показал в мою сторону.

– Ага, Мур, – сказал Крайцлер с улыбкой, левой рукой изымая из жилетного кармана часы, а правую протягивая мне. – Замечательно.

– Ласло, – я пожал ему руку, – Сайрус, – добавил я с кивком, едва ли отмеченным его слугой.

Посмотрев на часы, Ласло продемонстрировал мне газету.

– Меня как-то раздражают ваши наниматели. Вчера вечером я слушал блистательных «Паяцев» в «Метрополитэн» с Мелбой и Анконой, а «Таймс» говорит лишь об Альвариевом Тристане. – Он сделал паузу и внимательно посмотрел на меня. – Вы не выглядите отдохнувшим, Джон.

– Даже не знаю, в чем тут дело. Обычно гонки в открытом экипаже посреди ночи так успокаивают... Кстати, вы не собираетесь мне сообщить, что я тут делаю?

– Один момент. – Крайцлер повернулся к санитару в темно-синей форме и шапочке, все это время отдыхавшему рядом, развалившись на жестком стуле. – Фуллер? Мы готовы.

– Да, господин доктор, – ответил тот, снимая с пояса чудовищных размеров кольцо с не менее чудовищными ключами, и направился ко входу в центральный коридор. Мы с Крайцлером устремились за ним, Сайрус же остался стоять в вестибюле, подобно восковой фигуре.

– Вы ведь прочли заметку, не так ли, Мур? – спросил Крайцлер, когда санитар отпер дверь в первое отделение. Открывшись, та выпустила наружу все те приглушенные вопли и стенания, что не прекращались все это время ни на минуту – теперь же они стали практически нестерпимыми. К тому же в коридоре, лишенном окон, почти не было света, за исключением натужного мерцания нескольких электрических лампочек. Некоторые смотровые окошки в массивных железных дверях были открыты.

– Да, – ответил я не сразу и с некоторой тревогой. – Я прочел ее. И обратил внимание на некоторую связь этих событий. Но зачем вам здесь понадобился я?

Едва Крайцлер собрался ответить, в окошке первой двери справа вдруг возникла женская голова. Волосы были всклокочены, а на изможденном широком лице застыло неистовство. Впрочем, оно немедленно исчезло, как только женщина узнала посетителя.

– Доктор Крайцлер! – воскликнула она хриплым, но в то же время пронзительно-страстным голосом.

Крик этот, подобно таинственному заклинанию, преобразил коридор – имя Крайцлера прошелестело от камеры к камере, от заключенного к заключенному, от стен женского отделения через толстые стены и железные двери скользнуло в мужское. Я становился свидетелем этого любопытного явления и раньше, в других заведениях, но всякий раз оно не уставало меня поражать – подобно тому, как вода, выплеснувшись на раскаленные угли, уничтожает их потрескивающий жар, оставляя по себе лишь тихое шипение, это имя оказывало не менее молниеносное и эффективное воздействие на обитателей мрачных темниц.

Объяснение такому выдающемуся феномену было простым. Фамилия Крайцлера была известна среди пациентов не меньше, чем в криминальных, медицинских и правовых кругах Нью-Йорка, и за ним укрепилась слава человека, чьи свидетельские показания в суде или на юридическом консилиуме значили больше мнения любого другого алиениста наших дней.

⁷ «Второе я», близкий друг и единомышленник (*лат.*).

Одного слова Ласло было достаточно, чтобы решить судьбу пациента: отправить ли его в тюрьму, оставить в пределах психиатрической клиники, либо выпустить на улицу. Стоило ему появиться в заведениях, подобных «Павильону», привычные звуки безумия уступали место сверхъестественным в данных обстоятельствах попыткам со стороны большинства пациентов установить некое разумное подобие контакта. Только непосвященные и уже вовсе безнадежные больные продолжали упорствовать в своем неистовстве. Впрочем, хотя этот странный эффект и приводил к внезапному снижению шума, вряд ли его можно было считать признаком выздоровления или раскаяния несчастных. Несомненно, в каком-то смысле это облегчало страдания, но ненадолго – скоро хаос безумства вновь наберет силу, подобно треску все тех же раскаленных углей, справившихся с мимолетными каплями влаги.

Реакция Крайцлера на поведение обитателей «Павильона» была не менее обескураживающей – оставалось только гадать, какие обстоятельства его жизни и карьеры подарили ему эту способность невозмутимо прогуливаться в подобных местах, видя перед собой столь безнадежные и безрадостные картины (добавьте к этому пылкие стоны: «Доктор Крайцлер, я должен поговорить с вами!», «Доктор Крайцлер, пожалуйста, я ведь не такой, как эти!»), и при этом ровным счетом не испытывать к местным обитателям ни страха, ни отвращения. Пока он с неторопливым спокойствием шествовал по коридору, его брови сходились вместе, сверкающие глаза буквально стреляли по сторонам, от камеры к камере, и весь облик его, казалось, начинал излучать строгую доброту, словно все эти страшные люди были всего лишь напроказившими детьми. При этом он не позволял себе обратиться к кому-либо из них, но это не казалось с его стороны жестокостью – вовсе нет, ибо заговорить с одним означало лишь подарить несчастному неоправданную надежду, подчас несбыточную, в то время как другие поймут, что лишены и этого призрачного шанса. Любой пациент, уже бывавший в сумасшедшем доме или тюрьме, либо длительное время состоявший под наблюдением в Беллвью, знал, что это естественное поведение Крайцлера, и тем не менее все продолжали на что-то надеяться, вкладывая самые горячие просьбы во взгляды, поскольку глаза были единственным органом их измученных тел, видимым для Крайцлера.

Мы миновали раздвижные железные двери в мужское отделение и проследовали за Фуллером к последней камере слева. Санитар остановился возле укрепленной двери и распахнул наблюдательное окошко.

– Вульф! – позвал он. – К тебе посетители. Официальные лица, имей в виду.

Крайцлер стоял прямо напротив окошка, глядя внутрь камеры, я же в поисках точки наилучшего обзора пристроился у него за плечом. Внутри клетушки с голыми стенами на грубой кровати, обхватив руками голову, сидел человек, рядом с койкой стояло стальное судно. Крохотное окно, почти не пропускавшее света, было забрано тяжелыми толстыми прутьями. На полу неподалеку от человека располагался металлический кувшин с водой, а также поднос с краюхой хлеба и миской с остатками чего-то похожего на овсянку. Из одежды на узнике была только нижняя рубаша и шерстяные кальсоны без пояса и подтяжек (похоже, о предупреждении самоубийств здесь заботились). Тяжелые кандалы сковывали запястья и лодыжки несчастного. Через несколько секунд после окрика санитара он поднял голову, и портрет дополнила пара красных глаз, живо напомнивших мне пару собственных жутких утренних пробуждений. Уса-тое, изборожденное глубокими морщинами лицо заключенного не выражало ничего, кроме бесстрастной покорности.

– Мистер Вульф? – позвал его Крайцлер, внимательно наблюдая за ответной реакцией. – Вы трезвы?

– Как тут не протрезветь?.. – медленно ответил человек; речь его была невнятна. – ... После ночки в таком-то месте?..

Крайцлер закрыл железную дверцу на смотровом окне и обратился к Фуллеру:

– Ему давали наркотики?

Фуллер неловко пожал плечами:

– Он бредил, когда его привезли, доктор Крайцлер. Главный сказал, что это не обычное опьянение, так что его по уши накачали хлоралью.

Крайцлер тяжело и раздраженно вздохнул. Хлоралгидрат был истинным проклятием его существования. Горький, бесцветный и несколько едкий раствор замедлял сердцебиение, что приводило пациента в странное спокойствие. Или же, в том случае, если раствор он получал в салуне, – а этим баловались многие современные заведения, – человек впадал в состояние, близкое к коме, что делало его легкой добычей воров или похитителей. Большая часть медицинского сообщества, тем не менее, настаивала, что хлораль не вызывает привыкания (с чем Крайцлер решительно не соглашался), а учитывая то обстоятельство, что себестоимость препарата составляла всего двадцать пять центов за дозу, это делало его дешевой и удобной альтернативой кандалам или кожаной смирительной упряжи. Поэтому хлораль частенько пользовали на буйных, особенно в психическом смысле, субъектах, что, впрочем, не мешало применять его и по отношению ко всякому задержанному, склонному к насилию. За двадцать пять лет применения препарат, что называется, «ушел в народ». Хотя «народ» в те времена мог совершенно свободно купить не только хлораль, но и морфий, опий, индийский каннабис, как, впрочем, и любое другое средство подобного рода – достаточно было зайти в аптеку. Тысячи людей разрушили свои жизни, поддавшись способности хлорали «освободить от забот и печалей любого, даровав ему здоровый сон» (именно такой текст был размещен производителем на упаковке). Смерть от передозировки стала обычным явлением, все больше и больше самоубийств совершались при посредстве хлорали, а наши врачи все так же продолжали уверять пациентов в безопасности и полезности препарата.

– Сколько гран? – поинтересовался Крайцлер, сменив бессильный гнев на простую досаду. Ему было известно, что назначение средства не зависит ни от Фуллера, ни от него самого.

– Они... начали с двадцати, – с опаской ответил санитар. – Я говорил им, сэр, я говорил им, что вы планируете произвести осмотр и обязательно рассердитесь, но... ну, в общем, вы же знаете, сэр.

– О да, – тихо сказал Крайцлер. – Я знаю.

То была истина, очевидная для всей нашей троицы: будучи осведомленным о критических взглядах Крайцлера, равно как и о возможном неодобрении им действий персонала, главный врач чуть ли не вдвое увеличил дозу хлорали, тем самым серьезно понизив способность Вульффа как-то участвовать в предстоящей процедуре. И, разумеется, ему были известны особенности методов работы Крайцлера, который при осмотре задавал пациенту множество навязчивых вопросов. Само собой, было категорически необходимо, чтобы обследуемый был полностью свободен от дурманящего воздействия каких бы то ни было препаратов, будь то наркотики или же простой алкоголь. Так коллеги относились в Крайцлеру вообще, а в особенности – те, кто постарше.

– Ну что ж, – объявил Ласло, несколько секунд оценивавший проблему. – Ничего не поделаешь, Мур, – мы уже здесь, и время поджимает.

Мне сразу пришла на ум странная связь между этим его выражением и «планом», который он упомянул прошлой ночью в своем письме к Рузвельту, но я ничего не успел сказать – Ласло уже отодвинул засов на двери и навалился на нее всем весом.

– Мистер Вульф, – громко произнес Крайцлер, – нам нужно поговорить.

Весь следующий час я наблюдал, как Крайцлер обследовал этого отсутствующего и совершенно дезориентированного человека, удерживавшего в сознании, насколько ему позволял хлоралгидрат, то обстоятельство, что если выстрел, разнесший вдребезги большую часть головы юной Луизы Рудесхаймер, был произведен действительно им самим из его собственного револьвера (а мы уверили его в этом), то в таком случае он скорее всего безумен и должен

быть направлен в психиатрическую клинику (большинство таких преступников увозили отбывать срок в Маттеван), а не в тюрьму или на виселицу. Крайцлер тщательно отметил это его отношение, но обсуждать уголовный аспект пока не стал. Вместо этого он, будто бы пробегая глазами по списку, принялся забрасывать Вульффа самыми разнообразными вопросами, не имеющими, на первый взгляд, никакого отношения к делу: о его прошлом, семье, друзьях, детстве... Сами вопросы были глубоко личного свойства и в нормальных обстоятельствах выглядели бы, по меньшей мере, бесцеремонными, если не сказать вызывающими. По ходу допроса стало очевидно, что реакция Вульффа на эти вопросы менее агрессивна, нежели у большинства людей в подобных обстоятельствах, – явное следствие воздействия наркотика. Но отсутствие естественного раздражения повлекло за собой недостаточную точность и прямоту в ответах, а это, похоже, обрекало беседу на досрочное окончание.

Однако даже химическое равнодушие Вульффа не выдержало, когда к финалу беседы Крайцлер начал расспрашивать его о Луизе Рудесхаймер. Питал ли Вульфф к девочке какие-либо чувства сексуального характера? Ласло спрашивал это с той удивительной прямотой, коя так редко проявляется при обсуждении столь щекотливых моментов. Есть ли в его доме или же по соседству другие дети, к которым он испытывает чувства подобного рода? Была ли у него когда-нибудь подруга? Посещал ли он публичные дома? Не замечал ли он у себя сексуального влечения к мальчикам? Почему он застрелил девочку, а не зарезал ее? Сначала Вульфф настолько ошалел от всего этого, что обратился за поддержкой к Фуллеру, спросив того, обязан ли он отвечать или же нет. Санитар с каким-то сладострастным весельем предельно ясно объяснил ему, что да, обязан, и Вульфф на время покорился судьбе. Но еще через полчаса он встал, пошатываясь, громыхнул кандалами и поклялся, что не родился такой человек, который заставит его участвовать в столь непристойном допросе. Следом он демонстративно заявил, что скорее предпочтет встретиться с палачом – и в этот момент Крайцлер тоже внезапно встал и посмотрел собеседнику прямо в глаза.

– Боюсь, в штате Нью-Йорк электрический стул неуклонно вытесняет виселицу, мистер Вульфф, – бесстрастно сообщил ему Ласло. – Впрочем, как я и подозревал, основываясь на ваших ответах, вам предстоит выяснить для себя это самостоятельно. Да помилует вас бог, сэр.

Фуллер, внимательно следивший за ходом допроса, распахнул дверь камеры, едва Крайцлер направился к выходу. Перед тем как последовать за Ласло, я в последний раз взглянул на Вульффа: мужество его стремительно испарилось, негодование сменилось глубоким страхом, но бедняга был слишком слаб, чтобы предпринимать какие-либо решительные действия для своего спасения, – лишь жалко пробормотал что-то возмущенное насчет своей явной невменяемости и рухнул на кровать.

Фуллер еще запирает дверь, а мы с Крайцлером уже шли назад по главному коридору Беллвью. Пациенты возобновили было свои робкие мольбы, но мы быстро миновали камеры, оставив зловещий коридор за спиной. Как только мы очутились в вестибюле, вопли и завывания вспыхнули с прежней силой.

– Я полагаю, Мур, мы можем забыть о нем, – уставшим голосом сказал Крайцлер, натягивая перчатки, заботливо протянутые ему Сайрусом. – Пусть и одурманенный, Вульфф выдал себя: явная склонность к насилию и смертельная обида на всех детей мира. И алкоголизм в придачу. Но он отнюдь не безумен и, я полагаю, никак не связан с нашим нынешним делом.

– Вот как, – сказал я, пользуясь благоприятной возможностью, – тогда насчет...

– Они *хотели*, чтобы он выглядел сумасшедшим, это очевидно, – сказал задумчиво Ласло, не слыша меня. – Местные врачи, пресса, судьи – им всем бы очень хотелось считать, что лишь сумасшедший может выстрелить в голову пятилетней девочке. Если мы будем вынуждены признать, что наше общество способно производить вменяемых членов, готовых хладнокровно совершать подобные действия, то это приведет к явным... *сложностям*. – Он еще раз

вздохнул и взял у Сайруса зонтик. – Да, пожалуй, предстоит длинный день в суде – и, быть может, не один. Следует все обдумать...

Мы покинули «Павильон», вместе укрывшись под зонтиком Крайцлера, и забрались в его коляску, на этот раз – крытую. Я знал, что меня ждет: монолог, служивший Крайцлеру чем-то вроде очистительной молитвы и призванный подтверждать справедливость некоторых его профессиональных принципов, предназначенный для освобождения оратора от чудовищной ответственности за фактическое вынесение человеку смертного приговора. Крайцлер был неисправимым противником смертной казни даже для таких чудовищ, как Вульф, но он не мог позволить этим убеждениям влиять на свое определение истинного безумия, кое, в сравнении с терминологией многих его коллег, было относительно узким. Когда Сайрус вскочил на облучок и коляска понеслась прочь от Беллвью, диатриба Крайцлера добралась до тем, уже не раз обсуждавшихся им в моем присутствии: как массовые признания невменяемости отдельных индивидуумов облегчают жизнь общества, но никоим образом не отражаются на состоянии ментальной науки, лишь умаляя шансы настоящих душевнобольных на получение адекватной помощи и хорошее обращение. То была довольно страстная речь – складывалось впечатление, что Крайцлер постепенно старается избавиться от образа Вульфа на электрическом стуле, – и по мере развития темы я все четче осознавал призрачность моих надежд на получение сколь-либо внятных объяснений насчет того, какого черта здесь происходит и зачем понадобилось впутывать в эту дьявольщину именно меня.

В какой-то прострации взирал я на проплывавшие мимо здания, а затем позволил взгляду остановиться на Сайрусе, при этом подумав, что коль уж ему приходится выслушивать все эти вещи чаще, чем кому бы то ни было, возможно, я смогу добиться от этого человека некоторой симпатии. Как бы не так. Подобно Стиву Таггерту, Сайрус вел совсем несладкую жизнь, пока не поступил в услужение к Ласло, за что сейчас мой друг и был удостоен искренней преданности со стороны гиганта. Еще мальчишкой в Нью-Йорке Сайрусу довелось наблюдать, как его родителей буквально разорвали на куски во время призывных бунтов 1863 года. Когда разъяренные орды белых мужчин и женщин, многие – вчерашние иммигранты, демонстрировали свое нежелание сражаться во имя Союза и освобождения рабов, в подтверждение своих принципов они хватали всех черных, попадавших на пути, не делая исключения даже для малых детей. Их расчленили, жгли на кострах, топили в смоле – толпа вспомнила все средневековые пытки, какие только были в покинутом ими Старом Свете. После смерти родителей Сайруса, талантливого музыканта с великолепным баритоном, подобрал его родной дядюшка, промышлявший сутенерством, и выдрессировал на «профессора»: в обязанности мальчика входила игра на пианино в борделе, предлагавшем черных женщин состоятельным белым мужчинам. Но кошмар, перенесенный в детстве, не давал ему спокойно сносить непрекращающийся поток брани и издевательств со стороны клиентов. Однажды ночью в 1887 году он наткнулся на пьяного полисмена, который в обмен на положенную мзду вознаграждал мальчика парой жестких оплеух и комплиментом «сучий ниггер». Ни слова не говоря, Сайрус пробрался на кухню, взял там большой мясницкий тесак и, вернувшись, отправил фараона напрямик в ту самую Валгаллу, куда попадают души всех павших служащих Полицейского управления Нью-Йорка.

И здесь вновь появился Крайцлер. Истолковав произошедшее с точки зрения теории, названной им «взрывными ассоциациями», он открыл судье истинную причину совершенного Сайрусом: в те самые минуты, когда происходило убийство, сказал Ласло, Сайрус в уме вернулся в ночь смерти его родителей и колодец его гнева, остававшийся незамурованным со времен трагического инцидента, возобладал над сознанием и буквально поглотил полисмена. Сайрус не безумен, объявил Крайцлер, а потому обязан понести ответственность за произошедшее, но нельзя выносить приговор, не учтя столь жуткое прошлое обвиняемого. На судью аргументы Крайцлера произвели впечатление, однако настроение публики вряд ли позволило бы ему освободить Сайруса из-под стражи. В качестве возможного решения ситуации обви-

няемого предложили заключить в Психиатрическую больницу Нью-Йорка на острове Блэкуэллз, но Крайцлер заметил, что предоставление официальной должности при его собственном Институте сможет оказать куда более благотворное влияние на реабилитацию подсудимого. Судье уже не терпелось избавиться от осужденного, и он согласился. Успешное решение этого дела, впрочем, не повлияло на общественную и профессиональную репутацию Крайцлера, и так считавшегося раскольников, хотя обычные гости Ласло вовсе не горели желанием оказаться на кухне наедине с Сайрусом. Так или иначе, исход судебного слушания обеспечил Крайцлеру подлинную преданность этого человека.

Пока мы рысили вниз по Бауэри, согласно моим сведениям, – единственной крупной нью-йоркской улице, не знавшей, что такое церковь, на улице лил дождь, за все это время так и не утихнувший. Мимо нас проносились салуны, концерт-холлы, ночлежки, а когда мы миновали Купер-сквер, я разглядел большую электрическую вывеску и затененные окна «Парез-Холла» Вышибалы Эллисона, ставшего базой жалкого ремесла Джорджио Санторелли. Дальше нам пришлось прокладывать путь через очередные доходные пустоши, уродливые коробки трущоб неумолимо возвышались по обе стороны от проезжей части – впрочем, их мрачный облик отчасти скрывала пелена дождя. Лишь когда мы свернули на Бликер-стрит, уже возле самого Управления полиции Крайцлер неожиданно сказал скучным тоном:

– Вы видели тело.

– Видел? – произнес я с раздражением, несмотря на то, что обрадовался желанной теме. – Да я до сих пор его вижу, стоит закрыть глаза больше чем на минуту. В каком, скажите на милость, кругу ада родилась эта мысль – переполошить весь мой дом и принудить меня сломя голову мчаться на этот проклятый мост? Вам ведь прекрасно известно, что о таком я все равно не мог бы написать в газету, так что добились вы одного – растревожили мою несчастную бабушку. Великолепное достижение, ничего не скажешь.

– Приношу свои извинения, Джон. Но вам необходимо было самому увидеть, с чем нам предстоит иметь дело.

– Не собираюсь я ни с чем «иметь дело»! – закричал я. – Я всего лишь репортер, вы не забыли – репортер, разжившийся отвратительной историей, которой не могу ни с кем поделиться.

– Вы недооцениваете себя, Мур, – сказал Крайцлер. – Вы – подлинная энциклопедия конфиденциальных сведений, хотя, возможно, этого и не осознаете.

– Ласло, да какого черта?!..

Но, как и прежде, дальше я не продвинулся. Как только мы свернули на Малберри-стрит, до меня донеслись голоса, а следом я увидел Линка Стеффенса и Джейка Рииса, бегущих к нашему экипажу.

Глава 5

«Ближе к церкви – ближе к Богу», – сказал некий остроумный бандит и разместил свое логово в какой-то паре кварталов от Полицейского управления. Авторство этого высказывания могло принадлежать любому субъекту из бесчисленной армии ему подобных, чьи охотничьи угодья раскинулись на севере, там, где Малберри-стрит граничила с Бликер (Управление располагалось в здании № 300). Именно здесь билось самое сердце доходных джунглей, домов терпимости, концерт-холлов, салунов и игорных притонов. Одна компания девочек, открывшая публичный дом на Бликер-стрит прямо напротив Малберри, 300, изобрела превосходное развлечение: в редкие часы безделья они усаживались у окон, забранных зелеными ставнями, и через оперные бинокли наблюдали за происходящим в Управлении, после чего громко комментировали увиденное специально для проходивших мимо полицейских. Вообще это место всегда окутывала атмосфера какого-то дурацкого карнавала. Хотя, возможно, кому-то это скорее напомнило бы римский цирк с жестокой публикой, несколько раз в день пристально следившей за приключениями окровавленных жертв или же, наоборот, за вершащими эти преступления злоумышленниками. Точнее, за тем, как их затягивает неопределенного вида здание, с первого взгляда – отель отелем, на деле же – кипящий мозг, отвечающий за любые действия Руки Закона Нью-Йорка, после встречи с которой от несчастных, как правило, остается лишь мокрое место на тротуаре, как зловещее напоминание об истинной смертельной природе учреждения, притаившегося за невзрачным фасадом.

На Малберри-стрит, 303 располагалась еще одна штаб-квартира – неофициальное место сбора полицейских репортеров: непритязательная терраса, на которой мы с коллегами провели так много времени в ожидании очередной сенсации. Так что вовсе не удивительно, что именно там моего прибытия дожидались Риис и Стеффенс. Некоторая обеспокоенность, сквозившая в движениях первого, и ликующая усмешка на сухом и элегантном лице второго указывали, что в криминальном мире явно творятся какие-то дела.

– Ну и ну! – воскликнул Стеффенс, высоко поднимая над головой зонтик и вскакивая на подножку еще не успевшей затормозить коляски Крайцлера. – Таинственные гости являются вместе! Доброе утро, доктор Крайцлер, очень приятно видеть вас, сэр.

– Стеффенс, – коротко ответил ему Крайцлер, сопроводив приветствие не вполне любезным кивком.

Стеффенса сменил пыхтящий Риис – массивное телосложение настоящего датчанина не позволяло ему откалывать номера, подобные тем, что позволял себе более молодой и гибкий Стеффенс.

– Доктор, – сказал Риис, на что Крайцлер также ответил кивком, но уже молча. Риис ему определенно не нравился. Новаторский труд датчанина, заключающийся в выявлении порочных особенностей, свойственных обитателям ночлежек, – главным образом, в серии иллюстрированных очерков под названием «Вот как живет другая половина», – никак не оправдывал тот факт, что Риис был, по сути, непримиримым моралистом, а с точки зрения Крайцлера – фанатиком. И, должен признать, в этом вопросе я зачастую разделял точку зрения Ласло.

– Мур, – тем временем говорил Риис, – Рузвельт просто выкинул нас из кабинета, сказав, что ожидает вас обоих для обсуждения некоего важного дела. По-моему, какую-то странную игру вы здесь затеяли, право слово.

– Не слушай его, – со смехом вклинился в речь товарища Стеффенс. – Ибо сие – глас гордыни уязвленной. Похоже, произошло еще одно убийство, но ему, согласно убеждениям моего друга Рииса, никогда не суждено озарить своим появлением страницы «Ивнинг Сан», над чем, я боюсь, теперь мы все бесстыдно потешаемся.

– О господи, Стеффенс, если ты намерен продолжать в том же духе... – С этими словами Риис поднял могучую руку и возмущенно потряс кулаком перед товарищем, после чего с трудом перевел дыхание и тяжело потрусил, стараясь не отставать от экипажа. Стеффенс же продолжал балансировать на подножке и спрыгнул вниз, лишь когда Сайрус наконец остановил лошадь у здания Управления.

– Да ладно, Джейк, ничего личного! – добродушно крикнул Стеффенс. – Это же все просто для смеха!

– Да объясните мне, наконец, в чем дело, черт возьми? – спросил я, пока Крайцлер нетопливо выбирался из коляски, стараясь не обращать на этот фарс особого внимания.

– Ну же, не валяй дурака, – все так же весело ответил Стеффенс. – Ты видел тело, доктор Крайцлер тоже – мы все это знаем. Но вот незадача – Джейк никак не может допустить реальности существования обоих мальчиков-шлюх, равно как и заведений, в которых те работали, а следовательно, – не может написать материал!

Риис снова засопел, его лицо налилось багрянцем:

– Стеффенс, я проучу тебя так, что...

– А коли мы все знаем, Джон, что твои редакторы ни за что не пропустят такой неприглядный материал, – как ни в чем не бывало продолжал Стеффенс, – в итоге у нас остается лишь «Пост». Как насчет «Пост», а, доктор Крайцлер? Поделиться деталями с единственным изданием в городе, способным напечатать эту зловещую историю?

Рот Крайцлера искривился тонкой усмешкой, в которой нельзя было прочесть ни согласия, ни удивления. Скорее она выражала что-то вроде пренебрежения.

– Единственным, Стеффенс? Как насчет «Уорлд» или «Джорнал»?

– Ах да, мне следовало сразу уточнить – с единственным *уважаемым* изданием в городе, способным напечатать эту зловещую историю.

В ответ Крайцлер лишь многозначительно окинул взглядом худощавую фигуру Стеффенса.

– Уважаемым, надо же... – эхом повторил он и, встряхнув головой, стал подниматься по лестнице.

– Говорите что угодно, доктор, – крикнул ему вслед Стеффенс, не перестав улыбаться, – но у нас вы получите куда больше, чем смогут предложить Херст или Пулитцер⁸! – Крайцлер никак не отреагировал на его призыв. – Мы знаем, что этим утром вы разговаривали с убийцей, – продолжал давить Стеффенс. – Может, хотя бы об этом расскажете?

Задержавшись у двери, Крайцлер повернулся к нему.

– Человек, которого я осматривал, несомненно, является убийцей. Но он не имеет никакого отношения к мальчику по фамилии Санторелли.

– Вот как? В таком случае, может, вы сообщите об этом детектив-сержанту Коннору? Он все утро рассказывал нам, как Вульфф помешался на жажде крови, пристрелил девчонку и отправился искать следующую жертву.

– Что? – На лице Крайцлера отразилась неподдельная тревога. – Нет-нет, он не мог, это решительно невозможно!

В следующее мгновение, не дожидаясь окончательной попытки Стеффенса поддержать разговор, Ласло скрылся в здании Управления. С исчезновением потенциального источника информации мой коллега из «Ивнинг Пост» положил свободную руку на бедро, а улыбка его чуть съехала.

– Знаешь, Джон, манеры этого человека вряд ли снискали ему множество почитателей.

⁸ Уильям Рэндолф Херст (1863–1951) – издатель, крупный газетный магнат, один из зачинателей американской «желтой прессы». Переехав в 1895 г. в Нью-Йорк, приобрел журнал «Джорнал» и начал войну за тираж с изданием «Уорлд», которое возглавлял журналист и издатель Джозеф Пулитцер (1847–1911).

– И не должны, – ответил я, поднимаясь по ступенькам. Пытаясь задержать меня, Стеффенс вцепился в мою руку.

– Можешь рассказать нам хоть что-нибудь, Джон? Это ведь совсем не похоже на Рузвельта – держать нас с Джейком в стороне от полицейских дел. Черт возьми, у нас здесь больше прав, чем у всех этих придурков из Комиссии, что просиживают штаны с ним рядом.

Здесь он был прав: Рузвельт часто советовался с Риисом и Стеффенсом по вопросам внутренней политики Управления. Однако я мог сейчас лишь пожать плечами:

– Если узнаю что-нибудь, я сообщу, Линк. Пока что меня точно так же держат в неведении.

– Но тело, Мур, – вкрадчиво вмешался Риис. – До нас дошли совершенно безбожные слухи – наверняка это неправда!

Вспомнив о несчастном на мосту, я невольно вздохнул.

– Какими бы безбожными ни казались на первый взгляд эти слухи, ребята, их не хватит, чтобы в действительности описать то, что я видел.

На этих словах я развернулся и направился ко входу в Управление. Не успел я распахнуть дверь, как Риис и Стеффенс вновь вернулись к своей любимой забаве. Стеффенс принялся изводить товарища саркастичными остротами, Риис же в ответ угрожал силой. Однако несмотря на свои вызывающие манеры, Линк все же был прав: непоколебимое упрямство Рииса, настойчиво отрицавшего существование мужеложеской проституции, означало, что еще одна крупная газета никогда не осмелится пролить свет на подробности этого ужасного убийства. Репортаж, вышедший из-под пера Рииса, был бы несоизмеримо внушительнее материала Стеффенса: хотя главной целью работы Линка было приближение неумолимого Прогресса, голос Рииса уже давно звучал авторитетно – это его гневные выступления в итоге привели к сносу Малберри-Бенда, знаменитого сердца нью-йоркских трущоб «Пять Углов», и к уничтожению множества подобных гнезд порока. При этом Джейк не мог полностью признать убийства Санторелли как данность. Несмотря на все кошмары, свидетелем которых журналист становился, он не мог понять и принять сам факт существования условий, породивших подобное преступление, и я, входя в огромные зеленые двери Управления, снова поразился, как поражался до этого тысячи раз на летучках в «Таймс»: насколько же много таких людей в прессе, не говоря о политиках и простых обывателях, кто готовы сознательно уравнивать между собой умышленное игнорирование зла с его отсутствием.

Внутри Крайцлер стоял у зарешеченного лифта и гневно общался с Коннором – детективом, присутствовавшим прошлой ночью на месте преступления. Я уже было собрался присоединиться к ним, когда меня нежно взяли под руку и препроводили к лестнице. То была обладательница, несомненно, самого прелестного личика в Управлении – Сара Говард, моя давнишняя приятельница.

– Не вмешивайся, Джон, – сказала она с выражением глубокомысленной мудрости, часто отличавшей многие ее высказывания. – Коннор получает трепку от твоего друга и он заслужил ее в полной мере. Кстати, наверху тебя ожидает президент – без доктора Крайцлера.

– Сара! – восторженно вскричал я. – Я крайне рад тебя видеть. Всю ночь и утро я провел с какими-то маньяками. Так приятно слышать нормальный голос.

Вкус Сары к одежде стремился к простым покроям и всем оттенкам зелени, кои подчеркивали цвет ее глаз, и то платье, в которое она облачилась сегодня, позволяло с минимальными усилиями, не опускаясь до демонстрации нижнего белья, обрисовать атлетическую стройность ее тела. Лицо ее не поражало красотой, напротив – было простым и милым: наблюдать за ней было чистым удовольствием ибо глаза и губы своей игрой меняли ее облик от озорного до печального. В начале семидесятых, когда я был юн, ее семья переехала в дом по соседству с нашим, у Грамерси-парка, и я несколько лет смотрел, как она преобразовывала свое благопристойное окружение в собственную игровую площадку. Время не слишком изменило ее, разве

что сделало настолько же созерцательной (и порой слишком задумчивой), насколько раньше она была легко загоравшейся и возбудимой. Следом за расторжением помолвки с Джулией Пратт как-то ночью, сильно набравшись и решив, что все женщины в этом обществе, считающем их прелестницами, на самом деле злобные демоны, я вдруг предложил Саре выйти за меня замуж. Она же в ответ предложила мне вызвать кэб, доехать до реки Гудзон и утопиться.

– Не так уж много сегодня в этом здании можно услышать трезвых голосов, – сказала Сара, когда мы поднимались по лестнице. – Тедди – то есть президент... не правда ли, странно его так называть, Джон?

Действительно странно, да только в Управлении, обыкновенно пребывавшим под началом совета из четырех уполномоченных, причем трое непосредственно подчинялись ему, Рузвельт действительно выделялся титулом «президент». Немногие из нас могли всерьез предположить, что в недалеком будущем Теодор будет отзывать на аналогичный титул.

– Ладно, неважно, сейчас он смерчем налетел на это дело Санторелли – проверяет все возможные и невозможные варианты...

И в этот момент из холла второго этажа до нас донеслись раскаты голоса Теодора:

– И не пытайтесь впутать сюда своих друзей из Таммани⁹, Келли! Таммани – это чудовищное порождение демократической партии, а наша реформа – реформа Республиканской администрации, и вам здесь никто не позволит подобного панибратства! Я советую вам правильно выбрать себе друзей!

Ответом ему стали только басовитые смешки с лестничной клетки – и звуки эти приближались к нам. Через несколько секунд мы с Сарой буквально нос к носу столкнулись с разряженным в пух и прах, наодеколоненным человеком гигантских размеров – это был Вышибала Эллисон. Рядом с ним шествовал куда более изысканно одетый (и менее благоухающий) его криминальный надсмотрщик Пол Келли.

Дни, когда дела в преступном мире Нижнего Манхэттена вершились большей частью кулаками бесчисленных множеств мелких уличных банд, к концу 1896 года были почти сочтены, и деятельность прибрали к рукам крупные группировки, которые были не менее опасны, однако куда более деловиты в своем подходе к ремеслу. Истмены, названные так в честь своего колоритного шефа Монаха Истмена, контролировали всю территорию к востоку от Бауэри между 14-й улицей и Чатам-сквер. В Вест-Сайде орудовали Пыльники Гудзона, любимцы многих нью-йоркских интеллектуалов и художников (большой частью из-за общей ненасытной страсти к кокаину) – эти вершили дела к югу от 13-й улицы и к западу от Бродвея. Район над 14-й улицей принадлежал Крысам Мёрфи-Молотка, группе ирландских подвальных обитателей, эволюцию коих не смог бы объяснить и сэр Чарлз Дарвин. Между этими тремя в буквальном смысле слова армиями, в самом оке преступного смерча и всего в паре кварталов от Управления полиции, располагались Пол Келли и его Пятиугольники, безраздельно правившие от Бродвея и Бауэри до 14-й улицы и Городской ратуши.

Банда Келли взяла себе такое название в честь самого зловещего района города в надежде посеять страх в сердцах врагов, хотя в реальности их действия отличала куда меньшая анархия, которой славились легендарные банды Пяти Углов прошлого поколения (Почемучки, Страхоморды, Дохлые Кролики и прочие), остатки которых и по сей день наводили ужас на окрестности, подобно жестоким и обиженным призракам. Сам Келли отражал эти перемены стиля: его хватка во всем, что касалось моды, дополнялась изысканными манерами и правильной речью. Кроме того, он прекрасно разбирался в искусстве и политике, причем вкусы его тяготели в первом случае – к модерну, а во втором – к социализму. Но Келли хорошо знал своих клиентов: изысканность – не то слово, коим пристало описывать всю прелесть танцзала «Нью-Брай-

⁹ Таммани-холл – прозвище штаб-квартиры Демократической партии штата Нью-Йорк в конце XIX – начале XX века, от названия зала благотворительного Общества Таммани, где с 1789 г. проходили собрания партии.

тон», штаб-квартиры Пятиугольников на Грейт-Джоунз-стрит. Заведением управлял гигант по имени Джек Макманус, известный под кличкой «Жри-Живьем», сам же «Нью-Брайтон» представлял собой ослепительное нагромождение зеркал, хрустальных люстр, медных перил и полуодетых «танцовщиц» – сверкающий дворец, пышностью превосходивший все в Филее, который до появления на сцене Келли считался непревзойденным центром криминальной роскоши.

Оказавшийся перед нами Джеймс Т. «Вышибала» Эллисон был представителем более традиционного подвида нью-йоркских головорезов. Начало его трудовой карьеры в качестве чрезвычайно неприятного охранника правопорядка в салуне ознаменовалось избиением полицейского офицера чуть ли не до смерти. И хотя Вышибала и стремился не уступать в лоске своему боссу, в случае Эллисона – вульгарного, развращенного и накачанного наркотиками – это воспринималось нелепой показухой. У Келли хватало кровожадных приспешников даже не просто с дурной, а вызывающей репутацией, но никто, кроме Эллисона, не осмелился бы открыть «Парез-Холл» – одно из трех-четырех подобных заведений на весь Нью-Йорк, которые открыто (и щедро) обслуживали ту категорию общества, что столь усердно не замечалась Джейком Риисом.

– Однако, – приветливо сказал Келли, и его галстук, словно в тон голосу, полыхнул сияющими искорками, – это же не кто иной, как сам мистер Мур из «Таймс», да еще под ручку с одной из прекраснейших леди Управления полиции. – Сказав это, Келли поднес руку Сары к своему точеному лицу «черного ирландца» и галантно поцеловал ей кончики пальцев. – В наши дни бывает очень приятно получить вызов в Управление.

Его улыбка и взгляд, которым он одарил Сару, были давно отработаны и уверенны, что лишь подбавило тягостной угрозы в воздух, сгустившийся на лестнице.

– Мистер Келли, – ответила ему Сара с гордым кивком, хотя я почувствовал, что на самом деле ей очень не по себе. – Какая жалость, что ваши чары не подкрепляются тем обществом, которое вы водите.

Келли заржал, но Эллисон, и так зловеще нависавший над нами с Сарой, при этих словах, казалось, стал еще выше ростом; его щекастое лицо с хорьими глазами буквально потемнело от ярости:

– Я бы на вашем месте, милочка, следил за своим языком – от Управления до Грамерси-парка путь неблизок... С одинокими девушками порой случаются такие неприятные вещи...

– Да ты настоящий кролик, Эллисон, не так ли? – перебил я, несмотря на то, что человек напротив мог без усилий сломать меня пополам. – В чем дело – неужто мальчишки для битвы у тебя закончились, и ты наконец решился померяться силами с женщиной?

Лицо Эллисона неотвратимо приобретало багровый оттенок.

– Какого черта, ты, мелкая брызга дерьма ничтожного, о себе возомнила? Пускай Глория и была хлопотной паскудой, да куда там, черт возьми – целой кучей паскудских хлопот, но не я ее завалил, понял, и я удавлю любого, кто скажет, что...

– Тише, тише, Вышибала, – произнес Келли медовым голосом, но смысл легко угадывался: «отвали». – Ни к чему это все, – добавил он и обратился ко мне: – Вышибала не имеет никакого отношения к убийству мальчишки, Мур. Да и я бы не хотел, чтобы мое имя как-то всплывало в связи с этим делом.

– Чертовски вовремя ты спохватился, Келли, – ответил ему я. – Потому что я видел его тело – и оно достойно Вышибалы, уж поверь мне. – На самом деле *это* было слишком даже для Эллисона, но ставить их в известность было ни к чему. – Суший мальчишка же был...

Келли хрюкнул, спустившись на несколько ступеней:

– А как же – конечно, мальчишка. Который, заметь, предпочитал крайне опасные игры. Хватит уже, Мур, – такие «мальчишки» в нашем городе дохнут каждый день, откуда столько

интереса именно к этому щенку? Тайный родственничек, что ли? А может, незаконнорожденный отпрыск Моргана или Фрика¹⁰?

– Вы что же, всерьез полагаете, что это может стать единственной причиной для расследования? – несколько оскорбленно возмутилась Сара. Впрочем, она не слишком давно состояла в Управлении.

– Милая моя барышня, – начал Келли, – и я, и мистер Мур – мы оба *знаем*, что это единственная причина. Впрочем, как угодно – Рузвельт благоволит к помраченным рассудкам. – Келли продолжил спуск, и Эллисон протолкнулся мимо нас. Дойдя до последней ступеньки, они вдруг задержались, и Келли вновь развернулся к нам: – Но заруби себе на носу, Мур, – я не желаю, чтобы мое имя связывали с этой историей. – На сей раз даже интонации соответствовали его зловещей профессии.

– Пустое, Келли. Едва ли мои редакторы осмелятся напечатать этот материал.

Он снова улыбнулся:

– Весьма благоразумно с их стороны. Ведь в мире каждую минуту происходит так много важных событий – к чему тратить силы на такой пустяк?

На этом парочка убралась восвояси. Мы же с Сарой наконец смогли немного прийти в себя. Пускай Келли – бандит нового поколения, ему ничто не мешало оставаться самым обыкновенным головорезом, так что в свете подобной встречи нам было из-за чего понервничать.

– Знаешь, – сказала задумчиво Сара, когда мы снова двинулись вверх по лестнице, – одна моя подруга, Эмили Корт, однажды специально выбралась в трущобы ночью – и все лишь для того, чтобы познакомиться с Полом Келли. И нашла его крайне «забавным» человеком. С другой стороны, Эмили всю жизнь была пустоголовой дурочкой. – Она взяла меня за руку. – Кстати, Джон, что именно дернуло тебя обозвать мистера Эллисона кроликом? Он больше похож на обезьяну.

– На его языке «кролик» означает «крутого» клиента.

– Э-э... Надо будет записать. Я хочу, чтобы мои знания о преступном сообществе были по возможности исчерпывающи.

В ответ я смог только рассмеяться:

– Сара, милая, в наши дни женщинам открыто столько профессий, ну зачем тебе все это? Такая умница могла бы запросто стать, ну, скажем, ученой, а может, и доктором...

– Равно как и ты, Джон, – резко ответила она. – Только ты этого почему-то не хочешь. И так уж вышло, что не хочу и я. Честно говоря, порой мне кажется, что большего идиота, чем ты, на свете не сыскать. Ведь тебе прекрасно известно, чего я хочу.

Да, я это знал. Ее мечта не была секретом ни для кого из друзей: стать первой в городе женщиной-полицейским.

– Ну, хорошо, Сара, допустим. Ты стала ближе к своей цели? Столько всего пройти, чтобы получить место секретарши...

Она ответила мне мудрой улыбкой, хотя в уголках ее губ таилась прежняя резкость.

– Да, Джон, но, если ты заметил – я в здании, не так ли? Десять лет назад *такое* даже представить было немыслимо.

В ответ я только кивнул, пожав плечами: спорить с ней бесполезно, – и окинул взглядом холл второго этажа в поисках хотя бы одного знакомого лица. Но все шнырявшие из кабинета в кабинет детективы и офицеры, похоже, были из новеньких. Во всяком случае, видел я их впервые.

– Плохи дела, однако, – сказал я тихо. – Сегодня положительно *никого* не узнаю.

¹⁰ Джон Пирпонт Морган-старший (1837–1913) – крупный финансист и промышленник. Генри Клэй Фрик (1849–1919) – крупный сталепромышленник.

– Да, дела идут не слишком. Мы по-прежнему теряем людей, последний месяц не исключение. Но они скорее уволятся или уйдут в отставку, чем предстанут перед комиссией по расследованию.

– Но ведь не может Теодор просто укомплектовать всю полицию «погремушками». – Так называли новичков-офицеров.

– Запросто. Если выбирать между коррупцией и неопытностью – ты знаешь, что он предпочтет скорее. – Сара легонько подтолкнула меня в спину. – Все, Джон, хватит бездельничать – он давно тебя ждет.

Мы просочились сквозь толпу «фараонов» в кожаных шлемах и «топтунов» (офицеров, одетых в штатское) и оказались в конце холла.

– И потом, – добавила Сара, – ты должен объяснить мне, почему такие дела, как это, обычно не принято расследовать.

Сказав так, она стремительно пробарабанила кулачком по двери кабинета Теодора, не дожидаясь ответа распахнула ее и, продолжая нежно подталкивать меня в спину, проворковала:

– Мистер Мур, господин комиссар.

Дверь захлопнулась, и я даже не успел заметить, как оказался внутри.

Будучи весьма плодовитым писателем (как, впрочем, и читателем), Теодор питал вполне объяснимую страсть к внушительным столам, так что его кабинет в Управлении не был исключением – стол, находившийся здесь, поражал особой монументальностью. Вокруг гиганта робко сгрудились несколько кресел. Белую каминную полку венчали высокие часы, помимо них в кабинете присутствовал журнальный столик с блистающим ослепительной медью телефонным аппаратом. Если не считать разнокалиберных штабелей из книг и бумаг, бравших начало на полу и подчас вздымавшихся чуть ли не до потолка, то этими предметами обстановка в общем-то и ограничивалась. Сейчас Теодор стоял у окна, выходившего прямо на Малберри-стрит и наполовину закрытого жалюзи, одетый в консервативного вида серый костюм, из тех, что деловые люди надевают, идя на биржу.

– А, это вы, Джон, – великолепно, – произнес он, разминувшись со своим грандиозным столом и стискивая мою кисть в рукопожатии. – Крайцлер внизу?

– Да. Вы хотели поговорить со мной наедине?

В ответ Теодор принялся мерить шагами комнату в серьезном, однако бодром предвкушении.

– Как у него настроение? Как он, по-вашему, отреагирует? Он ведь довольно вспыльчивый парень, – а мне хочется быть уверенным, понимаете, – и правильно подобрать тон для нашей беседы.

Я пожал плечами:

– Да с ним все в порядке, я полагаю. Мы съездили в Беллвью – виделись с этим Вульффом, который застрелил маленькую девочку, – и все это, надо признаться, чертовски испортило Ласло настроение. Но он отыгрался по дороге назад – на моих ушах. Как бы там ни было, Рузвельт, поскольку я до сих пор не понимаю, зачем он вам понадобился и что...

Меня прервал знакомый легкий стук в дверь, и на пороге вновь появилась Сара. За ней в кабинет вошел Крайцлер: прежде чем войти, они явно болтали друг с другом – эхо разговора просочилось в кабинет. Однако я успел заметить, как Ласло пристально изучает Сару. Это было почти неуловимо, но чертовски знакомо – именно так большинство людей реагируют на женщину в Управлении.

При виде Крайцлера Теодор мгновенно вклинился между ним и Сарой.

– Крайцлер! – воскликнул он, прищелкнув языком. – Приятно, доктор, очень приятно вас видеть!

– Рузвельт, – произнес Крайцлер, тепло улыбнувшись в ответ. – Давненько не виделись.

– Слишком, слишком давно! Ну что – сядем и побеседуем или же мне распорядиться вынести все из кабинета, чтобы мы наконец смогли насладиться реваншем?

Последняя фраза Теодора касалась их первой встречи в Гарварде, переросшей в боксерский поединок. Мы посмеялись, рассаживаясь по креслам, лед в мгновение ока треснул, и мысли мои скользнули в те далекие времена.

Хоть я знал Теодора задолго до его появления на первом курсе Гарварда в 1876 году, близко общаться нам тогда не довелось. Вдобавок к своей вечной болезненности он производил впечатление прилежного и благонаправленного юноши, тогда как мы с моим младшим братом прилагали все мыслимые усилия, насаждая хаос и анархию на улицах, соседствовавших с нашим Грамерси-парком. Мы были «Главарями» – на самом деле этим прозвищем нас наградили друзья родителей, и оно всплывало всякий раз, лишь стоило зайти беседе о неизбежном проклятье, покаравшем образцовое стадо нашей семьи двумя безусловно паршивыми овцами. В жизни все обстояло, конечно, далеко не так мрачно – в наших проделках не было особого зла или порока, просто мы предпочитали учинять свои выходки в составе небольшой, но крайне задиристой ватаги, состоявшей из соседских ребят, чьим домом служили задворки и переулки вокруг Газового Завода, лежавшего к востоку. Ребята эти считались приличной компанией в нашем затхлом уголке никербокерского общества¹¹, где класс повелевал всем, а взрослые не были готовы терпеть самостоятельно мыслящих детишек. Несколько лет подготовительной школы вдали от компании не изменили мой характер. И, разумеется, тем громче зазвучал тревожный набат, возвещавший окружающим об опасности столь вызывающего поведения с моей стороны, когда в день моего семнадцатилетия вдруг выяснилось, что прошение о зачислении моей нескромной персоны в Гарвард практически отклонено – фатум, которому я бы несказанно обрадовался. Но в глубинах кошелька, принадлежавшего моему отцу, были заключены поистине всемогущие силы, одного вида коих было довольно, чтобы склонить весы в мою сторону, и я спустя несколько времени обнаружил себя в числе законных обитателей совершенно дурацкой деревушки под названием Кембридж. Стоит ли говорить, что год или два жизни в колледже абсолютно не способствовали изничтожению моих сомнительных наклонностей, каковые, в свою очередь, не могли позволить мне спокойно отнестись к появлению в колледже такого примерного зубрилы, как Теодор.

Но осенью 1877 года, сулившего мне выпускные экзамены, для Теодора же обернувшегося долгожданным вторым курсом, все начало стремительно меняться. Отягощенный, помимо учебы, двойным бременем – мучительного и потому невыносимого романа с одной стороны, и смертельной болезнью отца с другой, Теодор вдруг стал стремительно превращаться из некогда узколобого юноши в чрезвычайно общительного молодого человека с широкими взглядами. Конечно, ему не светило стать светским львом, однако нам обоим посчастливилось обнаружить друг у друга немало граней философического свойства, что в совокупности позволило нам провести вместе не один славный вечер за бутылочкой и славной беседой. Вскоре мы уже сообща предпринимали регулярные экспедиции, целью которых служило знакомство с образом жизни Бостонского общества, как высшего, так и низшего. Само по себе это послужило хорошим фундаментом для дружбы.

Между тем еще один друг моего детства, Ласло Крайцлер, успел закончить курс обучения в Медицинском колледже Колумбии, оказавшийся на удивление быстротечным, и незамедлительно сменить должность младшего ассистента при Психиатрической клинике острова Блэкуэллз на студенческую мантию Гарварда, поступив на курс психологии, который читал в те времена сам доктор Уильям Джеймс. Этот крайне общительный профессор, внешне более всего

¹¹ Фамилия главы семейства первых голландских поселенцев, основателей Нового Амстердама (впоследствии Нью-Йорка) Хармена Х. Никербокера (ок. 1650 – ок. 1716) стала нарицательной для обозначения ньюйоркцев после выхода литературной мистификации Вашингтона Ирвинга (1783–1859) «История Нью-Йорка» в 1809 г.

напоминавший терьера и уже находившийся на полпути к мировому признанию, к тому времени основал первую в Америке психологическую лабораторию, занимавшую поначалу всего несколько комнат в Лоуренс-Холле. Кроме того, он преподавал студентам сравнительную анатомию. И вот, осенью 1877 года, прослышав о некоем забавном профессоре Джеймсе, весьма благорасположенном к оценкам знаний своих студентов, я записался на его курс. В первый же день я обнаружил, что рядом со мной сидит Теодор, которого в этой жизни с детства интересовало абсолютно все. И хотя Рузвельт постоянно вступал в жаркие споры с Джеймсом относительно некоторых мелочей в поведении животных, он, как и все мы, был моментально очарован профессором, сохранившим юношескую живость ума и имевшим обыкновение растягиваться на полу всякий раз, когда внимание студентов ослабевало, и объявлять, что преподавание – «процесс взаимный».

У Крайцлера отношения с Джеймсом складывались куда сложнее. Хотя он по-настоящему уважал труды профессора и постепенно проникся нежностью к их автору (да и как можно было не проникнуться?), Ласло ни в какую не мог принять его знаменитую теорию свободы воли – краеугольный камень доктрины учителя. Джеймс рос весьма сентиментальным и болезненным мальчиком, а в юности не раз задумывался о самоубийстве, но возобладав над собой благодаря работам французского философа Ренувье, который учил, что человек с помощью одной лишь силы воли способен справиться со многими психическими (а порой и физическими) заболеваниями. «Мое первое проявление свободы воли сводится к тому, чтобы поверить в свободу воли!» – эти слова стали первым боевым кличем Джеймса и к 1877 году целиком определяли его умонастроения. Однако подобная философия не могла не противоречить растущей вере Крайцлера в то, что он называл «контекстом»: теорию, относительно которой причины всех действий человека следовало искать в его предыдущем жизненном опыте; таким образом, не зная особенностей прошлого пациента, его поведение невозможно было правильно проанализировать и скорректировать. В лабораториях Лоуренс-Холла, наполненных самыми разнообразными приспособлениями для изучения и препарирования нервной системы живых существ и человеческих реакций, Крайцлер и Джеймс бились над общими принципами формирования человеческих характеров и тем, свободны ли мы сами определять дальнейшее течение нашей жизни. Стычки между ними становились все ожесточеннее, в итоге сделавшись достоянием университетских слухов, пока однажды во втором семестре, вечером они не устроили в Университетском холле открытые дебаты на тему «Свобода воли – психологический феномен?».

Собрались почти все студенты, и хотя аргументы Крайцлера были достаточно убедительны, публика была заранее предрасположена к неприятию его доводов. К тому же Джеймс отличался прекрасным чувством юмора, в те времена значительно превосходившим аналогичные возможности Крайцлера, и гарвардские мальчики немало наслаждались шутками профессора за счет его оппонента. Ласло же, ссылавшийся на труды таких мрачных философов, как, к примеру, немец Шопенгауэр, и не скрывавший приверженности эволюционистским теориям Чарлза Дарвина и Герберта Спенсера, учивших, что единственной целью как ментального, так и физического развития человека является не что иное, как выживание, неоднократно вызывал у студентов неодобрительные стоны. Признаюсь, я и сам разрывался между дружбой с человеком, от чьих убеждений мне всегда бывало не по себе, и поддержкой философии его оппонента, предлагавшего поистине безграничные возможности чуть ли не для всего человечества. Теодора же, еще не знакомого с Крайцлером и, подобно Джеймсу, в юности преодолевшего множество хворей исключительно благодаря тому, что он считал проявлением силы духа, в отличие от меня, ничто не связывало – он искренне приветствовал неизбежную и окончательную победу Джеймса.

После дебатов мы с Крайцлером ужинали в таверне, находившейся на другом берегу реки Чарлз и частенько подвергавшейся набегам гарвардцев. В середине трапезы там появился Тео-

дор с друзьями – увидев нас с Крайцлером, он тут же попросил меня представить его Ласло. При этом он мимоходом отпустил в его адрес несколько добродушных, но при этом достаточно колких замечаний касательно «мистической чепухи насчет человеческой души», предположив, что все эти убеждения связаны исключительно с европейским происхождением моего друга. Однако Теодор сильно перегнул палку, добравшись в своих разглагольствованиях до «цыганской крови», имея в виду мать Ласло, родившуюся в Венгрии. В ответ, дабы защитить свою честь и достоинство, Крайцлер вызвал его на дуэль, и Теодор с удовольствием принял вызов, предложив в качестве инструмента разрешения конфликта боксерские перчатки. Я знал, что Ласло с куда большей охотой предпочел бы рапиры – с такой левой рукой на ринге у него было немного шансов на победу, – но по «дуэльному кодексу» Теодор располагал правом выбора оружия.

К чести Рузвельта, когда мы в этот поздний час проникли в гимнастический зал «Хемелуэй» благодаря связке ключей, выигранных мной в этом году в покер у сторожа, и оба они разделись до пояса, увидев руку Крайцлера, Теодор предложил ему выбрать другое оружие. Крайцлер гордо отказался. И хотя участь его была предрешена: второй раз за вечер его ожидало неотвратимое поражение, – Крайцлер превзошел все мыслимые ожидания, устроив бой, равного которому никто из нас еще не видел. Его отвага произвела неизгладимое впечатление на всех присутствующих, Рузвельт же был искренне восхищен стойкостью своего противника. Вместе мы вернулись в таверну и пьянствовали до глубокой ночи. Ласло и Теодор так и не стали близкими друзьями, но между ними образовалась особого рода связь, в результате которой теории и мысли Крайцлера неожиданно открылись Рузвельту – хоть и сквозь щелочку.

Именно благодаря давнишнему открытию Теодора мы и могли сейчас сидеть в его в кабинете, вспоминая старые добрые деньки в Кембридже и забыв на время обо всех срочных делах. Но вот беседа плавно переместилась к событиям наших дней: Рузвельт поднял несколько действительно интересных тем, задав Крайцлеру ряд вопросов о результатах его работы как с детьми в Институте, так и с безумцами, обладающими преступными наклонностями, а Ласло в свою очередь признался, что с нескрываемым любопытством наблюдал за карьерой Теодора с момента его депутатства в Олбани и до назначения особым уполномоченным государственной службы в Вашингтоне. Поистине нет ничего приятнее участия в беседе двух старых друзей, каждому из которых предстояло оставить столь значительный след в истории своего времени, и большую часть разговора я просто сидел и слушал, наслаждаясь мгновенной метаморфозой еще недавно столь мрачной атмосферы.

Однако беседе было неизбежно суждено вернуться к убийству Санторелли, и на комнату словно легла тень глубокой печали и дурных предзнаменований, не оставившая и следа от приятных воспоминаний, – расправилась с ними с той жестокостью, с которой неизвестный убийца обошелся с телом мальчика на башне у моста.

Глава 6

– У меня здесь ваш отчет, Крайцлер, – сказал Теодор, доставая документ из ящика своего гигантского стола. – Здесь же находится заключение коронера. Представьте себе, ничего нового тот обнаружить так и не смог.

В ответ Крайцлер лишь кивнул со знакомой брезгливостью:

– В наше время на должность коронера может претендовать любой мясник или дипломированный аптекарь. Не сложнее, чем устроиться главным врачом в психиатрическую клинику.

– Согласен. Но, возвращаясь к вашему отчету, у меня сложилось впечатление, что он указывает...

– На все, что я обнаружил, он не указывает, – осторожно прервал его Крайцлер. – Разумеется, там не упомянуто несколько самых важных моментов.

– То есть? – Теодор удивленно взглянул на него, даже уронив пенсне, которое носил на службе обычно. – Прошу прощения?

– Слишком много глаз в Управлении просматривают отчеты, комиссар. – Крайцлер изо всех сил старался говорить дипломатично – в его случае для этого требовались значительные усилия. – Мне бы не хотелось, чтобы некоторые детали стали... достоянием общественности. Пока, во всяком случае.

Теодор некоторое время молчал, задумчиво сузив глаза.

– Вы пишете, – произнес он тихо, – об ужасных ошибках.

Крайцлер поднялся, подошел к окну и чуть отодвинул жалюзи.

– Во-первых, Рузвельт, вы должны пообещать мне, что впредь такие субъекты, как, – последовавшие имя и должность он произнес с явным отвращением, – детектив-сержант Коннор, не будут ставиться в известность относительно этого дела. Этот человек все утро снабжал прессу фальшивыми сведениями – домыслами, которые в итоге могут стоить жизни многим невинным людям.

Обычно хмурое чело Теодора собралось положительно глубокими складками:

– Черт побери! Если это правда, доктор, я заставлю этого человека...

Крайцлер предостерегающе поднял руку:

– Просто пообещайте мне, Рузвельт.

– Даю слово. Только передайте мне слова Коннора.

– Он дал понять некоторым репортерам, – начал Крайцлер, прохаживаясь по кабинету, – что в убийстве Санторелли повинен человек по имени Вульф.

– Тогда как вы уверены в обратном?

– Несомненно. Действия Вульфа определенно лишены умысла и слишком бессистемны. Хотя он *совершенно* свободен от каких бы то ни было моральных запретов и не испытывает отвращения к насилию.

– В таком случае вы признали его... – для Рузвельта подобный язык был несколько неприличен, – психопатом? – Крайцлер удивленно поднял бровь. – Я ознакомился с некоторыми вашими трудами последнего времени, – продолжил Теодор с некоторой долей застенчивости. – Хотя не сказал бы, что многое в них понял...

Крайцлер кивнул, загадочно улыбаясь:

– Вы спрашиваете, психопат ли Вульф? Безусловно, в его случае наблюдается естественное психопатическое чувство неполноценности. Но вот *называть* его психопатом... Если вы читали соответствующую литературу, Рузвельт, вы наверняка согласитесь, что в данном случае все зависит от того, на чьи мнения мы опираемся.

Почесав подбородок, Рузвельт кивнул. Тогда я не придавал словам Ласло особого значения, но спустя несколько недель понял, что это были главные камни преткновения в споре

Крайцлера со своими многочисленными коллегами – битве, которая впоследствии развернулась главным образом на страницах «Американского журнала умопомешательства», ежеквартального издания, принадлежавшего сообществу главных врачей различных клиник для душевнобольных: тот выпуск был посвящен пациентам, одержимым манией убийства. Мужчины и женщины, с точки зрения психиатрии, совершенно здоровые, чей интеллектуальный уровень вполне соответствовал общепринятым нормам, тем не менее совершали дикие акты насилия, не укладывавшиеся ни в какие рамки современной морали, в связи с чем немецкий психолог Эмиль Крэпелин предложил включать таких пациентов в класс так называемых «психопатических личностей». Классификация в целом была принята, однако возник серьезный вопрос – каким видом психического расстройства в таком случае, предполагается, страдают эти «психопаты»? Многие врачи утверждали, что подобные пациенты явно ненормальны, однако затруднялись назвать причины заболевания, считая, что их открытие – не более чем вопрос времени. Крайцлер же полагал, что психопатия является следствием неких экстремальных переживаний в детстве пациента и не имеет отношения к подлинным патологиям. Рассматривая действия таких людей в контексте пережитого ими, можно не только верно оценивать их мотивы, но даже и предугадывать их поведение (что в принципе невозможно в случае с настоящими сумасшедшими). И этот диагноз определенно подходил Генри Вульффу.

– В таком случае вы объявите его достаточно вменяемым, и он предстанет перед судом? – спросил Рузвельт.

– Да. – При этих словах лицо Крайцлера слегка омрачилось и он опустил взгляд на свои руки, сцепив их вместе. – И, что не менее важно, еще задолго до того, как свершится правосудие, мы получим доказательства, что этот человек никоим образом не причастен к делу Санторелли. Жуткие доказательства.

Я понял, что больше молчать не могу.

– И?..

Крайцлер опустил руки и вернулся к окну.

– Боюсь, это будут новые тела. Особенно если кто-то попытается связать Вульффа с Санторелли. Да. – Голос его сделался глуше. – Он будет вне себя, если таким образом у него вдруг отберут заслуженную славу.

– Кто будет?!

Но Ласло будто не услышал меня.

– Может быть, кто-то из вас, – продолжил он все в той же отстраненной манере, – помнит любопытное дело, имевшее место три года назад и также связанное с убийством ребенка? Рузвельт, боюсь, это пришлось на пик вашей политической борьбы в Вашингтоне, так что вы наверняка не в курсе. Что же до вас, Мур, мне кажется, вы в те годы были увлечены не менее напряженной борьбой с редакцией «Вашингтон Пост», мечтавшей заполучить голову мистера Рузвельта.

– «Пост», – произнес я с отвращением. – «Пост» тогда просто по уши зарылась во всю эту грязь – с каждым нелегальным назначением в госаппарате...

– Да-да, – прервал меня Крайцлер, поднимая усохшую руку. – Никто не ставил под сомнение достоинство вашей позиции. И вашу лояльность, хотя редакторы ваши, похоже, под конец и сами не знали, кого им следует поддержать.

– В результате они пришли в себя, – сказал я, несколько раздув грудь. – Не то чтобы это сохранило мне работу.

– Ну-ну, Мур, ни к чему винить себя во всех бедах. Впрочем, мы отвлеклись: как я уже сказал, три года назад в водонапорную башню рядом с жилым домом на Саффолк-стрит, что к северу от Дилэнси, ударила молния. Башня была самой высокой постройкой в районе, и событие это было бы вполне объяснимым, если бы не одно необычное обстоятельство. Когда жильцы соседнего дома вместе с пожарной командой добрались до крыши, кому-то, возможно,

удар молнии показался провидением, ибо в башне обнаружили тела двух детей. Брата и сестры. Их горла были перерезаны. Так вышло, что я был знаком с их семьей. Они были евреями из Австрии. Сами дети были просто прелестными – правильные черты, огромные карие глаза, – хоть и слыли большими непоседами. В известном смысле – позором семьи. Воровали, лгали, обижали других детей, словом, были совершенно неуправляемы. Как следствие, мало кто из соседей сожалел об их смерти. Когда их нашли, тела уже находились на стадии разложения. Мальчик упал в воду с платформы, где его первоначально оставили, и тело сильно раздуло. Девочка была в лучшем состоянии, поскольку все это время пребывала в сухом месте, но все возможные улики были уничтожены очередным некомпетентным коронером. Своими глазами я ничего не видел – только официальные отчеты с места преступления, однако одна деталь мне запомнилась, – и он левой рукой показал на свое лицо. – У жертв не было глаз.

По коже у меня побежали мурашки и я вспомнил, что говорил прошлой ночью Рузвельт. Кроме Санторелли, убили еще двоих. Глядя на Теодора, я понял, что он сейчас подумал о том же – он застыл на месте, в глазах его полыхнуло мрачное предчувствие чего-то крайне неприятного. И так же одновременно мы попытались от этого чувства избавиться. Я – молча, Рузвельт при этом заговорил:

– Но это не так уж и необычно. Особенно в случаях, когда тела находятся непогребенными столько времени. Да и если глотки были перерезаны, из них вытекло достаточно крови, чтобы привлечь пожирателей падали.

– Возможно, – ответил Крайцлер, сопроводив свои слова легким кивком, и снова принялся мерить шагами комнату. – Но водонапорная башня была опечатана как раз из тех соображений, чтобы не допустить внутрь грызунов и прочих падальщиков.

– Да, действительно... – протянул Теодор, судя по всему, окончательно запутавшись. – Кто-нибудь писал об этом?

– Писали, – сказал Крайцлер. – Я полагаю, это дело нашло отражение на страницах «Уорлд».

– Но, – возразил я, – не построено еще такое здание, а тем паче водонапорная башня, куда бы не было доступа животным. Крысам, например.

– Верно, Джон, – кивнул мне Крайцлер, остановившись. – И учитывая полное отсутствие любых улик, я был вынужден тогда согласиться с этой версией. Вот только почему крысы, пускай даже и нью-йоркские, обнаружив пару тел, решили так аккуратно закусить глазами и не тронуть прочего, осталось для меня загадкой, на которую я старался не обращать внимания и которая до поры оставалась неразрешенной. До минувшей ночи. – Сказав это, он продолжил свой променад по кабинету. – Увидев состояние тела Санторелли, я сразу же приступил к обследованию глазных орбит. Работать при свете факела, разумеется, не слишком удобно, но, тем не менее, я обнаружил то, что искал. На скуловой кости – так же, как и на надглазничном гребне – серию прямых надрезов, а на крыле клиновидной кости, практически на дне полости – несколько небольших вмятин. Все это недвусмысленно указывает на использование режущей кромки и острия ножа, предположительно охотничьего. И я предполагаю, что если бы мы эксгумировали тела двух жертв 1893 года – а я собираюсь потребовать проведения такой экспертизы, – то и у них обнаружили бы подобные следы. Иными словами, джентльмены, глаза были извлечены рукой человека.

Ужас мой усиливался. Совершенно не отдавая себе отчета, я пробормотал вместо аргумента:

– Но как же то, что говорил сержант Коннор?..

– Мур, – произнес Крайцлер тоном, пресекающим любые возражения. – Если мы действительно собираемся продолжать эту беседу, я полагаю, нам следует забыть о мнении таких людей, как сержант Коннор.

Рузвельт нерешительно поерзал в кресле. По его лицу я понял, что он только что израсходовал последнюю возможность оставить Ласло в неведении относительно действительного положения вещей.

– Боюсь, я должен вам это сказать, доктор, – начал он, вцепившись руками в подлокотники, – но за последние три месяца у нас произошли еще два убийства, которые, как мне кажется, укладываются в... тот *шаблон*, о котором вы говорите.

От такого заявления Ласло ошолбенел.

– Что? – спросил он быстро, но в то же время очень тихо. – Где, где были найдены тела?

– Точно сказать не могу, – ответил Теодор.

– И это были проститутки?

– Полагаю, что да.

– Вы *полагаете*? Отчеты, Рузвельт, мне необходимо увидеть отчеты! Да неужели никто в вашем ведомстве даже не соизволил подумать о явной связи всех этих дел? И *вы*, Рузвельт?

За отчетами немедленно послали. Когда их принесли, нам открылись новые факты – еще два трупа мальчиков, несомненно, торговавших своими телами, также были обнаружены, по мнению coronera, вскоре после смерти. Как и сказал мне накануне Рузвельт, в тех случаях крови было меньше, хотя похоже, что разница в количестве ранений и некоторые мелкие отличия никак не влияли на явное сходство этих дел. Первый мальчик, двенадцатилетний африканский иммигрант, которого все называли не иначе, как «Милли», был прикован цепями к корме парома на остров Эллис. Второго, десятилетнего Аарона Мортонна, нашли на Бруклинском мосту – его просто подвесили за ноги. Согласно отчетам, оба мальчика были частично обнажены, глотки у обоих перерезаны, наблюдались и другие увечья, но самое главное – у обеих жертв отсутствовали глаза. Читая отчеты, Ласло несколько раз пробормотал последнее обстоятельство, явно пребывая в глубоких раздумьях.

– Я полагаю, что понял, о чем вы говорите, Крайцлер, – громко сказал Теодор. Он терпеть не мог во время дискуссии оставаться в стороне, даже в тех случаях, когда тема была ему не близка. – Первое убийство было совершено три года назад. А теперь кто-то начитался старых газетных статей и решил заняться имитацией. – Теодор был явно доволен собственной оригинальной экстраполяцией. – Верно, доктор? И ведь такое не в первый раз происходит с подачи наших любезных газет.

Крайцлер тем не менее лишь постукивал указательным пальцем по сжатым губам, и вид у него был такой, будто он только сейчас осознал, что дело это намного запутаннее, чем ему представлялось раньше.

Я в свою очередь осмелился сделать иной вывод.

– А что там насчет останков? – спросил я. – Все эти... недостающие органы, отрезанная плоть... э-э... ну все это? Такого ведь не было в предыдущих делах.

– Не было, – медленно ответил Крайцлер. – Но мне кажется, есть объяснение этим отличиям, хотя сейчас нас это не должно волновать. Глаза – вот ключ, связь и способ... Я готов поставить что угодно на... – Тут он снова замолчал.

– Ну хорошо, – сказал я, опуская руки. – Значит, кто-то три года назад убил двух детей, а сейчас мы столкнулись с сумасшедшим подражателем, который вдобавок уродует тела. И что нам теперь предстоит со всем этим делать?

– В том, что вы сейчас сказали, Джон, – ровным тоном ответил Крайцлер, – нет ни грамма точности. К тому же я не уверен, что это дело рук сумасшедшего. И я склонен полагать, что сам он не в восторге от того, чем ему приходится заниматься, – в том смысле, как вообще можно понимать подобное утверждение. Но самое главное – и здесь я боюсь разочаровать вас, Рузвельт, – я уверен как в себе самом, что это не имитатор, а *один и тот же человек*.

Мы ждали, что он сделает такой вывод, и боялись его – и я, и Рузвельт. Я достаточно отработал полицейским репортером после моего бесцеремонного отстранения от вашингтон-

ских дел из-за поддержки Рузвельта в его борьбе с кумовством в государственном аппарате. Я даже освещал дела о громких убийствах за границей. Так что я прекрасно знал, что преступники, подобные тому, которого описывал Крайцлер, существуют, но никому из нас не было приятно удостовериться в том, что мы столкнулись как раз с таким экземпляром. А Рузвельт хоть и был прирожденным бойцом, мало что понимал в тонких деталях преступного поведения, и ему проглотить подобное было тяжелее всего.

– Но... три года! – ошеломленно воскликнул он. – Честное слово, Крайцлер, даже если такой человек и существует, он ведь не мог водить за нос правосудие столько лет!

– Нехитрая задача – водить за нос того, кто тебя не преследует, – ответил Крайцлер. – А если полиция и проявляла какой-то интерес к этому делу, шансов у нее не было. Ибо они даже не потрудились выяснить мотивы преступления.

– А вы? – На этот раз слова Рузвельта прозвучали чуть ли не умоляюще.

– Потрудился – правда, пока далеко не продвинулся. У меня есть несколько зацепок – но нам необходимо докопаться до остального. Только если мы сможем с полной уверенностью сказать, что именно толкает его на убийства, мы решим эту головоломку.

– Но *что* может заставить человека совершать такое? – спросил Рузвельт, и в голосе его чувствовалось подлинное смятение. – В конце концов, у Санторелли даже не было при себе денег. Мы опросили его родственников, но они той ночью все были дома. Если только это не результат его ссоры с кем-то, кто...

– Я сильно сомневаюсь, что здесь замешаны какие-то личные дрязги, – ответил Ласло. – Очень может статься, что мальчик до той ночи никогда не встречался со своим убийцей.

– То есть вы утверждаете, что кто бы ни убил ребенка, он не был с ним даже *знаком*?

– Возможно. Для него не было важно, *кого* он убивает. Ему было важно, что *олицетворяет* собой его жертва.

– И? – спросил я.

– И это нам предстоит определить.

Рузвельт продолжил свой осторожный допрос:

– У вас есть какие-то улики, подтверждающие эту версию?

– Нет, если вы имеете в виду именно улики. Я основываюсь исключительно на опыте, полученном из многолетнего общения с подобными пациентами. И на дарованной мне интуиции.

– Но... – Как только настала очередь Рузвельта мерить шагами кабинет, Крайцлер расслабился, будто основная и самая трудная часть его работы выполнена. Теодор же настойчиво продолжал стучать себя кулаком в открытую ладонь. – Послушайте, Крайцлер, это правда, я, как и все мы здесь, вырос в достаточно приличном месте. Но с тех пор как я получил это назначение, мне пришлось весьма близко познакомиться с преступным миром, и перевидал я всякого. Я знаю, что порок и бесчеловечное отношение к себе подобным в Нью-Йорке намного превосходят положение дел в любом месте земного шара. Но даже *здесь* я не могу понять, что могло толкнуть человека на совершение такого неопишуемого ужаса.

– Не ищите, – медленно сказал Крайцлер, стараясь выразиться предельно ясно и понятно, – причин в городе. Ни в недавних событиях, ни в обстоятельствах. Существо, которое вы ищете, явилось на свет очень давно. Возможно, корни его поведения следует искать во младенчестве, совершенно определенно – в детстве. И, возможно, детство его прошло совсем не здесь.

Теодор не нашелся с ответом, на его лице отразилась борьба чувств. Беседа сильно его беспокоила. Впрочем, всякий раз вступая в дискуссию с Крайцлером, он впадал в сильное волнение. Хотя Рузвельт прекрасно знал, чем закончится этот разговор, и, как я начинал сейчас понимать, даже в некотором роде рассчитывал на это, еще когда просил меня привести к нему Ласло. И теперь с удовлетворением наблюдал, как то, что для любого из детективов

в Управлении несомненно показалось бы неизведанным океаном, опытный Крайцлер разлагает на течения и курсы. Теории Ласло явно предлагали решение загадки, которую Теодор был склонен считать неразрешимой, и это позволяло надеяться, что правосудие, пускай и с опозданием, но все же способно восторжествовать. Даже в том случае, когда смерть человека (а теперь, похоже, и не одного) не заинтересовала в Управлении больше никого. Если бы это еще хоть как-то объяснило, что здесь делаю я...

– Джон, – внезапно сказал Теодор, даже не взглянув на меня. – Здесь были Келли и Эллисон.

– Я знаю. Мы с Сарой столкнулись с ними на лестнице.

– Да? – Теодор поправил на носу пенсне. – Проблем не было? Келли становится сущим дьяволом, особенно если рядом возникает женщина.

– Ну, я бы не назвал это приятной встречей, – ответил я, – но Сара держалась молодцом. Теодор облегченно вздохнул:

– Ну и слава богу. Хотя, между нами, я временами до сих пор сомневаюсь, было ли это мудрым решением с моей стороны.

Он имел в виду свое решение взять Сару на работу – вместе с еще одной секретаршей они стали первыми женщинами, принятыми в полицию Нью-Йорка. Рузвельт подвергся за это серьезной критике как со стороны собственных коллег, так и со стороны прессы, но он был так же нетерпим к тому, как в американском обществе относятся к женщинам, как и любой знакомый мне мужчина, и решил дать этой парочке шанс постоять за себя.

– Келли, – продолжил Теодор, – грозил устроить бучу среди иммигрантских сообществ, если я вздумаю привлечь его и Эллисона по этому делу. Пообещал, что в этом случае сделает все от него зависящее, чтобы распустить слухи о Полицейском управлении, оставляющем безнаказанными жестокие убийства несчастных иностранных детей.

Крайцлер кивнул:

– И ему будет несложно исполнить свое обещание. Тем более что в принципе это правда. – Рузвельт резко взглянул на Крайцлера, но тут же отвел глаза, признавая его правоту. – Скажите мне, Мур, – продолжил Ласло, – что вы думаете об Эллисоне? Есть ли основание предполагать, что он действительно может быть в этом замешан?

– Вышибала? – Я откинулся назад в кресле, вытянув ноги и взвешивая вопрос. – Он, несомненно, самый скверный человек в этом городе. У большинства нынешних бандитов в душе осталось что-то человеческое, пускай и на самом дне. Даже у Монаха Истмена – тот, к примеру, разводит птичек и кошечек. Но за Вышибалой, насколько мне известно, таких слабостей не числится. Его любимый спорт – жестокость, и, пожалуй, это единственное, что доставляет ему удовольствие. И даже если бы я не видел тела, спроси кто-нибудь моего мнения насчет того, кто может быть замешан в смерти мальчика, работавшего в «Парез-Холле», я бы без тени сомнения указал на Вышибалу как на первого подозреваемого. Мотив? У него их немного, но, скажем, – чтобы приструнить оставшихся ребят, лишний раз напомнить им о необходимости отстегивать ему положенную долю. Но тут есть одно «но» – стиль. Вышибала – человек стиля, если вы понимаете, о чем я. Убивает тихо, аккуратно, и большинство его предполагаемых жертв больше никто никогда не видит. Он сверкает одеждами, но на работе не светится. Так что как бы ни хотелось утверждать обратное, мне вовсе не кажется, что он замешан в этом деле. Просто не его почерк.

Я поднял глаза и увидел, что Ласло озадаченно на меня смотрит.

– Джон, я никогда в жизни не слышал от тебя ничего умнее, – сказал он. – И к слову, о твоих вопросах касательно цели твоего пребывания здесь с нами. – Он повернулся к Теодору. – Рузвельт, я прошу назначить Мура моим ассистентом. Его знание преступной деятельности и мест, где она вершится, может оказаться просто бесценным.

– Ассистентом? – повторил я. Но мне никто не ответил. В глазах Теодора зажегся огонек, под кожей заходили желваки, и я понял, что он полностью согласен с Крайцлером.

– Я полагаю, вам бы хотелось принять участие в следствии, – сказал он. – Я это чувствую.

– Принять участие в *следствии*? – повторил я в замешательстве. – Рузвельт, куда девался ваш хваленый голландский ум? Алиенист? Психиатр? У вас и так уже ходят в заклятых врагах все старшие офицеры Управления, не говоря уже о половине членов Совета уполномоченных. Они уже делают ставки на ваше увольнение и сходятся на том, что это произойдет аккурат ко Дню независимости! Если хоть одно слово насчет того, что вы поручили дело кому-то вроде Крайцлера просочится наружу, это будет звучать так, словно вы наняли африканского шамана!

Ласло хмыкнул:

– Примерно так склонны величать меня большинство уважаемых горожан. Мур прав, Рузвельт. Необходимо будет действовать в обстановке строжайшей секретности.

Рузвельт кивнул.

– Я отдаю себе отчет в складывающейся ситуации, джентльмены, поверьте мне. Секретность будет обеспечена.

– И насчет, – продолжил Крайцлер, предпринимая еще один тонкий дипломатический ход, – *условий*...

– Если вы имеете в виду жалованье, – сказал Рузвельт, – то с этого момента вы будете получать его согласно ставке, официально предусмотренной для консультанта.

– Боюсь, когда я заговорил об условиях, жалованье меня интересовало меньше всего. Как и должность консультанта. Боже праведный, Рузвельт, ваши детективы неспособны сделать простейшего вывода из отсутствия глаз – три убийства за три месяца и самая важная улика приписывается крысам! Кто знает, сколько всего еще они упустили. Что же касается связи этих убийств с делами трехлетней давности – при условии, что такая связь существует, – нам, джентльмены, светит умереть от старости в своих постелях, пока они обнаружат ее самостоятельно, с «консультантом» или без. Нет, с вашими крысоловами мы ничего не добьемся. Я имел в виду лишь *дополнительную* помощь со стороны Управления...

Рузвельт, вечный прагматик, слушал внимательно.

– Продолжайте.

– Дайте мне двух-трех талантливых молодых детективов, которые имеют четкое представление о современных методах расследования, тех, кто не успел погрязнуть в старой системе ведения дел и никогда не ходил под Бёрнсом. – (Томас Бёрнс считался самым уважаемым из стариков – основатель и фактический глава Отдела расследований, скользкий тип, накопивший огромное состояние за срок своей службы; далеко не случайно он ушел в отставку до того, как Рузвельт появился в составе Совета уполномоченных.) – Мы обоснуемся где-нибудь вне штаб-квартиры, хотя и неподалеку. Назначьте кого-нибудь связным – опять-таки из новеньких, лучше всего помоложе. И предоставьте нам доступ ко всей возможной информации, естественно – памятуя о секретности. – Ласло удовлетворенно сел, осознавая всю беспрецедентность подобных требований. – Дайте нам все это, и у нас, возможно, появится некий шанс.

Рузвельт крепче вцепился в стол и тихонько покачался в кресле, не сводя глаз с Крайцлера.

– Мне это будет стоить работы, – сказал он, не выказав, как могло бы показаться, должной озабоченности, – в том случае, если что-нибудь обнаружится. Мне вот что интересно – осознаете ли вы, доктор, насколько пугает ваша работа самых разных людей, в том числе и тех, кто управляет этим городом? И политиков, и предпринимателей? Когда Мур говорил об африканском шамане, это ведь была совсем не шутка, понимаете?

– Уверяю вас, я вовсе не расценивал его фразу как оную. Но если вы искренне желаете, чтобы все это прекратилось, – с нажимом произнес Крайцлер, – вам *придется* согласиться на мои условия.

Все это время я наблюдал за беседой с изрядной долей восхищения и сейчас был уверен, что наступил тот момент, когда Рузвельт перестанет мечтать и вернется на грешную землю. Он же в который раз ударил себя кулаком в открытую ладонь и произнес:

– Разрази меня гром, доктор, мне кажется, я знаю такую парочку детективов, которые наверняка вас устроят! Но скажите мне, с чего вы думаете начать?

– Чтобы ответить на этот вопрос, – ответил Крайцлер, показывая в мою сторону, – мне следует поблагодарить мистера Мура. Это он когда-то подбросил мне идею.

– Я подбросил вам идею? – Эгоизм на мгновение затмил во мне страх перед тем, что нам предстояло осуществить.

Ласло подошел к окну, отодвинул жалюзи до конца и выглянул наружу.

– Вы должны помнить, Джон, как несколько лет назад ездили в Лондон – аккурат в разгар этой шумихи вокруг Джека-потрошителя.

– Разумеется, я прекрасно все помню, – ухмыльнулся я. То были не самые лучшие мои каникулы: три месяца в Лондоне в 1888-м, когда кровожадное чудовище ангажировало случайных проституток в Ист-Энде и безжалостно их препарировало.

– Тогда я попросил у вас какую-нибудь информацию по этому делу, может, что-нибудь из газетных публикаций. С вашей стороны было очень любезно откликнуться на мою просьбу и, в частности, вложить в пакет заявление молодого Форбса Уинслоу.

Я порылся в памяти. Форбс Уинслоу, носивший то же имя, что и его отец, – выдающийся британский алиенист, оказавший некоторое влияние на Крайцлера, – выбил себе место главного врача психиатрической клиники, разумеется, – исключительно благодаря заслугам своего гениального папочки. По мне, так молодой Уинслоу был просто самоуверенным дураком, но тем не менее он прославился, подключившись к расследованию дела Потрошителя и нагло провозгласив, что убийства (не раскрытые и по сей день) прекратились исключительно благодаря его вмешательству.

– Только не говорите мне, что это Уинслоу подбросил вам идею, – изумленно проговорил я.

– Непреднамеренно. В одном из своих абсурдных трактатов о Потрошителе он упоминал возможного подозреваемого в этом деле и говорил, что если бы он создал некоего «воображаемого человека» – заметьте, я цитирую дословно, именно «воображаемого человека», – собравшего в себе все характерные черты настоящего убийцы, то не нашел бы никого более подходящего на эту роль, чем несчастный подозреваемый. Разумеется, человек, которого он удостоил сей высокой чести, впоследствии был признан невиновным. Но вот это его выражение задержалось у меня в памяти. – Крайцлер повернулся к нам. – Мы ничего не знаем о человеке, которого ищем, и вряд ли нам повезет обнаружить свидетеля, который будет знать о нем больше нас. К тому же у нас не хватает улик – этот человек годами совершает свои злодеяния, так что у него было достаточно времени, чтобы в совершенстве отточить приемы. Но то, что мы можем сейчас сделать, – единственное, что можно сделать в такой ситуации: представить себе мысленно портрет человека, *способного* совершать все эти преступления. Если нам удастся нарисовать такую картину, важность обнаруженных нами улик неизмеримо возрастет. И, таким образом, мы сможем существенно уменьшить тот стог сена, в котором нам предстоит найти нашу иглу.

– Благодарю покорно, – сказал я. Нервозность моя все возрастала. Беседа в подобном ключе наверняка распалит воображение Рузвельта, и Крайцлер прекрасно знал это. Действия, планы, кампания – нечестно было просить Рузвельта принять обдуманное решение перед такими эмоциональными приманками. Так что я счел уместным вскочить и принять то, что показалось мне тогда превентивной позицией.

– Слушайте, вы... – начал я, но Крайцлер просто коснулся моей руки и одарил меня своим типичным взглядом, исполненным беспрекословного авторитета, после чего тихо произнес:

– Одну минуту, Мур, присядьте, пожалуйста. – Мне ничего не оставалось, как подчиниться его просьбе, хоть и не без раздражения. – Вам необходимо знать еще одно. Я сказал, что в случае выполнения условий у нас будет шанс на успех – не больше и не меньше. Годы практики нашего подопечного явно не прошли для него даром. Тела двух детей в водонапорной башне были обнаружены лишь благодаря случайности, помните об этом. Мы ничего не знаем о нем – мы даже не знаем, «он» ли это. Известны случаи, когда женщины убивали своих и чужих детей – так называемая «пуэрперальная мания» или «послеродовой психоз» – и такие случаи нередки. У нас есть только одна причина для оптимизма.

Теодор взглянул на него с просветлением во взоре:

– Санторелли?

Он быстро учился. Крайцлер кивнул.

– Точнее, тело Санторелли. Места, где обнаружили его и два других тела. Убийца мог спрятать тела своих жертв, и бог знает, сколько их было на самом деле за эти три года. Сейчас же он предоставил нам полный отчет о своих действиях, сродни тем письмам, мой дорогой Мур, которые Потрошитель отправлял в различные учреждения Лондона. Некая часть нашего убийцы, пускай глубоко похороненная и атрофированная, но еще не отмершая, жаждет прекращения кровавого безумия. И в этих трех телах мы можем отчетливо видеть, как если бы там было написано словами, искаженный призыв – найдите меня. И найти его надо быстро, ибо я подозреваю, что он придерживается очень четкого графика в совершении своих преступлений. Хотя график этот нам также придется выводить самостоятельно.

– Надо полагать, вы рассчитываете достаточно быстро разобраться с этой частью работы, не так ли, доктор? – спросил Теодор. – Расследование такого рода, в конце концов, не сможет длиться вечно. Нам нужны *результаты*!

Крайцлер пожал плечами – настойчивость Рузвельта его, по видимости, не тронула.

– Я всего лишь честно поделился соображениями. У нас будет шанс, но за него предстоит побороться – не больше, но и не меньше. – Крайцлер мягко опустил руку на стол Теодора. – Ну так как, Рузвельт?

Возможно, кому-то это показалось бы странным, но я решил больше не протестовать. В свое оправдание могу сказать одно: теория Крайцлера, якобы вдохновленная документом, присланным мной бог знает сколько лет назад, предшествовавшие этому объяснению дружеские воспоминания о славных гарвардских деньках, равно как и возрастающий энтузиазм Теодора относительно плана расследования – все это вдруг натолкнуло меня на мысль, что происходящее в кабинете лишь отчасти вызвано смертью Джорджии Санторелли. Нет, то был результат неизмеримо большего количества случайностей и мимолетных событий, нити которых уходили в наше детство и юность, где-то расходясь, а где-то пересекаясь друг с другом. Редко я так же сильно ощущал верность убеждений Крайцлера: ответы на главные жизненные вопросы никогда не бывают спонтанными, за ними – годы детального исследования контекста и построения шаблонов нашей жизни, что в конце концов начинают управлять всем нашим поведением. Теодор, кому вера в решительный ответ любому вызову помогла справиться с физической немощью в юности и с честью преодолеть все испытания как на ниве политики, так и в личной жизни, – подлинно ли свободен он отказаться от предложения Крайцлера? А если он его принял, вправе ли я сказать «нет» двум своим старым друзьям, с которыми мы пережили множество приключений юности, этим людям, только что открывшим мне глаза на то, что мои досужие знания, никогда ни для кого не представлявшие никакого прока, способны привести к поимке жестокого убийцы? Профессор Джеймс, случись он рядом, непременно сказал бы: да, любой человек от рождения свободен в любой момент решать, как ему следует поступить, –

и, возможно, в чем-то он прав. Но Крайцлер скорее всего бы заявил (и Джеймс бы сию же минуту набросился на него с ниспровержениями), что невозможно субъекта сделать объектом, нельзя обобщить конкретное. Что на нашем месте сделали бы другие люди – весьма спорно; в кабинете же сидели только мы с Теодором.

Как бы там ни было, именно тем промозглым мартовским утром нас с Крайцлером произвели в детективы. Мы втроем понимали, что это неизбежно. Уверенность эта покоилась на нашем доскональном знании характеров друг друга и нашего прошлого. Впрочем, в Нью-Йорке в ту историческую минуту находился еще один человек, сделавший абсолютно верный вывод как относительно мотива, собравшего нас, так и в отношении принятого нами решения, хотя нам человека этого даже не представили. Лишь по прошествии значительного времени я осознал, что все то утро он с большим интересом наблюдал за нашими действиями и выжидал, пока мы с Крайцлером не покинем Управление. Именно этот миг был выбран им для доставки весьма двусмысленного, если не сказать тревожного, послания.

Когда мы с Ласло пронеслись через весь двор к коляске, стараясь по возможности не подставляться под яростные порывы дождя, с прежним остервенением извергаемого угрюмыми небесами, и поспешно забрались в салон, я сразу же обратил внимание на редкостное зловоние, наполнявшее его. И эта вонь совсем не походила на запах навоза или же специфический аромат отбросов – визитную карточку улиц Большого Нью-Йорка.

– Крайцлер, – сказал я, принохиваясь, – кто-то здесь...

Я осекся, увидев выражение черных глаза Крайцлера, остановившихся на каком-то предмете в дальнем углу салона. Проследив за его взглядом, я обнаружил там скомканную и чрезвычайно грязную белую тряпку, которую ткнул острием своего зонтика.

– Действительно, на редкость любопытное сочетание ароматов, – пробормотал Крайцлер. – Если не ошибаюсь: человеческая кровь и экскременты.

Я взвыл и молниеносно закрыл нос левой рукой, сообразив, что Крайцлер и на этот раз не ошибся.

– Видимо, кому-то из местных сорванцов это показалось чертовски смешным, – недовольно сообщил я, поддевая *это* кончиком зонтика. – Как и цилиндры, коляски – отличная мишень.

Когда я уже выбрасывал мерзкую тряпку в окно, та изрыгнула на пол коляски такой же, если не более вонючий, комок бумаги, однако я успел заметить, что на нем было что-то напечатано. Издав еще один стон отвращения, я безуспешно попытался загарпунить его зонтиком, но комок развернулся, так что я смог разобрать кое-что.

– Однако, – озадаченно хмыкнул я. – Такое ощущение, что это скорее по вашей части, Крайцлер. «Роль диеты и гигиены в формировании детской нервной...»

С ошеломляющей неожиданностью Крайцлер вырвал у меня зонтик, с размаху проткнул им бумажный комок и вышвырнул оба предмета в окно.

– Какого черта, Крайцлер?! – Я выпрыгнул из коляски, подхватил зонтик, избавил его от оскорбительного комка и только после этого вернулся в салон. – Между прочим, этот зонтик, если вы не заметили, отнюдь не из дешевых.

Поглядев на Крайцлера, я заметил на его лице следы нешуточной тревоги, однако он моментально взял себя в руки и заговорил со мной уже вполне спокойным, я бы даже сказал – обыденным тоном.

– Прошу прощения, Мур. Но так уж вышло, что волей случая я немного знаком с автором этих строк. Увы, стилист из него такой же скверный, как и мыслитель. Но полно о нем, у нас есть дела поважнее. – Он наклонился вперед и позвал Сайруса, который незамедлительно откликнулся. – В Институт, потом на ланч, – приказал Крайцлер, – и если можно, побыстрее – здесь не мешало бы слегка проветрить.

Тогда я понял только одно: существо, оставившее пакостный сверток на полу экипажа, вряд ли было ребенком – это ясно следовало как из короткого пассажа, прочитанного мною, так и из реакции Крайцлера. То была страница, вырванная из монографии, вне всякого сомнения принадлежавшей перу моего доброго друга. Решив, что выходка – дело рук кого-то из многочисленных критиков Крайцлера, а таковых у него насчитывалось в избытке, в том числе и в Управлении полиции, – я не стал дальше копаться в случившемся. Лишь по прошествии нескольких недель мне открылась вся зловещая значимость этого, казалось бы, мимолетного недоразумения.

Глава 7

Нам не терпелось начать сбор сил для расследования, и все эти задержки, пускай и кратковременные, крайне изматывали нас. Когда Теодор узнал, что визит Крайцлера в Управление вызвал нездоровый интерес репортеров и офицеров полиции, он понял, что совершил ошибку, проведя нашу встречу в здании, а стало быть, попросил нас повременить с расследованием пару дней, «пока все не уляжется». В связи с чем мы с Крайцлером посвятили это время подготовке нашей «гражданской» легенды. Я убедил своих редакторов предоставить мне отпуск, что само по себе было не сложно, особенно с учетом кстати пришедшегося телефонного звонка от Рузвельта, в котором он донес до сведения моего начальства, что я ему необходим в связи с неотложными полицейскими делами. Несмотря на столь серьезное прикрытие, меня решительно отказывались выпускать из дома № 32 по Бродвею, где базировалась редакция «Таймс», пока я не принесу клятву, что если результаты следствия окажутся пригодными для публикации, я ни при каких обстоятельствах не посмею отдать их в другое издание, сколько бы денег мне там ни предложили. Я в свою очередь не преминул заверить своих кислотиких нанIMATEлей, что какой бы ни оказалась эта история, вряд ли она придется им по душе, после чего с легким сердцем пустился вниз по Бродвею. Стояло типичное нью-йоркское мартовское утро: 29 градусов по Фаренгейту, одиннадцать утра, скорость ветра, со свистом рассекавшего улицы, – до пятидесяти миль в час. Мне предстояло встретиться с Крайцлером в его Институте, и я думал прогуляться туда пешком. Я наслаждался свалившейся на меня свободой от редакторов на неопределенное время. Между тем настоящий нью-йоркский холод – из тех, что замораживает причудливыми фигурами на мостовой потеки конской мочи, – способен был остудить любой душевный жар. Добравшись до отеля «Пятая авеню», я решил все-таки взять кэб, остановившись лишь на секунду, когда увидел, как из своего экипажа выплывает босс Платт и растворяется внутри здания – неестественная пластика этой персоны была неспособна убедить случайного зеваку, что перед ним, вообще говоря, живой человек.

«А вот Крайцлеру выхлопотать отпуск будет потяжелее, чем мне», – размышлял я, сидя в кэбе. В Институте обитали порядка двух с лишним дюжин детей, некогда покинувших свои дома (или улицы), где единственным знаком внимания к ним со стороны окружающих была регулярная порка или побои – в другое время на них просто не обращали внимания. Ответственность за жизни этих несчастных созданий целиком и полностью лежала на Крайцлере. И, признаться, сперва я совершенно не представлял себе, как он собирается сменить профессию, не оставляя при этом Института, где настоятельно требовалась его твердая рука. Однако едва у нас зашел об этом разговор, Крайцлер сообщил, что намеревается посвящать Институту два утра и один вечер в неделю, оставляя бразды следствия в моих руках. Столь серьезные обязательства никак не входили в мои первоначальные планы и тем сильнее было мое удивление тому факту, что его предложение вызывало у меня больше энтузиазма, нежели беспокойства.

Мой кэб довольно быстро пересек Чатам-сквер и, повернув к Восточному Бродвею, доставил меня к строениям под номерами 185-187, где и располагался Институт Крайцлера. Сойдя на тротуар, я заметил коляску Ласло неподалеку и сразу же задрал голову, вглядываясь в окна здания и ожидая наткнуться на ответный взгляд своего друга.

Еще в 1885 году, задумав основать Институт, Ласло потратил часть собственных сбережений на приобретение этих двух четырехэтажных зданий из красного кирпича с черной отделкой. Впоследствии их интерьеры подверглись серьезной перестройке, так что внутри оба корпуса выглядели единым целым. Затраченные на все это средства были в скором времени покрыты с одной стороны взносами состоятельных клиентов, с другой – внушительными гонорарами, причитававшимися Крайцлеру за безукоризненное исполнение обязанностей официального судебного эксперта. Комнаты детей размещались на верхнем этаже Института, учебные

классы и помещения для отдыха – на третьем. Второй этаж целиком занимали консультационные и смотровые кабинеты Ласло, а также его психологическая лаборатория, где он подвергал детей разнообразным тестам: на восприятие, реакцию, ассоциативное мышление, память и прочие психические функции, природа которых всегда представляла живой интерес для всех алиенистов. Что же до первого этажа, здесь у Ласло располагалась жуткого вида операционная, где он время от времени проводил диссекцию мозга или вскрытие трупа. Мой возница доставил меня аккуратно к черной железной лестнице, которая и вела к главному входу в № 185. У дверей красовался Сайрус Монтроуз – голову его венчал котелок, огромный торс задрапирован складками не менее гигантской шинели, а широкие ноздри, похоже, извергали холодное пламя.

– Добрый день, Сайрус, – произнес я с неуклюжей улыбкой, поднимаясь по лестнице и тщеславно надеясь, что на сей раз мой голос прозвучал увереннее, чем обычно, когда я попался пред акулий взор гиганта. – Доктор Крайцлер здесь?

– Вон его коляска, мистер Мур, – вполне вежливо ответил Сайрус, и я вновь отчего-то почувствовал себя последним недоумком в городе. Но, стиснув зубы, все же выдавил из себя улыбку:

– Надеюсь, вы слышали, что нам с доктором какое-то время предстоит работать вместе?

В ответ Сайрус кивнул – и не зная я его лучше, я бы поклялся, что по лицу его скользнула кривая усмешка:

– Слышал, сэр.

– Прекрасно, – ответил я, распахнув сюртук и похлопав себя по жилетке. – Думаю пойти поискать его. Всего доброго, Сайрус.

Входя в здание, я так и не дождался от него ответа – да, в общем, и не заслуживал его: у нас не было повода выставить друг друга полными крестинами.

Внутри Института меня встретили компактный вестибюль и парадный холл – белые с дорогими панелями темного дерева, а также обычный набор папаш, мамаш и драгоценных чад: в ожидании Крайцлера все они расположились на двух длинных низких скамьях. Такую картину можно было наблюдать практически каждое утро в конце зимы – начале весны: Ласло устраивал своим подопечным что-то вроде собеседования, дабы определить, кто следующей осенью будет допущен к пребыванию в стенах Института. Соискатели варьировались от крайне зажиточных северо-восточных семей до сказочно нищих иммигрантов и сельских рабочих. Но всех объединяло одно обстоятельство: каждая семья имела нервического или же трудного ребенка, поведение которого временами становилось экстремальным и непредсказуемым. Все это, разумеется, было делом далеко не шуточным, однако факт оставался фактом: в такие утра Институт становился подлинным зоопарком. Всякий дерзнувший пройти в это время по коридору рисковал пасть жертвой подножки, плевок, яростных проклятий и прочих, не менее приятных вещей – в особенности со стороны тех детей, чья умственная неполноценность состояла единственно в чрезмерной избалованности: их родителям следовало бы побереечь время и ни в какой Институт не ездить вовсе.

Подойдя к двери консультационного кабинета Ласло, я ненароком встретился взглядом с одним из таких будущих буянов – мелким пузатым мальчишкой, чьи глаза так и светились злонравием. Рядом мерил шагами пяточек перед кабинетом смуглая женщина лет пятидесяти – ее лицо было изборождено глубокими морщинами, она куталась в шаль и бормотала себе под нос что-то, как я подозревал, по-венгерски. Я был вынужден увернуться – и от нее, и от сучившего ногами маленького толстяка. Постучав, я незамедлительно услышал из-за двери громогласное «Да!» своего друга. Топтавшаяся у порога женщина посмотрела на меня с явным сочувствием.

После относительно безобидного вестибюля кабинет Ласло должен был служить будущим пациентам (которых он всегда называл только «студентами» и решительно настаивал на использовании персоналом именно такого обращения к детям – чтобы те ни в коем случае не

могли осознать истинного положения вещей) первым знакомством с подлинным Институтом. Так что Ласло заранее позаботился о том, чтобы обстановка не пугала маленьких посетителей. Здесь висели картины с изображениями животных, кои не только развлекали и успокаивали детей, но и подчеркивали безукоризненность вкуса хозяина, а также имелись игрушки: бильбоке, простые кубики, куклы и оловянные солдатики. С помощью этих нехитрых забав Ласло к тому же проводил предварительную серию тестов на ловкость, скорость реакции и характерные эмоции. Наличие в кабинете медицинских инструментов было сведено к минимуму – большинство из них содержалось в смотровой, организованной в следующей за кабинетом комнате. Именно там Крайцлер производил первые серии испытаний физического состояния пациентов – разумеется, это касалось лишь тех случаев, когда больной интересовал Ласло. Все тесты были призваны определить, зависят ли трудности у ребенка от причин второстепенного характера (например, физических увечий, влияющих на поведение и настроение), или же причину следует искать в первичных аномалиях – умственных или эмоциональных нарушениях. Если у ребенка отсутствовали признаки второстепенных недомоганий и Крайцлер понимал, что способен оказать помощь (другими словами, если не наблюдались симптомы безнадежного и неизлечимого повреждения головного мозга), дитя «записывалось» в Институт: ребенок поселялся в Институте почти на все время, бывал дома только по праздникам, да и то лишь после того, как Крайцлер лично подтверждал безопасность подобного контакта. В целом же Ласло был склонен придерживаться мнения, изложенного в теориях его коллеги и доброго друга доктора Адольфа Майера, часто повторяя его афоризм: «Степень дегенеративности ребенка прямо пропорциональна степени дегенеративности его окружения, помноженного на сложные семейные отношения». Главной целью Института было создание для детей новой среды, и это, в сущности, было краеугольным камнем самоотверженных попыток Ласло четко выяснить: возможно ли перековать «естественный шаблон» человеческой души и, следовательно, перехитрить судьбу, на которую нас обрекают случайности рождения.

Крайцлер что-то писал за своим причудливым рабочим столом, омытым светом небольшой лампы тускло-зеленого и золотистого стекла. Ожидая, пока он закончит записи и поднимет голову, я подошел к книжной полке рядом и снял оттуда свой любимый томик – «Жизнь и смерть безумного грабителя и убийцы Сэмюэла Грина». Ласло любил ссылаться на это дело 1822 года родителям своих «студентов»: печально известный Грин, по словам Крайцлера, по праву мог считаться «дитем розги»: в детстве его воспитывали побоями, и, будучи наконец изловленным, он открыто признал, что все его преступления против общества служили своего рода мстью. Впрочем, лично меня в сем фолианте привлекал фронтиспис, красочно изображавший, как следовало из подписи внизу листа, «Конец Безумца Грина» на бостонской виселице. Что-то притягивало меня в абсолютно невменяемом взгляде знаменитого сумасшедшего; вот и на этот раз из очередного созерцания меня вывел Крайцлер – не поднимая головы, он протянул мне какие-то листки и произнес:

– Извольте полюбоваться, Мур, – наш первый успех, хоть пока и незначительный.

Я отложил книгу в сторону. Листки представляли собой бланки и расписки, касавшиеся некоего захоронения на кладбище, точнее – двух определенных могил; еще один документ был посвящен эксгумации тел; последняя же страница была густо испещрена совершенно неразборчивым почерком и подписана «Абрахам Цвейг»...

Тут я внезапно почувствовал, что за мной пристально наблюдают. Обернувшись, я увидел девочку лет двенадцати с хорошеньким круглым личиком и затравленным взглядом; она была чем-то напугана. В руках у нее была книга, минуту назад отложенная мною. Взгляд девочки потрясенно метался от меня к ужасному фронтиспису, ненадолго останавливаясь на верхних пуговицах ее простенького, но чистого и опрятного платяца. Скорее всего, она прочла подпись к гравюре и неожиданно для себя пришла к какому-то не слишком приятному выводу.

Ласло наконец оторвался от своих документов и, повернувшись к малышке, мягко произнес:

– А, Берта. Ты уже готова?

В ответ девочка робко указала на книгу, а затем протянула указующий перст в мою сторону и с дрожью в голосе спросила:

– Выходит... я тоже безумна, доктор Крайцлер? А этот человек – он должен забрать меня в такое же страшное место?

– Что? – вырвалось у Крайцлера. Он забрал у девочки злополучную книгу, мимоходом соорудив мне укоризненную гримасу. – Безумна? Что за вздор! Напротив, у нас для тебя очень хорошие новости. – Крайцлер говорил с ней как со взрослым человеком, – прямо и не выбирая выражений, хотя тон его при этом оставался успокаивающе-добродушным – классический тон разговора с ребенком. – Иди-ка сюда, – позвал ее Крайцлер и усадил к себе на колени. – Должен признаться вам, мисс, вы – очень здоровая и *разумная* юная леди. – Щеки малышки озарились легким румянцем и она тихо и довольно рассмеялась. – Во всех твоих неприятностях виноваты маленькие наросты у тебя в носике и ушках. Они, в отличие от тебя, просто в восторге от той *окаянной холодрыги*, что царит у тебя дома. – При этих словах он потрепал ее по затылку и продолжил: – Тебе нужно будет повидаться с врачом. Я познакомлю тебя с одним доктором, моим хорошим приятелем – он просто удалит тебе эти наросты, пока ты будешь спать, и все. Что же касается этого человека, – он опустил ее на пол, – позволь мне представить тебе еще одного своего друга, его зовут мистер Мур.

Девочка сделала книксен, при этом не сказав ни слова. Я поклонился ей в ответ.

– Рад встрече с вами, Берта.

Она снова рассмеялась, на что Ласло поцокал языком и заметил:

– Ну все, хватит хихикать, сбегай за матушкой, и мы с ней обо всем договоримся.

Берта выбежала в коридор. Ласло подошел ко мне и, похлопав по бумагам, которые только что мне выдал, возбужденно произнес:

– Быстрая работа, а, Мур? Представьте, они уже час как здесь.

– Какая работа? – спросил я, ничего не понимая. – Кто – они?

– Дети Цвейга! – ответил Ласло с тихим ликованием. – Те самые, из водонапорной башни – у меня внизу их останки.

Картина показалась мне до того отвратительной и несогласной со всем, что происходило в тот день в Институте, что я содрогнулся. Но не успел я поинтересоваться, за каким чертом ему все это понадобилось, в кабинет вошла Берта со своей матерью – той самой женщиной в шали. Женщина сразу же обменялась с Крайцлером несколькими репликами на венгерском, но познания Ласло в этом языке были ограничены (его отец-немец был против того, чтобы ребенок болтал на языке матери), и они быстро перешли на английский.

– Миссис Райк, вы обязательно должны прислушаться к моим словам! – раздраженно сказал Крайцлер.

– Но, доктор, – взмолилась женщина, заламывая руки, – вы же видите, иногда она прекрасно все понимает, но потом в нее точно демон какой вселяется, просто семейное проклятье, другого слова не подберу...

– Миссис Райк, я уже не знаю, как мне вам следует объяснять, чтобы до вас дошло, – настойчиво сказал Ласло, предпринимая последнюю попытку остаться беспристрастным. Он вынул из жилетного кармана серебряные часы-луковицу, посмотрел на циферблат и продолжил: – Или на скольких языках? Временами опухоль не так ярко выражена, понимаете? – Для пущей наглядности он показал на собственное ухо, нос и горло. – В такие времена у нее ничего не болит, она может не только слышать и говорить – она легко и нормально дышит. Вот откуда берутся эта живость и проворность. Но по большей части образования в ее глотке и прилегающей полости носа – а они у нее и в горле, и в носу – перекрывают евстахиевы трубы, и слышать

становится крайне трудно, если возможно вообще. А ваша вымороженная квартира и постоянные сквозняки только усугубляют ее состояние. – Крайцлер положил руки на плечи Берты и та снова радостно улыбнулась. – Короче говоря, она не мучает вас и своего воспитателя намеренно. Вы меня понимаете? – Он наклонился к самому лицу матери, внимательно высматривая своими птичьими глазами ответную реакцию. – Нет. Явно не понимаете. Ну хорошо, в таком случае вам придется просто выслушать меня. Никаких отклонений у нее нет – ни в психике, ни в развитии. Покажите ее доктору Осборну из больницы Святого Луки, он регулярно выполняет подобные процедуры, а я в свою очередь наверняка смогу убедить его сделать вам некоторую скидку. Осенью, – Крайцлер взъерошил девочке волосы, и она посмотрела на него чуть ли не с благодарностью, – Берта уже будет вполне здорова и перестанет отставать на занятиях. Вы согласны со мной, юная леди?

Девочка не ответила, но хихикнула снова. Однако мать не сдавалась.

– Но... – начала она, хотя Крайцлер уже взял ее под руку и повлек за собой через вестибюль к выходу:

– Ну все, миссис Райк, будет. Если вы чего-то не понимаете, это не значит, что его не существует. Отведите ее к доктору Осборну! И учтите, я обязательно свяжусь с ним и проверю, как вы следуете моим указаниям. Упаси вас боже их нарушить. Гнев мой будет ужасен.

Он закрыл за матерью и маленькой Бертой парадные двери и вернулся в холл, где был незамедлительно осажден оставшимися там семьями. Крикнув, что в беседах объявляется короткий перерыв, Крайцлер поспешно ретировался в кабинет и запер за собой дверь.

– Главная сложность, – пробормотал он, возвращаясь к столу и приводя в порядок бумаги, – убедить всех этих родителей, что необходимо более трепетно относиться к психическому здоровью своих отпрысков, ибо все больше их полагает, будто мелкие беды чад выдают некое подспудное заболевание. Ну что ж... – Он запер стол на ключ и повернулся ко мне. – Итак, друг мой, пришло время спуститься вниз. Полагаю, нас там уже ждут люди Рузвельта. Я заранее предупредил Сайруса, чтобы он сразу проводил их через боковую дверь.

– То есть вы собираетесь устроить им собеседование *здесь*? – спросил я, когда мы прошли через смотровую, ускользнув через черный ход от шумного внимания семейств в вестибюле, и оказались в Институтском дворике.

– Честно говоря, я не собирался проводить с ними никаких собеседований, – ответил Крайцлер, поглубже вдохнув морозный воздух. – Куда разумнее предоставить это детям Абрахама Цвейга. А я проверю результаты. Но помните, Мур, – ни слова о нашем деле, пока я не сочту этих людей подходящими для участия в следствии.

Пока мы были в Институте, погода переменилась – пошел легкий снежок, что явно пришлось по душе нескольким юным подопечным Крайцлера, одетым в простую серо-синюю форму, сводившую к минимуму неизбежные в иных обстоятельствах разногласия, возникающие между детьми, принадлежащими к разным общественным классам. «Студенты» носились по дворику, ловя пролетающие снежинки. Заметив Крайцлера, каждый счел своим долгом подбежать и радостно, однако почтительно приветствовать своего доктора. Ласло улыбался в ответ и расспрашивал их об успехах в школе и отношениях с учителями. Несколько ребят посмелее тут же принялись откровенно делиться мыслями касательно внешнего вида некоторых учителей, а также выпускаемых ими ароматов, за что были немедленно удостоены замечания, впрочем, не слишком строгого. Покинув дворик и оказавшись в мрачных пределах первого этажа, я еще какое-то время слышал их радостные крики, эхом отдававшиеся в стенах, и думал о том, насколько близки недавно были многие из них к тому, чтобы разделить участь Джорджио Санторелли. Разум мой все чаще обращался к предстоявшему нам делу.

Темный и сырой коридор вел к операционной, очень длинному помещению, в отличие от коридора – сухому и теплему, благодаря газовому камину, шипевшему в углу. Стены были оштукатурены и выбелены, вдоль каждой тянулись ряды белых шкафчиков, за стеклян-

ными дверцами которых блистали ужасного вида инструменты. Над ними располагались белые полочки с целой коллекцией устрашающих экспонатов: правдоподобно раскрашенных гипсовых слепков человеческих и обезьяньих голов с частично вскрытыми черепными коробками, выставлявшими на всеобщее обозрение положение мозга. Многие лица были искажены в предсмертной агонии. Модели эти делили пространство с настоящими мозгами, некогда принадлежавшими разнообразным существам, а ныне погруженными в стеклянные сосуды с формальдегидом. Все свободные стены были покрыты схемами строения нервных систем человека и животных. В центре комнаты высились два стальных операционных стола, снабженных специальными стоками, – они шли от середины ложа к ногам так, чтобы любая жидкость свободно устремлялась в емкости на полу. На каждом столе различались грубые очертания человеческих тел, затянутых стерильными простынями. От них отчетливо веяло разложением и землей.

Рядом стояли двое мужчин в шерстяных костюмах-тройках. У того, что был повыше ростом, костюм был скромный, но в модную клетку, у второго, пониже, – просто черный, без изысков. Лиц я толком не разглядел – электрические лампы над столами, висевшие между нами, светили безжалостно.

– Джентльмены, – произнес Ласло, направляясь прямо к ним, – я доктор Крайцлер. Надеюсь, не заставил вас долго ждать.

– Что вы, доктор, – ответил высокий, пожимая протянутую руку. Наклонившись, он шагнул в свет и я смог разглядеть его лицо, отличавшееся довольно красивыми семитскими чертами: ярко выраженный нос, твердый взгляд карих глаз и шапка курчавых волос. У того, что пониже, глазки оказались маленькими, а потное лицо мясистым, к тому же он начинал лысеть. На взгляд, обоим было лет по тридцать.

– Я – сержант Маркус Айзексон, – сказал высокий, – а это мой брат, Люциус.

Низкий протянул руку и произнес с нажимом:

– *Детектив-сержант* Люциус Айзексон, доктор. – И затем чуть слышно, в сторону: – Не делай так больше. Ты же обещал.

Маркус закатил глаза и, попытавшись непринужденно нам улыбнуться, так же вполголоса бросил в сторону:

– Ну и что? Что я такого сделал?

– Не надо всем представлять меня своим братом, – настойчиво прошипел Люциус.

– Джентльмены, – сказал Крайцлер, слегка сбитый с толку этой комической перебранкой. – Позвольте представить вам моего друга, Джона Скайлера Мура. – Я пожал руки обоим братьям, после чего Крайцлер продолжил: – Уполномоченный Рузвельт крайне лестно отзывался о ваших талантах и предположил, что, возможно, вы сможете оказать некоторую помощь в моих... изысканиях, скажем так. Поскольку вы фактически работаете на стыке двух профессий, каждая из которых так или иначе затрагивает предмет моих исследований...

– Понимаю, – сказал Маркус, – криминалистика и судебная медицина.

– ... То прежде всего, позвольте поинтересоваться... – продолжил Крайцлер, но тут Маркус внезапно его перебил:

– Если вы насчет имен, доктор, то тут во всем виноваты наши родители. По приезде в Америку их так волновало, чтобы дети в школе не пали жертвой антиеврейских настроений...

– Нам еще повезло, – влез Люциус. – Нашу сестру вообще называли Корделией.

– Понимаете, – продолжал Маркус, – они учили английский по пьесам Шекспира. Я родился, когда они только начали с «Юлия Цезаря». Годом позже они его еще не дочитали, и тут на свет появился мой брат. А вот сестра задержалась на два года, им удалось продвинуться, и она угодила под «Короля Лира»...

– Я не сомневаюсь, джентльмены, что все это крайне любопытно и познавательно, – слегка ошарашенно сказал Крайцлер, поднимая бровь и награждая братьев своим характер-

ным хищным взглядом, – но вообще-то я лишь собирался поинтересоваться, что привело вас к нынешним профессиям и каким образом вы оказались на полицейской службе?

Люциус тяжело вздохнул и, закатив глаза, все так же театрально пробормотал:

– Никому нет дела до наших имен, Маркус. Я тебя предупреждал.

Маркус при этих словах почему-то заметно побагровел и решительно обратился к Крайцлеру с нарочитой серьезностью человека, в ходе собеседования вдруг осознавшего, что первое знакомство с нанимателем складывается совсем не так, как следовало бы:

– Извините нас, доктор, но и тут дело в наших родителях. Я понимаю, возможно, это не слишком интересная тема, однако мать очень хотела, чтобы я стал юристом, а мой брат... *детектив-сержант* – врачом. Но из этого ничего не вышло. В детстве мы зачитывались романами Уилки Коллинза, так что уже к колледжу твердо решили стать детективами.

– Поначалу нам оченьгодились навыки в медицине и в юриспруденции, – перехватил инициативу Люциус, – но затем так вышло, что мы устроились к Пинкертону¹². Это произошло как раз перед тем, как комиссар Рузвельт пришел в Управление, и у нас появился шанс официально устроиться в полицию. Я полагаю, вы должны быть наслышаны о его принципах подбора кадров – они несколько... необычны.

Я понял, о чем он, и позже взял на себя труд объяснить это Ласло. Теодор не только подверг деятельность всех служащих Управления, в первую очередь – офицеров и детективов, тщательной проверке, что вынудило многих от греха подальше уйти в отставку, но и принялся нанимать на работу необычных сотрудников, рассчитывая таким образом потеснить с постов клику Томаса Бёрнса и таких участковых, как «Весельчак» Уильямс и «Большой Билл» Девери. Особые надежды Теодор возлагал в этом на евреев, принимая их на службу в первую очередь – он считал их людьми исключительной честности и отваги, именуя, дословно, «маккавейскими воинами правосудия». Братья Айзексоны наглядно отражали результаты трудов Теодора, хотя и воинами их – по крайней мере, при первой встрече – язык назвать не поворачивался.

– Я так понял, – отважился сменить тему детства Люциус, – что вам необходима помощь с эксгумацией? – И он показал на операционные столы.

Крайцлер внимательно на него посмотрел.

– А почему вы решили, что именно с эксгумацией?

– Так ведь запах, доктор. Его ни с чем не спутаешь. Да и положение тел указывает на то, что их извлекли из могил, а не подобрали где-то в переулке.

Ответ Крайцлеру понравился, он даже как будто просветлел.

– Да, детектив-сержант, вы абсолютно правы. – Ласло подошел к столам и откинул покрывала.

Запах сразу многократно усилился, и его дополнил далекий от приятного вид двух маленьких скелетов. Один был наряжен в полусгнивший черный костюм, на втором красовалось ветхое, некогда белое платье. Отдельные кости по-прежнему плотно сидели в суставах, другие лежали сами по себе, на черепах виднелись остатки волос, на пальцах по-прежнему росли ногти, все они были перепачканы землей. Я собрал всю волю в кулак и вынудил себя не отворачиваться: похоже, такова моя судьба, следует понемногу приучать себя к подобным зрелищам. Но гримасы черепов, казалось, кричавших нам о неестественной смерти их несчастных маленьких владельцев, были таковы, что я долго не продержался.

Лица же братьев Айзексонов, напротив, не выразили ничего, кроме зачарованности этим видом. Маркус и Люциус подошли к столам и теперь внимали словам Ласло:

– Брат и сестра, Бенджамин и София Цвейг. Убиты. Тела были найдены...

– ... в водонапорной башне, – продолжил за него Маркус. – Три года назад. Дело до сих пор официально не закрыто.

¹² Аллен Пинкертон (1819–1884) – организатор частного сыскного агентства (1850) и секретной полицейской службы.

Это замечание также очень понравилось Крайцлеру.

– Вон там, – сказал он, показывая на небольшой белый столик с кипами документов и газетных вырезок, – вы найдете всю информацию об этом деле, которую мне удалось собрать. Я бы хотел, чтобы вы осмотрели и изучили тела. Все это довольно срочно, так что вам придется разобраться с этим до вечера. В полдвенадцатого я буду у Дельмонико – встретимся там. В обмен на полученную от вас информацию со своей стороны обещаю славный ужин.

Энтузиазм Маркуса Айзексона на мгновение сменился некоторым удивлением:

– Ужин вовсе необязателен, доктор, если это официальное задание. Хотя, разумеется, мы будем весьма признательны.

Попытка Маркуса вытянуть какую-то информацию, судя по всему, развеселила Крайцлера, и он, улыбнувшись, кивнул:

– Стало быть, до вечера.

Айзексоны немедленно погрузились в материалы дела – да так рьяно, что, похоже, не заметили, как мы их покинули. Поднявшись наверх, я надел пальто, оставленное в кабинете, и тут обратил внимание на крайне заинтригованный взгляд моего друга.

– У них, несомненно, идиосинкразия друг на друга, – сказал он, провожая меня к выходу. – Но у меня такое ощущение, что дело свое они знают. Впрочем... посмотрим. Кстати, Мур! У вас ведь есть приличный наряд на вечер?

– На вечер? – переспросил я, натягивая кепи и перчатки.

– Опера, друг мой, – торжественно провозгласил он. – Кандидат Рузвельта на должность связного будет у меня дома к семи.

– И кто же он?

– Ни малейшего представления. – Ласло пожал плечами. – Но кем бы он ни оказался, роль связного крайне ответственна. Я думаю взять этого человека с нами в оперу и посмотреть на его поведение. Это вообще очень неплохая проверка для любого, к тому же бог знает, когда нам выдастся следующая возможность так отдохнуть. Возьмем мою ложу в «Метрополитэн». Морель будет петь Риголетто. Это нам более чем подойдет.

– Разумеется, – с удовольствием согласился я. – И, кстати, насчет проверок – кто поет дочь горбуна?

Крайцлер отступил от меня с легким отвращением на лице:

– Господи, Мур, мне как-нибудь нужно будет детальнее расспросить вас о детстве. Эта ваша неодолимая сексуальная мания...

– Но я всего лишь спросил, кто поет партию дочери горбуна!

– Хорошо, хорошо! Фрэнсис Савилль, «ногастая», как вы изволите выражаться.

– Раз так, – ответил я, направляясь по ступеням к коляске Крайцлера, – приличный наряд отыщется. – С моей точки зрения, можно было взять Нелли Мелбу, Лиллиан Нордику и всех остальных смазливых четырехзвездочных примадонн «Метрополитэн» и, как выразился бы Стиви Таггарт, «снять штаны и побегать». Но поистине прекрасная девушка с приличным голосом превращала меня в покорную овцу оперной клаки. – Я буду у вас в семь, – сказал я.

– Замечательно, – нахмурился Крайцлер. – Жду не дожусь. Сайрус! Отвези мистера Мура на Вашингтон-сквер.

Все краткое путешествие назад через весь город я провел в размышлениях о необычности и вместе с тем необычайной привлекательности манеры Крайцлера вести расследование убийства – опера, ужин у Дельмонико... Увы, развлечениям предстояло немного подождать: выйдя из коляски у дверей своего дома, я обнаружил крайне взбудораженную Сару Говард.

Глава 8

Сара не обратила на мое приветствие никакого внимания.

– Это ведь коляска доктора Крайцлера, правда? – воскликнула она. – А это его человек. Мы можем их взять?

– Взять куда? – не понял я, параллельно наблюдая за своей бабушкой, внимательно и беспокойно подглядывавшей за нами из окна гостиной. – Сара, что происходит?

– Сержант Коннор и еще один человек, Кейси, сегодня утром ходили беседовать с семьей Санторелли. Вернувшись, они сообщили, что ничего выяснить не удалось, но я заметила на манжете Коннора свежую кровь. Я точно знаю, у них там что-то случилось, и я хочу выяснить, что именно.

Говоря это, она даже не смотрела на меня – знала, как я на все этоотреагирую.

– Секретарши обычно в такую глушь не забредают, не находишь? – спросил я. Сара не ответила, но у нее в глазах отразилось такое искреннее разочарование и безысходность, что я не нашел ничего лучшего, как распахнуть дверцу коляски. – Что скажешь, Сайрус? – спросил я. – Ты не против немного помочь нам с мисс Говард?

– Не против, – пожал плечами тот. – Но я должен быть в Институте к окончанию собеседований.

– Будешь. Забирайся, Сара, и, кстати, познакомься с мистером Сайрусом Монтроузом.

Настроение Сары из свирепого в мгновение ока сделалось цветуще-счастливым – обычная для нее трансформация.

– Бывают минуты, Джон, – сказала она, устраиваясь в салоне, – когда я всерьез думаю, что все эти годы жестоко ошибалась в тебе.

Она энергично потрясла протянутую для рукопожатия лапу Сайруса и уселась рядом со мной, заботливо накинув нам на ноги теплый полог. Крикнув Сайрусу адрес где-то на Мотт-стрит, она довольно хлопнула в ладоши, и коляска тронулась.

Немного найдется в Нью-Йорке женщин, способных вот так вот запросто и с удовольствием, будто на увеселительную прогулку, отправиться в одну из самых страшных и отвратительных дыр Нижнего Ист-Сайда. Но авантюрный дух Сары всегда одерживал верх над благоразумием. К тому же она была знакома с районом, который нам предстояло посетить: едва она окончила колледж, ее отцу пришла в голову идея дополнить свежеприобретенное образование дочери незаменимым опытом жизни в местах, отличных от Райнклиффа (где располагался особняк Говардов) и Грамерси-парка. Так что она быстренько облачилась в белую накрахмаленную блузу, унылую черную юбку и совершенно немыслимое канотье, в каковом наряде провела целое лето, помогая приходящей медсестре на Десятом участке. За это время насмотрелась она всякого – по крайней мере, что Нижний Ист-Сайд может предложить человеку, она теперь знала. Но того, что нам предстояло узреть сегодня, ей прежде видеть не доводилось.

Санторелли жили в дворовых трущобах, в паре кварталов от Канал-стрит. Трущобы эти были официально объявлены вне закона еще в 1894-м, но уложение не имело обратного хода, и многие здания прекрасно досуществовали до наших дней с минимальными усовершенствованиями. Достаточно было сказать, что парадный корпус потемнел от времени, был весь изъеден гнилью и наводил ужас. Лачуги за ним (обычное явление в трущобах), занимавшие весь двор и не допускавшие в квартал ни света, ни воздуха, выглядели еще страшнее. Внешне здание мало чем отличалось от сотен ему подобных по всему городу. Остановившись перед ним, мы увидели вездесущие бочки, наполненные пеплом и гниющими отходами. Они украшали парадную лестницу, всю в потеках мочи. Возле околачивалась группа немытых мужчин в тряпье и обносках, совершенно неотличимых друг от друга. Они пили и смеялись, но, увидев нашу коляску и Сайруса на облучке, замолчали. Мы с Сарой сошли на мостовую.

– Не отходи далеко, Сайрус, – сказал я, стараясь скрыть дрожь.

– Конечно, мистер Мур, – ответил он, поглаживая рукоятку бича. Другой рукой он залез в карман шинели. – Может, вам следует взять с собой вот это? – Он протянул мне пару медных кастетов.

– Хм... – проворчал я, изучая их. – Не думаю, что это необходимо. – Но затем я оставил притворство. – Все равно я не умею с ними обращаться.

– Скорее, Джон, – бросила Сара, и мы ступили на лестницу.

– Эй, слышь? – Один из этого сброда ухватил меня за рукав. – А ты в курсе, что у тебя на козлах настоящий сапог?

– Быть того не может, – ответил я, аккуратно проводя Сару сквозь чуть ли не глазом заметную вонь, исходящую от немых тел оборванцев.

– Натуральный сапог, черный, как задница ниггера! – нарочито изумился другой бродяга.

– Удивительно, – поразился я вместе с ним, с облегчением констатируя, что Сара уже внутри. Перед тем как я устремился за ней, человек снова схватил меня за рукав.

– Слышь, а ты часом не очередной фараон, а? – спросил он с угрозой.

– Исключено, – ответил я. – Фараонов с детства презираю.

Бродяга молча кивнул. Насколько я понял, мне было позволено войти.

Чтобы попасть на задворки, необходимо было сперва миновать угольно-черную тьму коридора парадного корпуса: то еще приключение. Сара шла первой, мы оба старались не касаться загаженных стен, но к отсутствию света привыкнуть не удалось. Я вздрогнул, когда Сара обо что-то запнулась; а еще сильнее меня затрясло, когда это что-то взвыло.

– Господи, Джон, – внезапно сказала Сара, – это же младенец.

Я по-прежнему ни черта не видел, но зато почувствовал запах – действительно, младенец, несчастное забытое существо, наверняка барахтавшееся в собственных экскрементах.

– Мы должны помочь ему, – решительно сказала Сара. При этом я в первую очередь подумал о бродягах на лестнице и даже обернулся. Против падающего снега в проеме виднелись их смутные силуэты – они помахивали дубинками и очень неприятно посмеивались. Вряд ли от них можно было дожидаться хоть какой-то помощи, так что я стал проверять все двери в коридоре. Одна оказалась незапертой, я немедленно впихнул внутрь Сару и ввалился следом сам.

Там обнаружили двое: старик и женщина неопределенного возраста. Старьевщики. Они согласились позаботиться о ребенке за полдоллара. Сказали, что младенец принадлежит парочке, которой сейчас нет дома, поскольку обычно они проводят дни и ночи, «втыкаясь морфием и киряя в обжорке за углом». Старик заверил нас, что они с женщиной обязательно поищут, чем накормить несчастного младенца, а заодно и во что его переодеть, – после чего Сара наградила его еще одним долларом. Никто из нас не питал иллюзий относительно качества пищи и чистоты пеленок, ожидавших дитя, равно как и долгой заботы мы не ожидали, но выбор у нас был не слишком велик. Обычное дело в Нью-Йорке – или так, или никак. Наверное, мы просто успокаивали свою совесть.

Уладив закавыку с младенцем, мы наконец добрались до черного хода. Проулок между первым корпусом и вторым был просто загроможден баками, бочками, ведерками и бадейками с мусором и нечистотами, а смердело здесь ужасающе. Сара закрыл нос платком и предложила мне сделать то же самое. Стараясь дышать пореже, мы отыскивали вестибюль заднего корпуса. На первом этаже располагались четыре квартиры, где, по первому впечатлению, проживало чудовищное количество народу. Я было попробовал понять, на каком языке они разговаривают между собой, но на восьмом по счету наречии сбился. Ароматная компания германских иммигрантов расположилась с кувшинами пива на лестнице и с видимой неохотой освободила нам дорогу вверх. Даже при этом скудном освещении было заметно, что лестница вымазана

чуть ли не в дюйм толщиной чем-то настолько липким и отвратительным, что у меня пропала всякая охота гадать, что это может быть. Хотя германцев вещество, похоже, не смущало.

Квартира Санторелли находилась на втором этаже в самом хвосте коридора: самое темное место во всем здании. На стук нам открыла маленькая, кошмарно худая женщина с ввалившимися глазами – она говорила на сицилийском диалекте. Мое знание итальянского ограничивалось оперой, но Сара знала его неплохо – опять-таки благодаря своей сестринской практике, – так что общий язык мы нашли быстро. Миссис Санторелли вовсе не удивило появление Сары (напротив, мне показалось, она ее ожидала), но мое присутствие ее сильно обеспокоило – она боязливо осведомилась, полицейский я или репортер. Сара, быстро сообразив что к чему, представила меня как своего «ассистента». Миссис Санторелли озадаченно посмотрела сначала на нее, потом на меня, но в результате согласилась впустить нас.

– Сара, – спросил я, когда мы вошли, – ты ее знаешь?

– Нет, но вот она меня, похоже, знает. Странно.

Квартира состояла из двух комнат без окон – их роль играли узкие щели, проделанные в стенах согласно недавним постановлениям о должной вентиляции многоквартирных домов. Санторелли сдавали вторую комнату еще одной сицилийской семье, в результате чего сами вшестером – с отцом, а также четырьмя братьями и сестрами Джорджио – ютились в камерке девять на шестнадцать футов. Закопченные стены ничто не украшало, а два больших ведра по углам предоставляли санитарные удобства. Семейство также владело керосиновой печкой – недорогой разновидности, из тех, что зачастую и кладут конец всем подобным строениям.

На старом грязном матрасе, укутанный во все тряпье, какое только нашлось в квартире, стонала главная причина волнения миссис Санторелли – ее муж. Черт лица было невозможно разобрать из-за многочисленных порезов, кровоподтеков и синяков, лоб блестел испариной. Рядом с его головой валялись окровавленная тряпка и, что казалось вовсе неуместным, – перевязанная пачка денег, на глаз, – несколько сотен долларов. Миссис Санторелли взяла пачку, сунула ее Саре и подтолкнула мою приятельницу к мужу. По высохшему лицу женщины катились слезы.

Так мы вскоре обнаружили причину странного поведения женщины: она решила, что Сара – медсестра. Часом раньше она отправляла своих четырех детей за помощью. Сара вновь проявила чудеса сообразительности и без лишних вопросов занялась несчастным мужем – у того обнаружилась сломанная рука, а все тело покрывали кровоподтеки.

– Джон, – твердо сказала Сара, – отправь Сайруса за бинтами, антисептиками и морфием. И скажи ему, что нам понадобится хороший чистый кусок дерева для шины.

В одно мгновение я выскочил из двери, пронесся мимо ворчавших германцев, пролетел через вонючий проулок и оказался на парадном крыльце первого корпуса. Сайрусу я прокричал распоряжение Сары, тот мгновенно пустил мерина в галоп, но мне на обратном пути один из бродяг грубо преградил дорогу толчком в грудь.

– Погодь минутку, – сказал он. – Зачем тебе все это барахло?

– Мистер Санторелли, – ответил я. – Он тяжело ранен.

Бродяга жестко сплюнул на мостовую.

– Чертовы фараоны! Я тебе так скажу, парень: макаронников я ненавижу, но чертовых фараонов ненавижу еще больше!

Рефрен вновь означал, что путь свободен. Наверху Сара уже успела где-то добыть теплой воды и к тому времени, когда я вернулся, промывала раны мужу Санторелли. Жена по-прежнему невнятно причитала, вскидывая руки к небу и периодически заходясь в плаче.

– Здесь были шесть человек, Джон, – сказала мне Сара, послушав ее несколько минут.

– Шесть? – спросил я. – Ты вроде раньше говорила о двух?

Сара кивком указала на кровать:

– Давай-ка ты мне поможешь немного, а то она опять начнет что-то подозревать.

Присаживаясь, я подумал: неизвестно, что пахнет хуже, грязный матрас или сам мистер Санторелли. Но Сару, похоже, ничего не беспокоило.

– Сюда точно приходили Коннор и Кейси, – сказала она. – Но кроме них, присутствовали еще два человека. И два священника.

– Священники? – переспросил я, забирая у нее горячий компресс. – Какого черта?..

– Один католический, один – неизвестно какой. Она определить затруднилась. Священники принесли деньги. Сказали, что это на похороны Джорджо. Остаток – этого они не сказали, но подразумевали – за молчание. Еще они распорядились не давать согласие на эксгумацию тела, даже если этого потребует полиция, и ни с кем об убийстве не разговаривать, особенно с журналистами.

– *Священники?* – спросил я снова, без особого рвения промакивая одну из ран Санторелли. – И как же они выглядели?

Сара перевела жене мой вопрос, выслушала и ответила:

– Один низкого роста, с большими седыми бакенбардами – это католик. Второй – худой и в очках.

– Во имя всего святого, что здесь делать священникам? – не унимался я. – И зачем им понадобилось не подпускать полицию? Ты же сказала, что Коннор и Кейси пришли сюда просто поговорить?

– Предположительно.

– В таком случае, что бы тут ни произошло, они в этом замешаны. Отлично. Теодора эта новость порадует. Готов поспорить, скоро в Управлении появится пара свежих вакансий на местах детективов. Но кем были оставшиеся двое?

Сара вновь перевела мой вопрос миссис Санторелли, которая в ответ затараторила так оживленно, что Сара ничего толком не поняла. Она спросила еще раз, но ясности не прибавилось.

– Видимо, я все же не настолько хорошо понимаю этот диалект, как считала раньше, – сказала в итоге Сара. – Она говорит, что оставшиеся двое *не были* полицейскими, но в то же время утверждает, что они *были* полицейскими. Я ничего не...

В этот момент в дверь громко постучали. Сара осеклась и мы все уставились на дверь. Миссис Санторелли шарахнулась прочь, я тоже не рвался в бой, однако Сара меня пристыдила:

– Да ладно, Джон, не глупи, это наверняка Сайрус.

Я подошел к двери и открыл ее. Снаружи стоял один из бродяг с крыльца. Он держал в руках сверток.

– Ваши лекарства, – ухмыльнулся он. – Сапогов мы вовнутрь не пускаем, так что...

– Ага, – многозначительно произнес я, принимая сверток. – Понимаю. Благодарю вас.

Отдав посылку Саре, я снова присел на кровать. Санторелли к тому времени почти впал в беспамятство, и Сара сделала ему инъекцию морфия – она собиралась уложить его руку в импровизированный лубок, этому фокусу она тоже научилась на своей медицинской практике. Перелом, по ее словам, был не так уж плох, несмотря на тошнотворный хруст, раздавшийся, когда она вправляла кость на место. Хотя Санторелли вряд ли что-то почувствовал – наркотик явно сделал свое дело. А вот жена его невольно вскрикнула и принялась, похоже, молиться. Я принялся дезинфицировать оставшиеся раны, пока Сара продолжила беседу с миссис Санторелли.

– Если я все правильно поняла, – продолжила Сара, – он пришел в ярость. Швырнул деньги в лица священникам и заявил, что будет требовать от полиции расследования убийства своего сына. Святые отцы на этом помещение покинули и...

– Понятно, – сказал я. – «И».

Я был прекрасно осведомлен о методах полицейских-ирландцев, применяемых к несговорчивым гражданам Соединенных Штатов из числа не говорящих по-английски. Передо мной к тому же лежал яркий тому пример. Сара покачала головой.

– Все это очень странно, – вздохнула она, принимаясь бинтовать страшные раны Санторелли. – Он ведь практически дал им себя убить. А между тем он не видел Джорджио четыре года. Мальчик жил на улице.

Сара окончательно завоевала доверие миссис Санторелли своими медицинскими навыками, поскольку та стала рассказывать нам историю ее сына Джорджио, и остановить ее рассказ было невозможно. Впрочем, мы и не пытались – мы продолжали трудиться над ранами мистера Санторелли, и со стороны должно было казаться, что мы безмерно увлечены этим занятием. Но между тем, мысли наши были целиком поглощены удивительной историей жизни бедного Джорджио.

Поначалу тот рос, пожалуй, излишне робким мальчиком, но вместе с тем – достаточно умным и сообразительным, чтобы без проблем учиться в бесплатной школе на Хестер-стрит и даже приносить домой хорошие отметки. Но лет с семи у него не заладилось с другими мальчиками в школе. Старшие ученики заставляли его участвовать в неких «непристойностях» – о них миссис Санторелли сперва предпочла не распространяться. Сара, однако, настояла на подробностях, почувствовав, что это может оказаться важно. Миссис Санторелли неохотно пояснила, что «непристойности» заключались в содомии, как оральной, так и анальной разновидностей. За этим занятием их как-то застал учитель и сообщил родителям. Хотя средиземноморское представление о маскулинности весьма широко, отец Джорджио едва не сошел с ума от этого известия и принялся регулярно избивать сына. Миссис Санторелли показала нам, как это было: он привязывал Джорджио за руки лицом к входной двери и безжалостно сек широким ремнем, который она тоже продемонстрировала. Инструмент и впрямь был угрожающий, а в руках Санторелли-старшего сие орудие обрело настолько разрушительную силу, что Джорджио стал все чаще прогуливать школу – хотя бы из-за того, что ему было больно сидеть.

Самое загадочное: мальчик отнюдь не стал покладистым, напротив – всякий раз после очередной порки проявлял все большее упрямство. После нескольких месяцев экзекуций его поведение совершенно вышло из-под контроля: он уже почти не являлся домой ночевать, а школу забросил полностью. Однажды родители увидели его к западу от Вашингтон-сквер, на улице – накрашенным, как женщина, и торгующим собой, подобно прочим гулящим особам. Санторелли подошел к нему и, глядя прямо в лицо, заявил, что если тот вздумает вернуться домой, он его приберет. В ответ Джорджио начал мерзко ругаться, и отец уже было приготовился исполнить свою угрозу не сходя с места, но тут появился какой-то человек – скорее всего, сутенер Джорджио – и посоветовал Санторелли быстренько куда-нибудь исчезнуть. Тогда-то они последний раз и видели своего сына – за исключением визита в морг, где их глазам предстало ни на что не похожее тело.

Рассказ породил у меня массу вопросов, причем, у Сары тоже наверняка было что спросить, но получить ответы нам было не суждено. Как только мы снова завернули Санторелли в его драные одеяла, в дверь ожесточенно загрохотали. Я решил было, что это бродяги с крыльца, и открыл им. Но вместо оборванцев в квартиру молниеносно ввалились два усатых головореза в костюмах и котелках. Один их вид вверг миссис Санторелли в истерику.

– А вы еще кто такие, а? – спросил один из бандитов.

Первой нашлась Сара – начала невозмутимо объяснять, что она медсестра, – но вот в моем «ассистентстве», похоже, было возможно убедить лишь несчастную, с трудом говорящую по-английски женщину, но никак не двух громил.

– Ассистент, ага? – сказал один, после чего оба одновременно двинулись ко мне. Мы с Сарой попятились к выходу. – Чертовски шикарный для ассистента экипаж стоит снаружи.

– Ценю ваше мнение, господа, – ответил я, старательно улыбаясь, затем схватил Сару за руку и мы стремглав кинулись вниз по лестнице. Никогда прежде я не благодарил господа за то, что он даровал этой девушке атлетическое сложение: даже в юбке она бежала куда быстрее наших преследователей. Хотя это, в конечном счете, нам так и не помогло – в коридоре первого корпуса мы увидели оборванцев с крыльца, преграждавших нам путь к отступлению. Мало того, они направились прямо к нам, поигрывая самодельными дубинками.

– Джон, – сказала Сара, – они что, на самом деле хотят поймать нас? – Ее голос, насколько я помню, звучал чертовски ровно, что в данных обстоятельствах меня даже разозлило.

– Разумеется, дорогая моя, они хотят нас поймать! – ответил я, тяжело дыша. – Спасибо тебе и твоим детективным играм – теперь нас скорее всего просто забьют до смерти. Сайрус! – взревел я, поднеся ладони рупором ко рту, когда бродяги двинулись к нам. – Сайрус! Куда же, черт возьми, он подевался?

Руки мои опустились в безысходности, а Сара, не проронив ни слова, лишь крепче вцепилась в свою сумочку. И когда оба громалы в котелках появились в коридоре за нашими спинами, очевидно обрекая нас на гибель, она запустила внутрь руку.

– Не волнуйся, Джон, – уверенно сказала она. – Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь произошло. С этими словами она извлекла из ридикюля огромный армейский «кольт» 45-го калибра с четырех-с-половиной дюймовым стволом и перламутровыми накладками. Мне была знакома эта вещица – Сара увлекалась огнестрельным оружием. Но спокойнее от этого мне вовсе не стало.

– Господи боже, – вымолвил я в полном ужасе. – Сара, нельзя просто взять и разрядить револьвер в коридор, там же не видно ни зги, еще неизвестно, в кого ты попадешь.

– Надо полагать, у тебя есть более толковое предложение? – ответила она, оглядываясь по сторонам и понимая, что я все-таки прав, и от оружия в таких потемках проку будет совсем немного.

– Ну, я...

Но на разговоры времени у нас не осталось. Оборванцы у выхода взвыли и бросились в атаку. Я схватил Сару и прижал ее к стене, прикрывая собственным телом и тихо надеясь, что у нее достанет ума не выстрелить с перепугу мне в живот.

Удивление мое не знало границ, когда я осознал, что атака завершилась, так и не начавшись. Бродяги просто смели нас с пути и яростно ринулись навстречу громалам. У тех не было ни малейшего шанса: какое-то время до нас доносились звуки борьбы, крики и удары, после чего коридор вдруг разом наполнился тяжелым дыханием и невнятными стонами. Мы с Сарой поспешили прочь из здания и спустились с крыльца к коляске, где все это время нас дожидался Сайрус.

– Сайрус! – возмущенно воскликнул я. – Ты что, так и не понял, что нас чуть не убили в этой проклятой дыре?

– Нет, мистер Мур, не понял, – ответил он с прежним непоколебимым спокойствием. – Судя по тому, что говорили эти люди с дубинками, вам вряд ли угрожала какая-то опасность.

– Это что же они говорили? – возопил я, выходя из себя от его равнодушия.

Не успел он ответить, как из дверей вылетели одно за другим тела громил и тяжело рухнули на заснеженную мостовую. Следом вылетели их котелки. Бандиты были без сознания, и по сравнению с их общим состоянием мистер Санторелли мог показаться образцом здоровья. Наши друзья с дубинками победоносно вышли из дверей, хотя, судя по виду некоторых, им тоже изрядно досталось. Тот, который заговаривал со мной раньше, посмотрел в нашу сторону и, выдохнув облако пара, с усмешкой произнес:

– Я, может, и ненавижу сучьих нигтеров, но, черт меня раздери, фараонов я просто терпеть не могу!

– Вот об этом, – промурлыкал Сайрус, – они и говорили.

Я оглядел тела громил на снегу.

– Фараоны? – спросил я у человека с крыльца.

– Бывшие, – ответил он, подойдя ко мне. – Раньше были патрульными в этом районе. Наглости им не занимать, коль решили в такой дом заявиться.

Я кивнул, по-прежнему глядя на безжизненные тела, и жестом поблагодарил этого человека.

– Ваша честь, – ответил он, – вообще-то от такой работенки адская жара приключается.

Я достал из кармана какую-то мелочь и кинул ему. Он попытался схватить монеты на лету, но промахнулся, и его дружки бросились подбирать их с земли. Вскоре они уже вцепились друг другу в глотки. Мы с Сарой поспешили забраться в коляску, и спустя несколько минут Сайрус уже вез нас по Бродвею.

Сара пребывала в великолепном настроении – то и дело вспоминала мельчайшие опасности нашего приключения, восторженно размахивая руками. Я улыбался и кивал ей в ответ, довольный тем, что ей удалось применить себя и все в итоге завершилось благополучно, но мысли мои были далеки. Мне все не давали покоя слова миссис Санторелли, и я пытался представить, как бы истолковал их на моем месте Крайцлер. Какая-то деталь в ее рассказе о юном Джорджио насторожила меня, было там что-то общее с детьми Ласло из водонапорной башни, что-то настолько же неуловимое, насколько и важное – и в результате я все-таки понял, что именно! Поведение. Рассказывая о несчастных детях, Крайцлер подчеркнул их крайнюю непоседливость, представив их чуть ли не позором своей семьи. И вот буквально полчаса назад я услышал такую же характеристику еще одного ребенка. И все трое, согласно гипотезе Крайцлера, встретили смерть от рук одного и того же человека. Сходство ли характера повлекло за собой их смерть или это просто совпадение? Возможно, последнее. Но я был почти уверен, что Крайцлер его таковым не сочтет...

Погрузившись в раздумья, я пропустил мимо ушей вопрос Сары – причем вопрос этот был, мягко говоря, из разряда ошеломляющих. Она повторила, и это оказалось чересчур даже для моего озадаченного совпадениями рассудка. С другой стороны, в тот день мы много чего пережили, и я просто не имел права разочаровывать ее.

Глава 9

Я добрался до дома Крайцлера № 283 по Восточной 17-й улице на несколько минут раньше, чем следовало. В белом галстуке, накидке и вовсе не уверенный в правильности нашего с Сарой сговора, которому сейчас предстояло осуществиться. Кругом лежал снег толщиной уже в несколько дюймов, он укрывал мягким сверкающим серебром голый кустарник и металлические прутья ограды Стайвесант-парка через дорогу от дома Ласло. Распахнув калитку, я вошел в маленький дворик перед домом и, поднявшись на крыльцо, аккуратно постучал в дверь бронзовым молоточком. Двустворчатые окна гостиной этажом выше были приотворены, и я услышал, как Сайрус играет на пианино «*Pari siamo*» из «Риголетто» – Крайцлер уже готовил слух к музыкальному вечеру.

Дверь открылась, и я оказался лицом к лицу с кокетливой фигуркой в униформе – Мэри Палмер, горничной и домоправительницей Ласло. Ею заканчивался список бывших пациентов, служивших в доме Крайцлера, и она так же, как и остальные, всегда вызывала неловкость у всякого визитера, знакомого с ее историей. Сложена она была прекрасно, ее лицо тоже отличалось изысканной красотой, впечатление дополняли небесно-голубые глаза, но с рождения Мэри была признана идиоткой. Она не могла нормально разговаривать, слова и слоги у нее во рту никак не хотели складываться в членораздельную речь, поэтому ее так и не выучили ни читать, ни писать. Ее мать с отцом – уважаемым директором одной Бруклинской школы – смогли научить ее лишь исполнять несложную работу по дому. Относились они к ней вполне пристойно, пока однажды в 1884 году, когда ей исполнилось семнадцать, в то время, как остальные члены семьи пребывали в отлучке, Мэри не приковала своего отца к бронзовой спинке его же кровати и не подожгла дом. Отец скончался в страшных мучениях. Поскольку разумных объяснений поступку девушки просто не существовало, Мэри Палмер была признана сумасшедшей и направлена в психиатрическую клинику острова Блэкуэллз.

Там ее и обнаружил Крайцлер, время от времени консультировавший клинику, ставшую его первым местом работы. Ласло был поражен тем, что у Мэри отсутствовало большинство симптомов, свойственных *dementia praecox* – раннему слабоумию, кое, по его убеждению, одно составляло подлинное сумасшествие. (Ласло непременно поправил бы меня, дескать сейчас этот термин полностью вытеснен наименованием «шизофрения», введенным в обиход доктором Юджином Блёлером»; насколько я понял из объяснений Крайцлера, это слово обозначало патологическую неспособность пациента адекватно воспринимать окружающую действительность, равно как и контактировать с оной.) Крайцлер попытался установить некое подобие контакта с девушкой и вскоре обнаружил, что та страдает классической моторной афазией, осложненной аграфией: она могла понимать слова и строить ясные умозаключения, но та часть ее мозга, что отвечала за речь и письменность, была сильно повреждена. Как и большинство подобных пациентов, Мэри прекрасно осознавала свою ущербность, но сказать окружающим, что она это понимает (равно как и все остальное), не умела. Крайцлер смог общаться с девушкой, задавая простые вопросы, на которые не требовалось развернутых ответов, – в большинстве случаев Мэри просто отвечала «да» или «нет», – а кроме того, ему удалось научить свою пациентку элементарному письму, насколько, разумеется, позволяло ее состояние. Через несколько недель напряженного труда Ласло докопался до страшной тайны Мэри Палмер: ее собственный отец много лет насиловал ее, но она, разумеется, никому не могла открыть этого обстоятельства.

Крайцлер немедленно потребовал официального пересмотра дела, и в результате Мэри освободили. После чего ей удалось внушить Ласло идею, что из нее может выйти прекрасная служанка. Понимая, что у несчастной девушки крайне мало шансов на независимую жизнь, Крайцлер согласился. Теперь Мэри не только управлялась у него по хозяйству, но и ревностно

охраняла дом. Эффект ее присутствия в сочетании с наличием в доме Сайруса Монтроуза и Стиви Таггерта заставлял меня нервничать всякий раз, когда мне приходилось посещать элегантный особняк на 17-й улице. Несмотря на прекрасную коллекцию предметов современного и классического искусства, великолепную французскую мебель и рояль, из которого Сайрус постоянно извлекал весьма приятные мелодии, я никак не мог отделаться от ощущения, что окружен сплошь ворами и убийцами, причем у каждого имелись прекрасные оправдания для собственных действий, однако никто из них не производил впечатления, что когда-либо впредь потерпит сомнительное поведение от кого бы то ни было.

– Здравствуй, Мэри, – сказал я, вручая ей накидку. В ответ она сделала легкий книксен и усталилась в пол. – Я сегодня рано. Доктор Крайцлер уже оделся?

– Нет, сэр, – ответила она с видимым усилием. На ее лице отразились одновременно облегчение и разочарование – так бывало обычно, если слова выходили правильно: облегчение от того, что ей что-то сказать удалось, разочарование – от неспособности сказать больше. Она указала мне рукой в пышно-голубом рукаве на лестницу и разместила мою накидку на вешалке неподалеку.

– В таком случае я, пожалуй, пойду чего-нибудь выпью и послушаю замечательное пение Сайруса, – сказал я.

Перескакивая через ступеньки, я взлетел вверх по лестнице и оказался в гостиной. Сайрус, увидев меня, учтиво кивнул, не прекращая петь. Подойдя к жарко горевшему камину, я торопливо снял с мраморной полки серебряный портсигар. Достав оттуда дорогую сигарету с великолепной смесью виргинского и русского табаков, я извлек из маленькой серебряной шкатулки, стоявшей здесь же, спичку и закурил.

Крайцлер спустился в гостиную по другой лестнице. На нем также был белый галстук и безупречно сшитый фрак.

– Человек Рузвельта еще не появлялся? – спросил он, когда в гостиную вошла Мэри с серебряным подносом в руках. На нем красовались четыре унции севрюжьей игры, несколько тончайших тостов, запотевшая от холода бутылка водки и несколько хрустальных стопок: такую достойную восхищения привычку Крайцлер приобрел, съездив в Санкт-Петербург.

– Нет, – ответил я, гася сигарету и атакуя поднос.

– Жаль. Мне бы хотелось пунктуальности от всех участников операции, – объявил Ласло, глянув на часы. – И если в данном случае... – В этот момент у входной двери на первом этаже несколько раз брякнул молоток, после чего из холла донесся шум. Крайцлер кивнул. – Да, это хороший знак. Сайрус, пожалуйста, что-нибудь повеселее. *«Di provenza il mar»* вполне подойдет.

Сайрус немедленно внял пожеланиям хозяина – из-под рук его полились нежные аккорды мелодии Верди. Я успел одним махом проглотить свою порцию икры, и тут в гостиную снова вошла Мэри. Вид у нее был несколько растерянный, даже взбудораженный – она попыталась, но так и не смогла представить нашего гостя. В результате лишь сделала очередной книксен и поспешно скрылась в дверном проеме, уводившем в заднюю часть дома. На ее месте не замедлила появиться фигура, вступившая с темной лестницы в ярко освещенную гостиную. Сара.

– Добрый вечер, доктор Крайцлер, – сказала она. Складки ее изумрудно-голубого, как у павлина, платья прошелестели. Ее появление захватило Крайцлера врасплох.

– Мисс Говард, – произнес он несколько озадаченно, хотя по выражению глаз было заметно, что гостя ему по душе. – Какой приятный сюрприз. Вы привели нашего связного? – Последовала долгая пауза. Крайцлер перевел взгляд с Сары на меня, затем посмотрел на нее снова. Выражение лица его не изменилось, и он кивнул. – А. Понимаю. Вы и есть наш связной – верно?

Какое-то мгновение Сара выглядела неуверенной в себе.

– Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я просто выпросила у комиссара это назначение. Мы тщательно все обсудили.

– Я присутствовал при этом, – быстро добавил я, впрочем, также с неуверенностью. – А когда вы услышите историю, приключившуюся с нами сегодня, дорогой Крайцлер, вы без сомнений признаете, что Сара – человек, нам подходящий идеально.

– В этом есть практический смысл, доктор, – добавила Сара. – Никто не следит ни за мной, ни за моими делами на Малберри-стрит, так что мое отсутствие вряд ли сможет стать поводом для чьего-то любопытства. Не так уж много людей в Управлении, которые смогли бы похвастаться тем же. Кроме того, я неплохо разбираюсь в криминалистике и у меня есть определенные связи и опыт, которых нет ни у вас, ни у Джона. Вы сможете убедиться на примере сегодняшнего дня...

– Похоже, я пропустил что-то крайне выдающееся, – двусмысленно произнес Крайцлер.

– В конце концов, – продолжила Сара, запнувшись от невозмутимости Ласло, – в случае неприятностей... – она быстро достала из огромной муфты, которую носила на левой руке, маленький «дерринджер» и направила его в камин, – ... вы обнаружите, что я стреляю лучше Джона. – Я поспешно отступил с линии огня, что вызвало у Крайцлера очередной ехидный смешок. Сара, похоже, решила, что смеются над ней, но сдержалась. – Уверяю вас, доктор, я более чем серьезна. Мой отец был великолепным стрелком. Мать, к сожалению, была инвалидом, а ни братьев, ни сестер у меня нет. Так что мне просто было предначертано стать единственным охотничьим партнером отца.

Все это была чистейшая правда. Стивен Гамильтон Говард прожил жизнь настоящим сельским сквайром в своем поместье неподалеку от Райнбека и все это время учил свою единственную девочку ездить верхом, стрелять, играть в карты и хлестать виски наравне с любым из джентльменов долины Гудзона – и теперь Сара действительно все это умела, причем явно получше любого джентльмена. Она помахала своим крохотным пистолетиком:

– Большинство людей считают «дерринджер» слабым оружием, однако этот экземпляр стреляет пулями сорок пятого калибра. К примеру, если ваш человек за пианино внезапно поймает пулю из «дерринджера», он вылетит через окно.

Крайцлер живо повернулся к Сайрусу, словно рассчитывая, что пианиста встревожит последнее замечание, однако тот не прервал *«Di provenza il mar»* ни на секунду, что было отмечено и запомнено его хозяином.

– Не то чтобы я предпочитала такое оружие, – закончила Сара, пряча пистолет в муфту, – но... – Она сделала глубокий вдох, и в результате миру явились несколько дюймов волнующих тайн, скрывавшихся за глубоким вырезом ее платья. – Мы ведь идем в оперу?

Она коснулась изумрудного ожерелья, висевшего у нее на шее, и впервые улыбнулась. «Настоящая Сара», – подумал я и залпом проглотил стопку водки.

Тут случилась еще одна пауза, в которую Крайцлер и Сара очень внимательно разглядели друг друга. Впрочем, Ласло тотчас отвел взгляд, обернувшись своим привычным неистовым «я».

– А как же, – сказал он. – Конечно, идем. И если мы не поторопимся, то рискуем пропустить *«Questa o quella»*. Скажи мне, Сайрус, ты не знаешь, Стиви уже заложил наше ландо? – В ответ гигант поднялся из-за пианино и направился к лестнице, но Крайцлер перехватил его. – Кстати, Сайрус. Хочу тебя познакомить с мисс Говард.

– Да, сэр доктор. Мы уже встречались.

– Ах, надо же. В таком случае для тебя не станет открытием то обстоятельство, что она будет работать вместе с нами?

– Нет, сэр, – ответил Сайрус и легко поклонился Саре. – Мисс Говард, – добавил он. Та с улыбкой кивнула, после чего Сайрус продолжил свой путь к лестнице.

– Так. Значит, Сайрус тоже в этом замешан, – сказал Крайцлер, пока Сара быстро, но изящно допивала водку. – Должен признаться, мое любопытство уязвлено. В дороге вам придется рассказать мне об этой вашей загадочной экспедиции... кстати, где именно вы побывали?

– У Санторелли, – ответил я, подбирая остатки икры и отправляя их к себе в рот. – И вернулись, нагруженные ценными сведениями.

– У Санто... – Крайцлер искренне поразился, отчего сделался вдруг невыносимо серьезен. – Но... как? Почему? Вы обязаны рассказать мне все, слышите, *все* – именно в деталях все ключи и разгадки.

Сара и Ласло обогнали меня на пути к лестнице, непринужденно болтая, словно такого поворота событий и следовало ожидать. Я обрадовался этому обстоятельству, ибо не мог с уверенностью предположить, как Крайцлер отнесется к предложению Сары. Взяв еще одну сигарету, прикурить, однако, я не успел – на этот раз меня обескуражило неожиданное появление Мэри Палмер: ее лицо возникло в щели приоткрытой двери в столовую. Огромные прекрасные глаза испуганно оглядывали Сару, а все тело девушки, кажется, сотрясала легкая дрожь.

– Многое, – прошептал я ей обнадеживающе, – из происходящего сейчас, Мэри, может показаться довольно необычным. В обозримом будущем.

Она, похоже, не обратила на мой шепот внимания – только пискнула и убежала назад в столовую.

Снаружи все еще шел снег. Нас ожидал больший из двух экипажей Крайцлера – бордовое ландо с черной отделкой. Стиви Таггерт запряг в него Фредерика и еще одну лошадь. Сара накинула на себя капюшон, прошла через дворик и благосклонно позволила Сайрусу помочь ей забраться в салон. Крайцлер задержал меня у выхода.

– Экстраординарная женщина, Мур, – прошептал он без тени романтики.

Я кивнул и пробормотал в ответ:

– Просто не спорьте с ней. У нее нервы – как натянутые фортепьянные струны.

– Это заметно. Отец, о котором она говорила, – он умер?

– Несчастный случай на охоте. Три года назад. После этого она провела некоторое время в санатории. – Я не знал, стоит ли в данном случае рассказывать все, но сознавал, что обрисовать ситуацию в общих чертах будет невинно. – Люди поговаривали, что он покончил с собой, но она это отрицает. Горячо отрицает. И вот об этом с ней заговаривать совсем не обязательно.

Крайцлер кивнул, не сводя глаз с Сары и натягивая перчатки.

– Женщина с таким темпераментом, – сказал он, когда мы направились к экипажу, – вряд ли обречена на счастье в нашем обществе. Но ее способности несомненны.

Мы устроились в салоне, и Сара начала свое горячее повествование о нашем знакомстве с миссис Санторелли. Пока мы ехали через тихие заснеженные улицы южнее Грамерси-парка к Бродвею, Крайцлер слушал молча – его возбуждение выдавали только руки, непрерывно пребывавшие в нервическом движении. Но когда мы приблизились к Геральд-сквер, где звуки человеческих голосов уже окрепли и без помех разносились вокруг станции надземной дороги, Ласло переполняли самые разнообразные вопросы. В первую очередь его любопытство возбудил странный рассказ о двух бывших полицейских и двух священниках, явившихся в компании пары детективов Рузвельта. Еще больше его заинтересовал (как я и предполагал) сексуальный аспект скверного поведения Джорджио и характер мальчика.

– Первое, что нам следует знать о нашем хищнике, – это подробности относительно его жертв, – произнес Крайцлер, когда мы въехали под освещенный огромными электрическими шарами порт-кошер «Метрополитэн-Оперы». Он попросил нас с Сарой поточнее описать, какое впечатление о мальчике у нас сложилось. Мы оба сочли своим долгом немного поразмыслить, так что умолкли и оставались в такой задумчивости, пока Стиви не притормозил у подъезда, а мы в сопровождении Сайруса не вступили в вестибюль оперы.

Для старой гвардии нью-йоркского общества «Метрополитэн-Опера» была «этой желтой пивоварней». Такую нелюбимую кличку здание, совершенно очевидно, получило из-за явной кубичности архитектуры раннего Ренессанса и характерного цвета кирпичей, из которых оно было сложено. Но отношение, крившееся за этими словами, было скорее навеяно обстоятельствами возникновения «Метрополитэн». Постройку «Оперы», занимавшей целый квартал, границами которого служили Бродвей, Седьмая авеню, 39-я и 40-я улицы, и открывшейся в 1883 году, оплатили семьдесят пять самых знаменитых (равно как и печально известных) нуворишей Нью-Йорка, носивших такие фамилии, как Морган, Гулд, Уитни и Вандербилт¹³, и никто из них не мог рассчитывать, что старые кланы никербокеров сочтут их достаточно благородными, чтобы позволить им заказывать себе ложи в респектабельной и уважаемой «Академии музыки» на 14-й улице. В ответ основатели «Метрополитэн» без излишней помпы, но с явной демонстрацией всей широты своих финансовых возможностей приказали возвести в новом здании не один и не два, а целых три яруса лож, ставших аренной настоящих классовых войн, разгоравшихся до, во время и после представлений и сравнимых лишь с беспорядками в центре города. Назло своим врагам импресарио, управлявшие «Метрополитэн», Генри Эбби и Морис Грау, собрали на одной сцене лучшие оперные таланты, так что к 1896 году вечер в «Желтой пивоварне» уже был для меломанов таким переживанием, которое не могли пре-
взойти ни один театр или труппа в мире.

Войдя в относительно небольшой вестибюль, не сравнимый в роскоши со своими европейскими аналогами, мы были встречены обычными изумленными взглядами ряда либеральных персон, не слишком счастливых от того, что приходится лицезреть Крайцлера в компании чернокожего. Большинство, однако, видели Сайруса и ранее, так что теперь они выносили его присутствие скорее с утомленной фамильярностью, нежели с подлинным возмущением. Мы проворно поднялись по угластой и узкой главной лестнице и в числе последних вошли в зал. Ложа Крайцлера находилась по левую сторону второго яруса «Бриллиантовой подковы», и мы стремительно пронеслись по задрапированному красным бархатом салону, дабы поскорее занять свои места. Едва мы успели сесть, свет стал меркнуть. Я успел достать свой складной театральный бинокль, бегло осмотреть соседние ложи в поисках знакомых лиц и мельком заметил Теодора и мэра Стронга, сидевших в ложе Рузвельта и, похоже, занятых весьма серьезным разговором. После чего перевел глаза в центр «Подковы», на ложу 35, где в сумраке, выделяясь своим пагубным носом, раскинул щупальца зловещий финансовый спрут Дж. Пирпонт Морган. С ним были несколько дам, но я не успел разобрать, кто именно, поскольку свет в зале погас окончательно.

Виктор Морель, выдающийся гасконский баритон и актер, для которого сам Верди специально писал некоторые (и самые известные) арии, был сегодня вечером на редкость в хорошей форме, но я опасался, что мы в Крайцлеровой ложе – за исключением, пожалуй, одного лишь Сайруса – были слишком поглощены совсем другими материями, чтобы во всей полноте оценить разворачивавшееся представление. В первом антракте наш разговор быстро свернул от музыки обратно к делу Санторелли. Сара удивилась, как могло случиться, что побои, наносимые отцом Джорджио, вынудили того с пущей пылкостью предаться сексуальным похождениям. Крайцлер тоже отметил эту иронию, сказав, что если бы отец Санторелли был способен нормально побеседовать со своим сыном и потрудились бы извлечь на свет божий корни такого странного поведения, то не исключено, что ему удалось бы переменить ситуацию. Однако насильем он добился лишь того, что их отношения превратились в битву за выживание, кое в сознании Джорджио стало ассоциироваться как раз с теми действиями, против которых отец воз-

¹³ Джей Гулд (1836–1892) – финансист, железнодорожный магнат, один из «баронов-разбойников». Илай Уитни (1765–1825) – механик, создатель принципа конвейерного производства. Корнелиус Вандербилт (1794–1877) – бизнесмен, основатель промышленно-финансовой династии.

ражал. Весь второй акт мы с Сарой не переставали поражаться *такой* концепции, но уже ко второму антракту до нас стало доходить, что мальчик, позволявший использовать себя самыми непристойными и грязными способами, возможно, этим манером утверждал свою самость.

То же в полной мере могло относиться и к детям Цвейга, добавил Крайцлер, в пух и прах раскритиковав мое предположение, что сходство этих двух жертв и юного Санторелли случайно. Ласло предостерег нас от недооценки важности новых сведений: фактически, мы имели перед собой начатки шаблона, на котором может выстроиться общая картина тех свойств, что вдохновляли убийцу к насилию. За это следовало благодарить Сару и ее решимость посетить Санторелли, равно как и то, что ей удалось расположить к себе мать мальчика. Крайцлер, хоть и неуклюже, рассыпался в уверениях своей искренней признательности, а благодарность, вспыхнувшая на лице Сары, стоила всех тягот минувшего дня.

Иными словами, мы очень мило болтали, когда в том же антракте в нашу ложу вошли Теодор и мэр Стронг. Воздух заметно сгустился. Несмотря на чин полковника и репутацию реформатора, Уильям Л. Стронг так же, как и многие хорошо обеспеченные и немолодые нью-йоркские дельцы, всем своим видом показывал, что Крайцлер ему без нужды. Его честь не удостоил наше приветствие ответом – просто сел в свободное кресло и молча дождался, когда погаснет свет. Поэтому неуклюже объяснять нам, что Стронг хочет сообщить всем нечто весьма важное, выпало на долю Теодора. В «Метрополитэн» отнюдь не считалось проявлением дурного тона беседовать во время представления, напротив – многие важные дела, в том числе и личного свойства, решались под аккомпанемент оперных арий. Но ни Крайцлер, ни я не разделяли подобного неуважения к происходившему на сцене. Иначе говоря, когда Стронг принялся читать нам свою нотацию под зловеющие аккорды, открывшие Акт III, публику мы представляли собой недружелюбную.

– Доктор, – сказал мэр, даже не посмотрев в его сторону. – Комиссар Рузвельт убеждал меня, что ваш последний визит в Управление носил исключительно светский характер. Я склонен ему верить. – Крайцлер ничего не ответил, что несколько уязвило Стронга. – Вместе с тем, я изрядно удивлен, видя вас в опере в обществе служащего Полицейского управления. – И он довольно грубо кивнул в сторону Сары.

– Если вы желаете ознакомиться со всем списком моих светских знакомств, мэр Стронг, – смело сказала Сара, – я могу предоставить вам такую возможность.

При этих словах Теодор украдкой, но сильно сжал себе лоб, а градус мэрского гнева повысился, хотя Стронг и не обратил внимания на ремарку Сары.

– Доктор, возможно, вы не отдаёте себе отчет, что в данный момент мы предпринимаем настоящий крестовый поход против коррупции в наших рядах, дабы очистить от скверны весь город. – И опять Крайцлер ничего не ответил – только еще сосредоточеннее принялся внимать Виктору Морелю и Фрэнсис Сэвилль, запевшим в сей момент дуэтом. – В этой битве у нас достаточно врагов, – продолжил Стронг, – и если они найдут способ опозорить или же дискредитировать нас, они этим способом воспользуются. Я понятно излагаю, сэр?

– Понятно ли мне, сэр? – наконец ответил Крайцлер, по-прежнему не глядя на мэра. – Разумеется, понятно мне только одно – к хорошими манерам вы не приучены... – И он пожал плечами. Стронг встал.

– В таком случае буду откровенен. Если вы вздумаете как-либо связать свою деятельность с Полицейским управлением, это позволит нашим врагам дискредитировать нас. Приличным людям без надобности ваша работа, сэр, равно как не нужны и в ваших омерзительных представлениях об американской семье. Ни к чему вам копаться в мозгах американских детей. Подобные вещи позволительны лишь самим родителям и их духовным наставникам. На вашем месте я ограничил бы свою деятельность приютами для умалишенных, где ей самое место. Как бы там ни было, в моей администрации нет потребности в такой грязи. Буду признателен, если вы запомните все мною сказанное. – Мэр развернулся и направился к выходу, лишь на мгнове-

ние задержавшись подле Сары. – А что касается вас, юная леди, то вам не следует забывать, что принятие на работу в Управление женщины было *экспериментом* – а эксперименты частенько заканчиваются неудачами.

На этом Стронг нас покинул. Теодор задержался ровно настолько, чтобы прошептать о неразумности светских выходов нашей троицы впредь, и исчез вслед за мэром. Случай был вопиющий и в то же время типичный: несомненно, многие из сегодняшней публики, представься им такой шанс, с радостью бы высказали Крайцлеру то же самое. Ласло, Сайрус и я слышали подобное неоднократно, а вот Саре пришлось тяжелее – ей эта нетерпимость была в новинку. До конца представления она сидела с таким видом, словно была готова разнести голову Стронга из своего «дерринджера», но финальный дуэт Мореля и Сэвилль оказался настолько бесподобно душераздирающим, что даже Сара забыла о тяготах реального мира. Когда зажегся свет, мы вскочили с мест и вместе со всем залом выкрикивали «браво» так рьяно, что заслужили от Мореля легкого мановения руки. Впрочем, стоило Саре заметить в ложе Теодора и Стронга, негодование ее вернулось.

– Право же, доктор, как вы это терпите? – воскликнула она, когда мы направлялись к выходу. – Ведь этот человек – полный остопоп!

– Как вам скоро станет известно, Сара, – мягко ответил Крайцлер, – человек не может себе позволить обращать внимание на подобные заявления. Хотя в интересе мэра к нашему делу имелся один аспект, который не смог оставить меня равнодушным.

Мне даже не пришлось об этом задумываться – идея пришла мне в голову сама по себе еще во время речи Стронга.

– Два священника, – сказал я.

Ласло кивнул.

– Именно, Мур. Эти два назойливых священника – ведь кто-то же организовал сегодня присутствие «духовных наставников» для сопровождения детективов. Но пока это неизбежно останется загадкой. – Он посмотрел на часы. – Отлично. Должны прибыть вовремя. Будем надеяться, что наши гости поступят так же.

– Гости? – спросила Сара. – Но куда мы едем?

– Ужинать, – просто ответил Крайцлер. – И я рассчитываю, что ужин дополнит весьма познавательная беседа.

Глава 10

Людам сейчас трудно поверить, насколько одна семья, владевшая несколькими ресторанами, оказалась способна повлиять на гастрономические традиции всей страны. Но именно таковым было достижение семейства Дельмонико в Соединенных Штатах прошлого века. До того как в 1823 году они открыли свое первое маленькое кафе на Уильям-стрит, надеясь удовлетворять потребности деловых и финансовых сообществ Нижнего Манхэттена, американская кухня, случись кому описывать ее одной фразой, представляла из себя вареные или жареные блюда, чье предназначение заключалось в поддержке сил для тяжелой работы и сдерживании побочных эффектов алкоголя – обычно весьма скверного. Дельмонико, несмотря на швейцарское происхождение, оперировали французскими методами, которые успешно перенесли в Америку, а каждое следующее поколение оттачивало и совершенствовало их. Первое время их меню предлагало десятки блюд равно восхитительных и полезных, великолепно приготовленных и при этом подававшихся по разумным ценам. Их винный погреб по размаху и пышности не уступал любому парижскому. Успех был так велик, что с интервалом в десяток лет они открыли два ресторана в центре и один ближе к окраине, поэтому когда грянула Гражданская война, путешественники со всей страны, отведавшие кухни Дельмонико, разнесли вести о них по городам и весям, не преминув лишний раз потребовать от владельцев местных заведений, чтобы отныне те предоставляли им не только приятную среду, но и полезную, хорошо приготовленную пищу. Мода на первоклассные обеды в последние десятилетия удивившего века буквально заразила всю страну, и виноваты в эпидемии были Дельмонико.

Но их семья процветала не только на прекрасных еде и питье. Равноправие – вот что привлекало клиентов. В любой вечер в ресторане на углу 26-й улицы и Пятой авеню кто угодно мог столкнуться как с Алмазом Джимом Брэди и Лиллиан Расселл, так и с миссис Вандербилт и прочими матронами нью-йоркского высшего света. За порог не выставляли даже таких субъектов, как Пол Келли. Хотя, возможно, еще поразительнее являлось то обстоятельство, что всякий желающий должен был равное время ждать, пока освободится столик – места здесь не резервировались (разве что можно было снять кабинет для вечеринки) и фаворитизм не приветствовался. Само ожидание несколько раздражало, но обнаружить себя в очереди за какой-нибудь миссис Вандербилт и слышать, как она верещит и топает ножкой по поводу «неслыханной наглости», порой бывало очень забавно.

Сегодня же, памятуя о нашей встрече с братьями Айзексонами и последующем совещании, Ласло позаботился снять отдельный кабинет, не без оснований предполагая, что наша беседа, случись она в главной зале, будет весьма неприятна для окружающих. Мы подъехали к занимавшему весь квартал зданию ресторана со стороны Бродвея, где находилось кафе, затем свернули влево на 26-ю улицу и остановились у парадного входа. Сайруса и Стиви на весь остаток вечера отпустили – им в последнее время и так выдалось немало бессонных ночей. Мы прошли внутрь и немедленно угодили под опеку юного Чарли Дельмонико.

Старшее поколение к 1896 году уже практически полностью отошло в мир иной, и Чарли пришлось оставить свою карьеру на Уолл-стрит, чтобы принять управление делами. Никто иной не подошел бы для этой задачи лучше: учтивый, элегантный, бесконечно тактичный человек, он заботился о всякой мелочи, при этом не выдавая своей озабоченности даже прищуром выразительных глаз, и ни один волосок его щегольской бородки не трепетал.

– Доктор Крайцлер, – провозгласил он, завидев наше приближение, протянул нам руки и тонко улыбнулся. – А также мистер Мур. Всегда рад вас видеть, особенно когда вы вместе. О, и мисс Говард с вами, очень приятно – вы давно к нам не заглядывали. – Таким образом Чарли дал Саре понять, сколько ей пришлось пережить после смерти отца. – Ваши гости, доктор, уже прибыли и ждут наверху. – Он не умолкал, пока мы снимали верхнюю одежду. – Я помню ваши

слова насчет того, что оливковые и багровые тона не способствуют пищеварению, поэтому взял на себя смелость разместить вас в голубом зале – надеюсь, вас это устроит?

– Продуманно, как и всегда, Чарлз, – ответил Крайцлер. – Благодарю вас.

– Прошу наверх, – продолжал Чарли. – Ранхофер в любое время к вашим услугам.

– Ага! – воскликнул я, заслышав имя блистательного шеф-повара Дельмонико. – Надеюсь, он готов к нашему безжалостному правосудию?

Чарли вновь улыбнулся, элегантно изогнув уголки рта:

– Я думаю, сегодня он измыслил нечто выдающееся. Идемте, джентльмены.

Мы последовали за Чарли мимо зеркальных стен, мебели красного дерева и фресок, украшавших потолок главной залы, к лестнице, ведущей в голубой кабинет на втором этаже. Братья Айзексоны уже устроились за небольшим изящным столом – несколько сбитые с толку. Еще больше они занервничали, увидев Сару, – они были знакомы с ней по Управлению. Но та осмотрительно предупредила все их расспросы, сказав, что кто-то ведь должен стенографировать беседу для комиссара Рузвельта, питающего личный интерес к этому делу.

– Вот как? – ответил на это Маркус Айзексон, и его темные глаза, разделенные выдающимся носом, наполнились опасением. – Это ведь... я надеюсь, это не какая-то проверка? Я знаю, никому в Управлении ее не миновать, но... в конце концов, делу уже три года, и судить о нас по нему не очень справедливо.

– Не то чтобы мы не отдавали себе отчета, что дело по-прежнему открыто, – быстро добавил Люциус, утирая со лба капли пота. Официанты тем временем спешили к нам с блюдами устриц, а также бокалами хереса и темного пива.

– Успокойтесь, детектив-сержанты, – сказал Крайцлер. – Это не проверка. Вы здесь именно потому, что не имеете ничего общего с теми субъектами в полиции, кои вызвали к жизни нынешние контроверзы. – При этих словах оба Айзексона шумно вздохнули и решительно атаковали херес. – Вы ведь, – продолжил Крайцлер, – насколько я понимаю, не входили в число любимчиков инспектора Бёрнса?

Братья переглянулись, и Люциус кивнул Маркусу, который ответил:

– Нет, сэр. Бёрнс исповедует методы, которые мы считаем... скажем так, устаревшими. Мой брат... детектив-сержант Айзексон и я – мы оба получили образование за границей, что вызывало крайнее подозрение инспектора. Как, впрочем, и... наше происхождение.

Крайцлер кивнул: ни для кого не было секретом, как старая гвардия Управления относилась к евреям.

– Ну, в таком случае, джентльмены, – произнес Ласло, – предлагаю поведать, что именно вам сегодня открылось.

После небольшого спора относительно того, кому первым надлежит докладывать, Айзексоны сошлись на том, что слово будет предоставлено Люциусу.

– Как вам известно, доктор, мало что можно сказать после исследования тел в последней стадии разложения. Тем не менее я склонен полагать, что нам удалось обнаружить пару фактов, ускользнувших от внимания коронера и детективов. Начнем с причины смерти... прошу прощения, мисс Говард, вы разве не намеревались все записывать?

– Мысленно, – улыбнулась она. – Позже я перенесу все на бумагу.

Ответ не удовлетворил Люциуса, и он, прежде чем продолжить, нервно посмотрел в ее сторону:

– Да. Так вот, насчет обстоятельств смерти... – В этот момент появился официант, убравший поднос с устрицами и заменивший его на зеленый черепаховый суп *au clair*. Люциус снова утер пот и отведал поданное блюдо, пока официант откупоривал бутылку амонтильядо. – М-м, бесподобно! – объявил он; еда его явно успокоила. – Так вот, как я уже говорил, отчеты полиции и коронера свидетельствуют, что смерть наступила в результате травмы гортани. Разрезы сонных артерий и так далее.

Таков обычный вывод, если вам достается тело с перерезанным горлом. Но я практически сразу обратил внимание на обширные повреждения в области гортани – особенно это касается подъязычной кости, которая в обоих случаях была сломана. Что, в свою очередь, указывает на удушение.

– Что-то я не понял, – сказал я, – зачем убийце перерезать горло жертвам, если он уже задушил их?

– Жажда крови, – просто ответил Маркус, хлебая суп.

– Да-да, жажда крови, – согласился Люциус. – Не исключено, что он заботился о том, чтобы на его одежде не осталось следов преступления, поскольку ему еще предстояло сбежать, не привлекая к себе излишнего внимания. Но этому человеку необходимо было увидеть кровь, или, как вариант – ощутить ее запах. Некоторые убийцы признавались, что запах крови действует на них сильнее, чем ее вид.

К счастью, я уже закончил суп, так что последнее замечание не слишком сказалось на состоянии моего желудка. Я посмотрел на Сару, но та проглотила последнюю реплику братьев с невозмутимостью, достойной уважения. Тем временем Крайцлер продолжал изучать Люциуса, и лицо его выражало искреннее любопытство.

– Таким образом, – сказал Ласло, – вы предполагаете удушение. Замечательно. Что еще?

– Еще кое-что насчет глаз, – сказал Люциус, откидываясь назад, чтобы официант смог забрать его пустую тарелку. – Эту часть в отчетах я не очень понял.

В этот момент нам подали весьма аппетитные *aiguillettes* из окуня в соусе «морнэй». Амонтильядо сменил «хоххаймер».

– Прошу простить меня, доктор, – тихо вмешался Маркус, – но я не могу промолчать: еда просто восхитительна. Я никогда не пробовал ничего подобного.

– Польщен, детектив-сержант, – ответил Крайцлер. – Но это лишь начало. Вернемся же к нашим глазам.

– Верно, – сказал Люциус. – В полицейских отчетах сказано что-то насчет птиц или крыс, уничтоживших глаза жертв. И коронер предпочел вынести именно такое заключение, что в данных обстоятельствах весьма необычно. Даже если бы тела находились на открытом пространстве, а не в запертой водонапорной башне, разве пожиратели падали удовлетворялись бы одними глазами? Но еще больше озадачили меня явные метки, оставленные ножом.

Крайцлер, Сара и я перестали жевать и переглянулись.

– Следы ножа? – тихо переспросил Крайцлер. – В отчетах не было ни слова о следах от ножа.

– Да, я знаю! – радостно воскликнул Люциус. Несмотря на мрачность темы, беседа, похоже, расслабила его; вино тоже сделало свое дело. – И это самое странное. Но следы там есть – длинные узкие борозды на скуловой кости и надглазничном гребне, а также следы на клиновидной кости.

Практически те же самые слова произнес Крайцлер, описывая состояние тела Джорджио Санторелли.

– На первый взгляд, – продолжил Люциус, – можно решить, что все это ни о чем не говорит – просто кто-то поработал ножом и все. Но эти отметины показались мне весьма характерными, так что я решил немного поэкспериментировать. По соседству с вашим Институтом, доктор, оказалась весьма неплохая лавочка ножовщика, и в числе прочих там имелась неплохая подборка ножей охотничьих. Я прогулялся туда и приобрел один экземпляр, который, как мне показалось, мог быть использован в данном случае. Точнее, три – различных размеров: девяти-, десяти- и одиннадцатидюймовый. – Он порылся во внутреннем кармане. – Самый большой пришелся впору.

С этими словами он выложил на стол сверкающий клинок, показавшийся мне просто гигантским. Рукоять его была сделана из оленьего рога, гарда отлита из бронзы, а на стальном жале клинка был выгравирован олень в каких-то кустах.

– «Арканзасская зубочистка», – торжественно объявил Маркус. – Неизвестно, кто именно придумал его в начале тридцатых годов, Джим Буи или его брат, однако мы знаем, что нынче их производит единственная фирма в Шеффилде, Англия, на экспорт в наши западные штаты. Его можно использовать на охоте, но фактически это боевая модель. Для рукопашных поединков.

– А может он использоваться, – спросил я, припоминая Джорджио Санторелли, – как инструмент для резьбы по кости и разделке мяса? То есть, он же достаточно тяжел и остр?

– Абсолютно верно, – ответил Маркус. – Заточка зависит от качества стали, а у ножей такого размера, особенно если они произведены в Шеффилде, сталь вне конкуренции. – Тут он осекся и озадаченно посмотрел на меня, как уже делал это сегодня днем. – Простите, а почему вы спросили?

– Выглядит дорого, – сказала Сара, меняя тему разговора, – это так?

– Конечно, – ответил Маркус. – Но цена достойна качества. Такой прослужит вам годами.

Крайцлер уставился на нож – его взгляд, казалось, говорил: так вот чем *он* пользуется...

– Следы на клиновидной кости, – продолжал Люциус, – появились одновременно с бороздами на скуловой и надглазничном гребне. Это совершенно естественно, если учитывать, что он орудовал столь большим инструментом в столь ограниченном пространстве – глазнице ребенка. Но перед нами образец умелой работы. В противном случае повреждения были бы куда более значительными. Теперь... – он отхлебнул из бокала, – если вы хотите знать, *что* он сделал и *зачем*, здесь мы можем только предполагать. Возможно, он продавал части тела анатомам и в медицинские колледжи. Хотя в этом случае он бы забрал не только глаза. Это, конечно, несколько смущает.

В ответ никто из нас не смог проронить ни слова. Мы продолжали пялиться на нож, а лично я просто боялся к нему притронуться. Снова появились официанты – на сей раз они внесли тарелки с седлом барашка *à la Colbert* и бутылки «Шато Лагранж».

– Достоин восхищения, – произнес Крайцлер. Наконец он бросил взгляд на Люциуса, чье упитанное лицо неудержимо приобретало оттенок вина. – Действительно прекрасно выполненная работа, детектив-сержант.

– И это еще не все, – ответил Люциус, зарываясь в баранину.

– Ешь помедленнее, – прошипел Маркус, – помни о своем желудке.

Люциус не внял.

– Это еще не все, – повторил он. – Обнаружилась и пара любопытных повреждений лобной и теменной костей черепа. Но если вы не против, дальше я позволю брату... детектив-сержанту Айзексону продолжить рассказ. – Ухмыльнувшись, Люциус оторвался от тарелки. – Еда настолько превосходна, что мне трудно говорить.

Маркус посмотрел на него и покачал головой.

– Тебе завтра будет плохо, – прошептал он. – И виноват у тебя окажусь я – но я тебя предупреждал.

– Детектив-сержант? – сказал Крайцлер, откидываясь на спинку с бокалом «Лагранжа». – Ваши данные должны быть поистине замечательны, чтобы вы могли превзойти своего... *коллегу*.

– Что ж, это действительно интересно, – ответил Маркус, – и может подсказать нам кое-что существенное. Линии расколов кости, обнаруженные моим братом, указывают на то, что удары были нанесены сверху – *непосредственно* сверху. В случае нападения, а таковое, безусловно, имело место, по ним можно сделать определенные выводы касательно угла удара и высоты, с которой он был нанесен. Повреждения указывают на то, что нападавший не только

превосходил своих жертв физически и те находились полностью в его власти, но еще и был достаточно высок, чтобы нанести удар прямо сверху неким тупым предметом, возможно, даже кулаком, хотя в последнем мы пока сомневаемся.

Мы позволили Маркусу спокойно прожевать, но когда на смену барашку, от которого Люциуса пришлось оттаскивать насильно, пришло сочное мясо мэрилендских водяных черепах, мы стали умолять его продолжить рассказ.

– Дайте подумать. Я постараюсь изложить доступнее: итак, у нас есть точный рост детей, плюс особенности черепных повреждений – и мы получаем уравнение, решение которого подскажет нам рост нападавшего. – Он повернулся к Люциусу. – Что у нас получилось – где-то шесть футов и два дюйма? – Люциус кивнул, и Маркус продолжил: – Не знаю, насколько вам знакома антропометрия, то есть система Бертильона для классификации и идентификации...

– О, так вы ее изучали? – спросила Сара. – Мне давно хотелось познакомиться с такими людьми.

– Вы знаете работы Бертильона, мисс Говард? – удивился Маркус.

Сара кивнула, но тут вмешался Крайцлер:

– Должен признаться, детектив-сержант, не знаю я. Слышал имя, но не более.

И вот так, расправляясь с черепашьим мясом, мы прошлись по достижениям Альфонса Бертильона, французского мизантропа и педанта, который в восьмидесятых годах совершил настоящую революцию в криминалистике – точнее, в той ее части, которая занималась уголовным опознанием. Работая скромным клерком, в чьи обязанности входило перебирать досье, собранные полицейским департаментом Парижа на известных преступников, он обнаружил, что если сверять четырнадцать параметров человеческого тела – не только рост, но и размер ступни, рук, носа, ушей и так далее, – шанс, что два человека будут иметь одинаковые параметры, окажется 286 миллионов к одному. Невзирая на чудовищное противодействие коллег и начальства, Бертильон начал заносить данные по всем известным преступникам в картотеку, попутно тренируя работавших с ним замерщиков и фотографов. И когда он благодаря этой информации разрешил несколько печально известных дел, перед которыми спасовали ведущие парижские детективы, к нему пришло мировое признание.

Система Бертильона быстро прижилась в Европе, чуть позже – в Лондоне, однако в Нью-Йорке ее стали использовать сравнительно недавно. Возглавляя Отдел расследований, Томас Бёрнс отвергал антропометрию с ее точными замерами и тщательно сделанными снимками как систему, требующую от его людей излишнего напряжения умственных сил, – гипотеза, пожалуй, верная, учитывая, что напрягать там было нечего. Более того: Бёрнс создал «Галерею негодяев» – комнату, набитую фотографиями всех известных злодеев Соединенных Штатов. Он ревностно относился к своему детищу и полагал его достаточным для опознания любого преступника, попадающего в руки правосудия. И, наконец, Бёрнс разработал собственные принципы детективного сыска и не потерпел бы конкуренции со стороны какого-то французишки. Но с отходом Бёрнса от дел антропометрия понемногу стала завоевывать все больше поклонников, и один из них оказался в этот вечер за нашим столом.

– Главный недостаток системы Бертильона, – говорил Маркус, – помимо того, что она требует квалифицированных замерщиков, сводится к тому, что система эта способна лишь сопоставить личность подозреваемого или приговоренного преступника с тем, что есть на него в картотеке, – под любыми именами.

Доев вазочку шербета «Эльсинор», Маркус уже было полез в карман за сигаретой, наивно полагая, что с ужином покончено. Однако его приятно удивил официант, поставивший перед ним блюдо с уткой-нырком и гарниром из мамалыги со смородиновым желе, а также бокал превосходного шамбертена.

– Прошу прощения, доктор, – смущенно начал Люциус, – но... это финал ужина или начало завтрака?

– Пока вы будете снабжать нас ценными сведениями, детектив-сержанты, еда будет поступать.

– Ну... в таком случае... – Маркус отправил в рот огромный кусок утки и закатил глаза. – Нам лучше не истощать интереса к себе. Как я уже говорил, система Бертильона не предоставляет физических улик преступления. Она не может поместить следователя на место его совершения. Но она способна существенно сократить список подозреваемых, могущих оказаться причастными к преступлению. Мы полагаем, что человек, убивший детей Цвейга, был ростом шесть футов два дюйма или около того. Даже в Нью-Йорке это сокращает список до весьма небольшого количества кандидатов. Это уже преимущество. А еще лучше то, что система приживается в новых городах, – так можно расширить поиски на всю страну, хоть до Европы, если пожелаем.

– А если человек ранее не привлекался к суду? – спросил Крайцлер.

– Тогда, как я уже говорил, – пожал плечами Маркус, – нам не повезет. – Крайцлер обескураженно глянул на него, но Маркус, насколько я заметил, смотрел исключительно в тарелку, гадая, действительно ли поток еды иссякнет, когда беседа зайдет в тупик. Затем детектив-сержант прочистил горло. – Увы, но это так, доктор, не повезет так же, как не везет Управлению с его нынешними методами. Хотя, конечно, я изучал и другие, которые в данном случае могут оказаться для нас полезными.

Люциус озабоченно взглянул на него.

– Маркус, – пробормотал он, – я по-прежнему не уверен, к тому же они пока не приняты...

Тот ответил так же тихо и быстро:

– Не приняты *в суде*. Но в расследовании могут иметь смысл. И мы с тобой это уже *обсуждали*.

– Джентльмены, – громко сказал Крайцлер. – Может, вы поделитесь вашим секретом?

Люциус нервно отхлебнул шамбертена.

– Это пока теория, доктор, и нигде в мире ее плоды не считаются судебной уликой, но... – Он посмотрел на Маркуса, будто взвешивая, лишил его брат своим выпадом десерта или нет. – Ну ладно, ладно. Продолжай ты.

– Это называется дактилоскопия, – тоном заговорщика произнес Маркус.

– О, вы имеете в виду отпечатки пальцев? – спросил я.

– Именно, – ответил Маркус. – Таков общеупотребительный термин.

– Но, – вмешалась Сара, – я не хочу обидеть вас, детектив-сержант, однако дактилоскопию отвергли все полицейские департаменты мира. Научно ее выводы пока недоказуемы и с ее помощью не раскрыли еще ни одного дела.

– Не вижу в этом ничего обидного, мисс Говард, – ответил Маркус, – и, надеюсь, вы в свою очередь тоже не обидитесь, если я скажу, что вы заблуждаетесь. Наука ее подтверждает и несколько дел благодаря этой методике уже были успешно расследованы – хотя и не в той части света, о которой вы слышаны.

– Мур, – перебил его Крайцлер, довольно резко обратившись ко мне, – я теперь понимаю, каково бывает вам порой в моем обществе. Дамы и господа, я опять совершенно потерял нить разговора.

Сара принялась объяснять Ласло, о чем идет речь, но после его остроты я не мог удержаться и отыгрался на славу. Дактилоскопия или снятие отпечатков пальцев (я старался объяснять по возможности максимально снисходительным тоном) уже не один десяток лет обсуждалась в качестве универсального метода опознания любых человеческих особей, в том числе – преступников. Исходная научная предпосылка заключалась в том, что отпечатки пальцев с возрастом человека не меняются. Однако множество антропологов и врачей упорно отказывались принять сей факт, несмотря на все возрастающее количество подтверждений и успешных

практических демонстраций. К примеру, в Аргентине – той части света, о которой, по мнению Маркуса Айзексона, в Америке и Европе понятие самое приблизительное – снятие отпечатков пальцев было даже официально проверено в деле, когда провинциальный полицейский офицер по фамилии Вучетич в Буэнос-Айресе воспользовался этим методом, расследуя зверское убийство двух маленьких детей тяжелым тупым предметом.

– И таким образом, – сказал Крайцлер, когда на пороге кабинета вновь выросли наши официанты с *petits aspics de foie gras* в руках, – я так понимаю, это серьезный отход от системы Бертильона.

– Не совсем, – ответил Маркус. – Они все еще борются друг с другом. Хотя надежность отпечатков пальцев наглядно продемонстрирована, методу многие сопротивляются.

– И следует запомнить важнейшую вещь, – добавила Сара: как приятно видеть, что теперь *она* читает лекцию Крайцлеру! – Отпечатки пальцев могут точно указать на того, кто побывал на месте преступления. Это идеально подходит для нашего... – Она осеклась и сразу же сникла. – У этого есть будущее.

– И каким образом получаются эти отпечатки? – спросил Крайцлер.

– Существует три основных метода, – ответил Маркус. – Во-первых, видимые отпечатки, которые могут быть оставлены рукой, испачканной в краске, крови, чернилах или в чем-нибудь еще, на какой-либо поверхности. Далее следуют пластические, оставляемые человеком на оконной замазке, глине, мокрой штукатурке и так далее. И, наконец, самые трудные – латентные, то есть скрытые отпечатки. Если вы, доктор, возьмете в руку вот этот бокал, ваши пальцы оставят на нем след пота и жира, выделяемого телом. И если я подозреваю, что вы касались этого бокала... – Маркус достал из кармана два маленьких флакона: в одном находился сероватый порошок, во втором – некая черная субстанция, также порошкообразная. – Я посыпаю поверхность, которой вы касались, алюминиевой пудрой, – он потряс флаконом с серым порошком, – либо угольной пылью, – и в качестве иллюстрации он поднял черный флакон. – Выбор зависит от цвета поверхности. Белое применяется на темных объектах, черное – на светлых. Для бокала подойдет и то, и другое. Пудра прекрасно впитывается потом и жировыми выделениями и являет нам великолепные четкие отпечатки.

– Поразительно, – произнес Крайцлер. – Но почему же тогда, если было официально доказано, что человеческие отпечатки не совпадают между собой и не меняются с возрастом, эта методика не может служить официальной уликой в суде?

– Люди не любят перемен, даже если это перемены прогрессивные. – Маркус отложил флаконы и улыбнулся. – Но, я уверен, вам это известно, доктор Крайцлер.

Крайцлер кивнул и, отодвинув тарелку, выпрямился на стуле.

– Я вам очень признателен за крайне познавательную беседу, – сказал он, – однако чувствую, детектив-сержант, что в ней имеется двойное дно.

Маркус вновь повернулся к брату, но тот лишь покорно пожал плечами. После чего Маркус полез во внутренний карман пиджака и достал оттуда какой-то плоский предмет.

– Есть шансы, – начал он, – что и сейчас коронер ни за что не обратит внимание на подобную вещь, а три года назад – и подавно. – И он уронил на стол маленькую фотографию, над которой немедленно склонились наши головы. Это был снимок нескольких белых предметов, видимо – костей, как я догадался мгновение спустя. Но более ничего об этом снимке я сказать не мог.

– Пальцы? – вслух поинтересовалась Сара.

– Пальцы, – ответил Крайцлер.

– А точнее, – добавил Маркус, – пальцы левой руки Софии Цвейг. Обратите внимание на ноготь большого пальца, он здесь хорошо виден. – Он достал из кармана увеличительное стекло и протянул нам, после чего откинулся назад и принялся жевать *foie gras*.

– Похоже, – задумчиво произнес Крайцлер, когда лупу у него из рук приняла Сара, – на нем синяк. По крайней мере, какое-то пятно.

– Мисс Говард? – Маркус посмотрел на Сару. Та поднесла лупу ближе к глазам и наклонилась к фотографии. Ее глаза сощурились, а затем удивленно расширились:

– Я вижу...

– Видишь что? – Меня, как четырехлетку, переполняло нетерпение.

Ласло наклонился и посмотрел на снимок через ее плечо. Его удивление было еще более заметным и ярким, нежели у Сары:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.